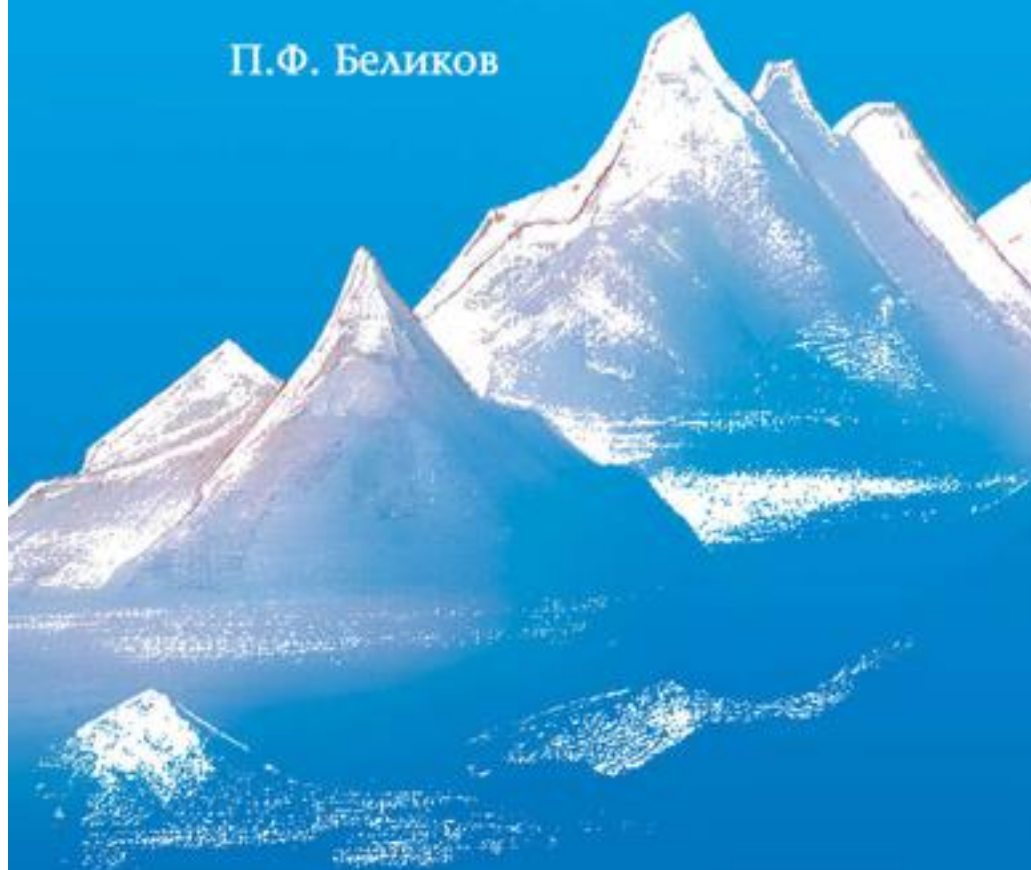

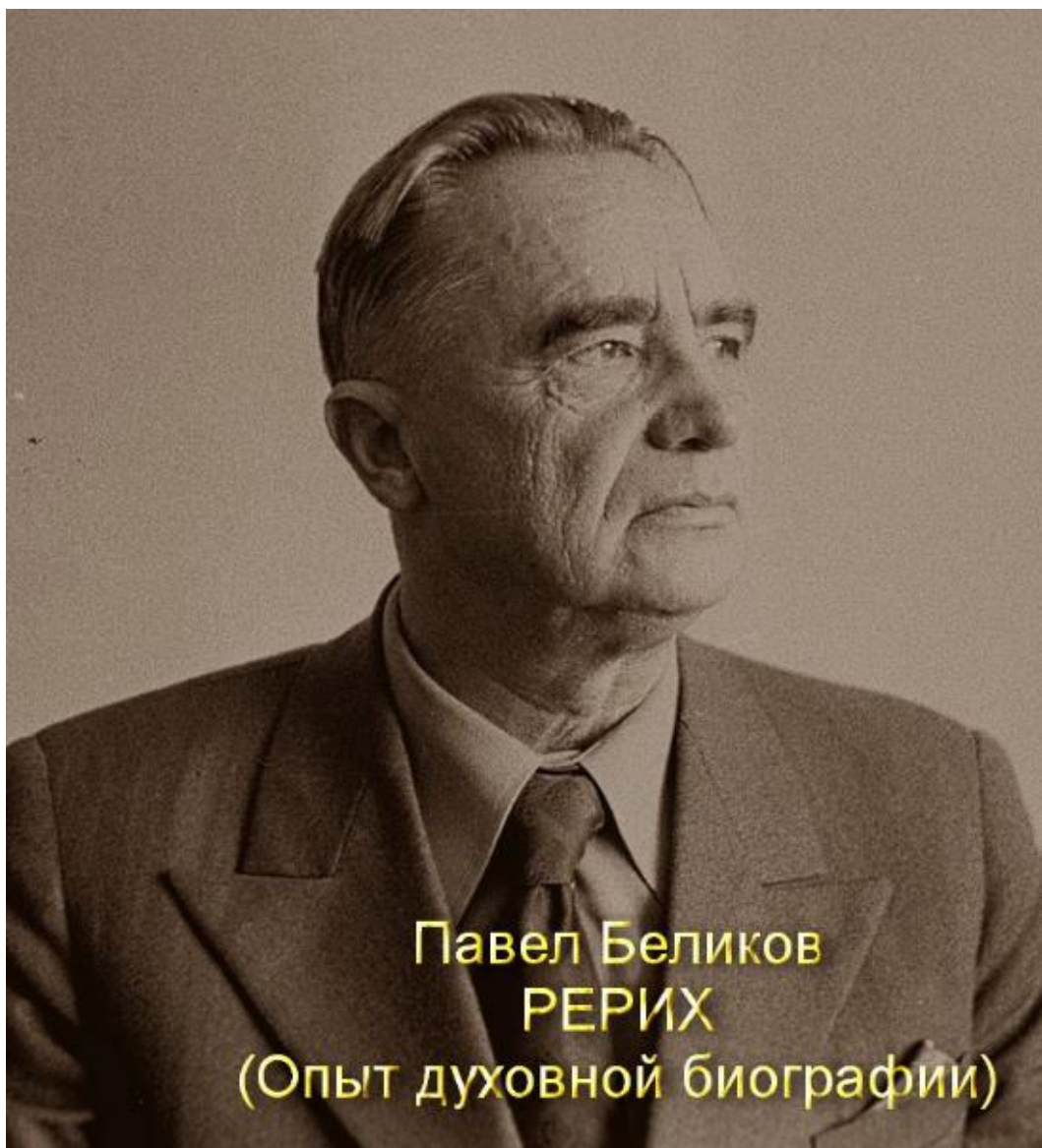
П.Ф. Беликов

РЕРИХ

ОПЫТ ДУХОВНОЙ БИОГРАФИИ

П. Ф. Беликов

Павел Беликов
РЕРИХ
(Опыт духовной биографии)

РЕРИХ

(опыт духовной биографии)

«Спросят — почему нельзя сразу явить сужденное?

Отвечайте — колонны дома ставятся в порядке.

Иногда рабочие скажут — дай, мы сразу поставим,

— Строитель скажет — разрушить задумали! Так содержит капля весь мир».

(«Листы Сада М.» книга 2, VI, 5.)

«На выставку Н.К. я пришлю Его картину "Клад захороненный". Сколько в ней глубокого смысла, сколько в жизни Н. К. именно этого "Клада захороненного" — До времени! —»

(Из письма С. Н. Рериха от 19.06.73)

Введение

Большинство даже наиболее фундаментальных трудов о жизни и творческой деятельности Н. К. отличается известной односторонностью. Вполне понятно, что такая односторонность вызвана замалчиванием Миссии Н. К., как Посланца Б. Б. Он сам не представлял своей жизни отдельно от этой Миссии и, конечно, любые представления о ней в отрыве от Главнейшего неизбежно ведут к односторонности и относительности всех оценок.

Однако мы не можем сказать, что статьи или книги, в которых о Миссии Н. К. декларируется открыто, запечатлели его образ во всей полноте и значимости. Так, например, в замечательной статье Теодора Хеллинга «Голос Эпохи» мы читаем: «Никто из тех, кто знакомился с мыслями, целями, идеалами и трудами Рериха, не может сомневаться в том, что он был Посланцем Великого Белого Братства. Божественным Поручением его было нести мир через культуру.

Искусство, во всей разновидности его форм, было главным средством выражения, и красота, в ее очищающем аспекте, являлась той силой, благодаря которой он достиг самых замечательных результатов».

Кажется, что яснее об Основном для Н. К. и сказать нельзя. Но как достиг он этих результатов? Как подходил к осознанию своей жизненной Задачи? Как преодолевал препятствия на пути к ее решению? Или все трудности устранялись чудодейственным мановением руки «Белого Мага», каковым выводят Н. К. некоторые авторы? Так, с одной стороны творился образ, хотя и выдающегося, но вполне земного, как и все, часто ошибавшегося человека, а с другой, — божественного «сверхчеловека», безошибочно распознававшего все хитросплетения «дел человеческих». Было бы неуместным винить тех или иных исследователей в недобросовестности.

Наивно предписывать им свои рецепты, свои понятия о том, как следует или как не следует писать о Н. К. Выдвигать столь примитивные требования в наше сложное и ответственное время бессмысленно. Ведь наряду с вопросом «можно или нельзя?» во всей своей жизненности и неотложности существует еще и вопрос «нужно или не нужно?», а на него нет однозначного ответа. Поэтому, пожалуй, меньше ошибается тот, кто решит, что все написанное, все подвергшееся обсуждению, оказалось в какой-то степени нужным и полезным. Прибегать к ссылкам на ограниченность имеющихся исследований допустимо лишь в целях выявления еще мало освещенных или даже совсем неизвестных сторон жизни и деятельности Н. К.

По существу, для будущего имеет значение лишь одно: что мы можем и должны добавить об Н. К. к уже опубликованному.

Подчеркиваю, — и должны, ибо были его современниками и соприкасались с Источниками, непосредственного воздействия которых уже не испытывают на себе последующие поколения.

Ведь, именно, в наше время, перед нашими глазами, делясь с нами своей мудростью, опытом, планами и заботами, прошел Н. К., и не к нам ли в первую очередь обращены слова С. Н.: «Надо создать Истинный Светлый Образ, но Человеческий, Подвижника, Человека, который жил для человечества, — образ истинного Подвижника, Ученого, Учителя, Жизнь которого прошла Горним Путем. Много было замечательного в жизни Н. К., но как это осветить и когда — не знаю».

(Из письма С. Н. к П. Б. от 26.10.1965)

Воистину — «Клад захороненный», полное открытие которого возможно лишь в Сужденное время!

Тем не менее мы не вправе отказаться от поисков каких-то новых подходов к нему. В этом заключается наш долг перед своим временем и наша доля отдачи за Доверенное нам.

Одной из вех к таким поискам могут послужить слова Учения:

«Четыре стража, кубок Архангела храните. Наполнен вином Новым явленный вам ковчег.
Устам времен Я заповедал привести вас на путь Мой.
Под покровом земли сокрыл ваш лик. Наполнил отраду восхождения.
Прояснил память ушедшего свитка. Широко суждения поднял и открыл книги. Придите, примите».

(«Листы Сада М.» книга 1, 1922, апр. 23.)

Следуя этому Указанию, мы обязаны еще пристальнее взглянуться в мельчайшие подробности жизни Четырех, призванных на Служение Самим Владыкой, помня при этом, что: «Сперва происходит сосредоточение земное, потом тонкое и затем огненное, когда сердце вмещает и небесное, и земное».

(«Сердце», § 587)

Горний Путь Архата — это путь победителя в битвах земных долин!
У читателя могут возникнуть вопросы — имеет ли эта работа какое-либо касательство к книге «Рерих», изданной в серии «Жизнь замечательных людей», а также — известна ли была автору та роль Рериха, о которой говорится теперь открыто?

На последний вопрос ответить просто — «да, известна».

На первый вопрос ответить несколько сложнее. Дело в том, что когда автор работал над упомянутой книгой, то у него было одно стремление — написать так, чтобы впоследствии к написанному пришлось бы только добавлять, но ничего не надо было бы зачеркивать.

То, что добавить будет необходимо, автору было совершенно ясно. Наличие соавтора и редактора значительно усложняли задачу.

Но надо сказать, что соавтор вообще не претендовал на оценку мировоззрения Рериха, а редактор проявил в этом деле максимум возможной деликатности. За исключением двух или трех фраз, добавленных в процессе редактирования и некоторых изъятий в этой, важнейшей части книги, текст прошел без изменений.

Так что настоящую работу можно считать, как необходимое дополнение к изданной книге, дополнение, которое все время имелось ввиду, так как без него жизнь и деятельность всех четырех Рерихов не имела бы ключа к полному раскрытию.

Тем не менее на определенных этапах книга серии «Жизнь замечательных людей», если только автору удалось справиться с задачей «добавлять, а не вычеркивать», имеет большое значение и уже издана на языках бенгали, непала, румынском и литовском.

Нет и не должно быть такой «эзотерики», которая не имела бы своего «экзотерического» аспекта. В этом ее жизненность и оправдание. В противном случае оставалась бы мистика, не имеющая выхода в жизнь. Давно изречено: «Нет ничего тайного, что бы ни стало явным», — а значит не имеется и явного, что не имело бы в своем основании тайны. Границы неизведанного постоянно отодвигаются, но никогда не могут быть уничтожены. Это и будет ответом на первый вопрос об отношении настоящей работы к книге «Рерих».

Хронология жизни и последовательность духовных прозрений не всегда идут в ногу. Порой Озарение приходит очень рано, иногда только на склоне лет. Очевидно это зависит от характера Поручений, успешное выполнение которых требует соответствующей подготовки и приспособления к существующим условиям жизни. Безусловно, решающую роль играют также законы свободной воли и кармы. Зачастую только сужденные кармические встречи выявляют полный объем миссии и приносят средства для ее несения.

Возможно, что с Н. К. и Е. И. было именно так. Во всяком случае, в их молодости мы не обнаруживаем следов того, что предназначенный им Путь открылся им сразу и без всяких усилий с их стороны. Каждое воплощение Большого Духа сопряжено с жертвой, и Е. И. и Н. К. не обошли ее стороной:

*«Какою силою утвердитесь?
Как достигнете исполнения Нашего дела? Властью, Нами
данною.
Мне ли говорить о власти?
Когда все глупое и когда все
тщеславное к власти устремляется.
Но Я Говорю и Утверждаю.
Но Наша власть иная —
Наша власть — Жертва».*

(«Листы Сада М.», кн. 1, 1922, сент. 23.)

О молодых годах Е. И. нам открыто сейчас мало. Известно лишь, что росла она живым и любознательным ребенком. Ее окружение, в какой-то мере, облегчало ей дорогу к Знанию и Красоте, но, с другой стороны, открывало «заманчивую» перспективу обеспеченной и легкой жизни. По законам Кармы, свободное волеизлияние Е. И. решило выбор и воспитало изумительную трудоспособность и дисциплину духа, необходимые для свершения земного Подвига.

О Н. К. сохранились довольно обширные архивные материалы, начиная с его студенческих лет. Главнейшие из них: дневники 1894—1899 гг., переписка с Е. И. 1900—1911 гг., переписка с различными лицами. Все это собрано в личном архиве Н. К., переданном в рукописный отдел Третьяковской Галереи после смерти его брата Бориса Константиновича (1885—1945).

Беглое знакомство со студенческими дневниками Н. К. может вызвать недоумение. В них много незрелых суждений, вызванных острой реакцией на личные огорчения.

Эту черту отмечает в себе и сам Н. К.: «Насколько я люблю похвалу и насколько она меня поднимает, настолько удручает и огорчает резкое порицание, раз даже аппетит потерял. А все самолюбие, ох какой кнут — это самолюбие, так и стегает, ни минуты покоя. А все лучше иметь его больше меры, чем меньше. При нем можно сделать много такого, чего без него не сделаешь».

(ГТГ, фонд 44, Дневник от 28.09.1894 г.)

Или: «Вот, например, чем наградили меня первые шаги в жизни после гимназии — первым делом — нервным сердцебиением, часто теперь мне досаждающим, а разве можно променять несколько лестных, хороших отзывов на массу неприятных минут при сердцебиении? Впрочем, показал — иногда и могу променять, но все же только иногда, а подобные иногда редко. Фу, черт, голова болит».

(Там же, от 13.10.1894 г.)

Очень резкие, подчас явно несправедливые характеристики даются преподавателям Академии художеств, в частности, П. П. Чистякову, одному из лучших педагогов своего времени. Абсолютно несвойственной Н. К. должна казаться фраза: «В класс заходили Д. Маковский и Куинджи. Куинджи по виду сущая свинья в ермолке, ближе его не знаю».

(Там же, от 20.10.1894 г.)

Достается в студенческих дневниках Репину («Еремей Лукавый Мужеченко») и другим художникам-преподавателям. Безжалостно комментируются столкновения с однокашниками. После неудавшейся попытки организовать среди академистов кружок самообразования Н. К. записывает: «Не народ тут, а грубые свиньи и больше ничего. Видите, демократы! Нас заподозрили в каком-то триумвираторстве».

(Там же, от 18.10.1894 г.)

Болезненно переживает Н. К. свои неудачи в живописи: «Этюд окончательно испортил. Ничего нужного из него не выйдет. Наложил столько краски, что не знаю, что и делать. Этот будет еще хуже первого. Что-то профессора скажут — дали нам более легкую задачу, а мы легкую еще хуже трудной разрешили. Пожалуй, погонят меня, Скалова да Леона к Рождеству из Академии. Ох, страшно при этой мысли.

Что тогда будет? Хоть в петлю. — Не могу, конечно, судить о новых профессорах, но старые хоть худо, худо, а если и придут, то ничего ровно не скажут... Теперь с удовольствием удрал бы хоть к черту на кулички, лишь бы не видеть своего позорного этюда. Только одно слабое утешение осталось — это то, что у многих в этюдном хуже меня. Но разве можно утешать себя тем, что много лучше моего, хотя есть и хуже.

Даже было бы утеха, если бы можно было сказать, что мало этюдов лучше моего. Но этого (сознаюсь) сказать нельзя. Ничего делать не хочется. Вот на столе 4 книги не прочитанных — надо читать, а не хочу... Черт дернул нас поместиться в плафоны.

Этак и на рисунке не выедешь — тогда совсем труба. Ох, удалят, чую, удалят. Ошельмуют на весь свет. Хоть из Питера тогда уезжай. Какими глазами на меня знакомые посмотрят... Да ведь тут по самолюбию прежде всего ударят, — это самое больное место. Господи, не допусти этого позора!»

(Там же, от 17.11.1894 г.)

Стоит ли специально останавливаться на таких «умаляющих» местах в студенческих дневниках Н. К.? Конечно, нет. Но нельзя и умышленно закрывать на них глаза. Вырванные из контекста, они могут натолкнуть на ложные выводы. Однако тщательно просеянный дневник тоже не даст истинной картины той борьбы и пылких поисков, которыми Н. К. был обуреваем в молодости. Не без основания он сам писал в 1918 году: «Теперь мое пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет пламени бывшего (...). Вообще, бойтесь алого пламени. Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя — пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя».

(Н. Рерих «Пути Благословения»).

Испытал ли Н. К. на себе опаляющие касания «алого пламени»? Думается, что если бы не испытал, то и не писал бы об этом. Даже больше — не принес бы жертвы «вхождения в материю», при которой Величайшие Сущности как бы теряют связь со своим «Высшим Я» и обретают ее вновь «руками и ногами человеческими». Цвет пламени зависит поэтому не только от Светильника, но и от горючего, которым его наполняют.

А это горючее — ничто иное, как те несовершенные условия жизни, в которых оказываются все пришедшие с Высоким Поручением. Воплощение вряд ли имеет особое значение, если преследуется только самоусовершенствование. Перед Архатом ставятся эпохальные задачи человеческой эволюции. И можно ли приступить к их решению не преборов в самом себе то, что угрожает миру, что предназначено к ломке и коренному переустройству?

Ведь для очищения групповой кармы и строительства новых исторических этапов появляются на земле Посланники Братства и жертвует Собою Сам Ману.

В «Книге о Жертве» ясно сказано, что трон и власть над народом были жертвой Соломона, что приятие мирского долга было жертвой Аллал-Минга, что ручательство за учеников было жертвой Оригена, что Сергей и Акбар приняли на себя тяготу и ответственность за оздоровление духовной жизни народа и утверждение общественно-государственных основ.

Летописи донесли до нас поучительные факты из жизни Соломона, Оригена, Сергея, Акбара. Нам известны жизнеописания Аспазии, Жанны д'Арк, Кампанеллы, Джордано Бруно, Бёме, Сен-Жермена, наконец, Леонардо да Винчи. Разве не были они в чем-то, именно, людьми своей эпохи?

Разве не разделяли с ними их несовершенства, их заблуждения, их страдания, их тревоги, радости и чаяния? Не земные ли матери и отцы преподали им первые уроки любви и мужества, сострадания и сурового следования долгу?

И не земной ли Подвиг увековечил их имена на скрижалях истории человечества?

Ко многому, казалось бы, несовместимому с высотой его духа, прикасается Архат, неся свою добровольную миссию. И такое «падение в бездну житейскую» происходит, отнюдь, не в силу казуистической формулы — «случается орлам и ниже кур спускаться» ..., а по Закону извечной жертвы Высшего низшему.

Раскрытие накоплений Высочайших Индивидуальностей, становление тех их качеств, которые особенно важны для выполнения очередных задач эволюции, в каждом Их воплощении стимулируется присущими данной эпохе средствами, ибо духовный и интеллектуальный уровень людей той или иной эпохи, а не личная карма, вызывают необходимость вмешательства Архата в «дела человеческие». Именно, исходя из этого, а не с позиции злополучного орла: случайно спустившегося «ниже кур», мы должны рассматривать мельчайшие подробности биографии Н. К. и не вправе умышленно замалчивать их. Таким замалчиванием только умаляются и Жертва, и Подвиг Архата, зачеркивается при этом и значение выдающегося памятника древнебуддийской литературы «Гирлянда Джатак или сказания о подвигах Бодхисаттвы», который так высоко ставился Ю. Н. и, который вышел у нас по его инициативе и под его редакцией.

Студенческие дневники Н. К. наглядно свидетельствуют о том, как обычные жизненные обстоятельства пробуждали в нем чувства сострадания, вызывали мысли о личной ответственности за мирские горести: «Сейчас на меня ужасно удручающее впечатление произвел рассказ отца о какой-то семье, оставшейся без средств. Господи!

Еще я позволяю себе иной раз жаловаться, когда не хватает рубля на удовольствия, а тут... Нет, как послушаешь о таком несчастье, то более доволен бываешь своей жизнью. Сидишь себе в кабинете, который своей уютностью Антокольского даже вдохновил к эскизу, все живо, никто не мешает работать, средства к работе все налицо. И какое право я имею иногда думать и жаловаться на свою жизнь?.. Грех, грех суший».

(Дневник от 07.03.1895 г.)

Студенческий дневник пестрит и заметками об охоте: «Заполье требует извещения, хочу ли я возобновить охотничий контакт — конечно хочу», или: «Хочется на охоту, а бесова весна нейде, да и только», или: «Был на охоте. Славно провел три ночи в лесу. Не ожидал от себя такой прыти. Иван кричит: барин, постойте.

А я бегу за медведем, а он уже удрал».

(Там же, от 01.04.1895, 09.04.1895, 24.04.1895)

Охота и величайший гуманист своего времени, — кажется, нет более противоречивых и несовместимых понятий. Но не охота ли сближала Н. К. с природой, учила его понимать ее, воспитывала внимательность, находчивость, терпение, мужество, — все то, что впоследствии оказалось столь нужным в дальних и трудных походах?

Свойственные возрасту тревоги и предчувствия диктовали Н. К. строки, которые сродни любому юношескому дневнику: «Недавно мне говорили товарищи, надо бы тебе влюбиться, что ли, а то ты делаешься жестоким. Что ж, может быть, правда это для меня было бы полезно. Только в кого? Могу предложить большую награду, т. е. предложить потребовать от меня все, что угодно, тому, кто укажет, в кого бы я мог влюбиться или, так сказать, влюбить в себя. Гоголь недаром сказал — скучно на этом свете, господа!»

(Там же, от 06.10.1894 г.)

В семье Рерихов религиозное воспитание не сводилось к строгому выполнению церковной обрядности. И это вполне понятно, ведь отец Н. К. принадлежал к лютеранской церкви, в которой обряды сведены к минимуму. Н. К. без особого почтения отзывался в дневниках о сюжетах своих первых иконописных работ. Тем не менее он посещал богослужения и отмечал выдающихся представителей православия:

«Будущее воскресенье непременно надо повидать о. Иоанна.

Иначе я буду беспокоен, принимаясь за академическую работу.

Недавно спорил об о. Иоанне со Скаловым, он говорит, что это суеверие, ан нет. Для меня о. Иоанн, просто весьма уважаемый симпатичный человек, слово которого я ценю».

(Там же, от 20.10.1894 г.)

И позднее Н. К. вспоминал: «Сказал Иоанн "не более, придется много для Родины потрудиться". А ведь после болезни он не видел меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал».

(«Пути Благословения»).

Обычными каналами подходило к Н. К. всё пробуждающее его высокую духовность и самым естественным, а не «сверхъестественным» путем пришли первые сведения, первые мысли о Востоке: «Мне весьма любопытно. Было ли на русское искусство 2 влияния: византийское и западное или еще было и непосредственно восточное.

Кое-где нахожу смутные указания на это».

(Дневник от 21.02.1895 г.)

Среди студенческих документов и материалов Н. К. хранятся страницы, озаглавленные им: «Выписка для моей книги "О персах и их религии" из труда Е. П. Блаватской "Из пещер и дебрей Индостана"».

(ГТГ, фонд 44, ед. хранения 33)

Отдельными изданиями книга Е. П. Блаватской выходила в 1883 году в Москве и в 1893 году в Петербурге. Очевидно, именно, последнее издание вскоре после выхода уже попало в руки Н. К.

Разнообразие и богатство интересов молодого Н. К., а также его серьезное отношение к обучению, характеризует разработанный им в конце 1894 года «Устав кружка художников для взаимного самообразования»... Ему предпосланы эпиграфы: «Один в поле не воин» и «Вперед... вперед без оглядки» (Крамской).

Вводная часть устава предусматривает пополнение художественного образования, для чего Н. К. предлагает проводить совместные чтения книг и рефераты по философии, истории, естествознанию, психологии, беллетристике.

Переписка Н. К. с В. В. Стасовым в последний год обучения в Академии художеств и сразу после ее окончания свидетельствует о большой любознательности Н. К., его готовности без конца черпать знания, которые ему может предложить маститый критик и исследователь, а, вместе с тем, о наличии собственных взглядов и опять-таки острейшая реакция на неблагоприятные отзывы. Так, отрицательный отзыв и солидарность Стасова с мнением Репина о картине Н. К. «Сходятся старцы» послужили причиной столь резкого, да еще посланного специальным посыльным, письма Н. К., что если бы не сдержанность Стасова в этом конфликте, то он мог бы обернуться полным разрывом.

Дневниковые записи после окончания Академии художеств подтверждают, что внешне собранный и умеющий владеть собой, молодой Н. К. остро, подчас даже болезненно переживал все события в художественном мире, хотя бы в самой малой мере касавшиеся его. Работа в Обществе Поощрения художеств, столкновения с противниками из лагеря «Мира Искусства», разногласия по некоторым проблемам со Стасовым и его соратниками, полемические выступления в прессе — все это до крайности нервировало Н. К., побуждало к резко отрицательным отзывам о людях, которые какими-то своими действиями пересекали ему дорогу, мешали осуществлению его намерений. Но, кроме всего прочего, это указывает и на чуткость Н. К., на отсутствие в нем равнодушия к людям и событиям.

Архивные материалы, ранние публикации, высказывания современников имеют много доказательств тому, что в молодости Н. К. еще не обладал той житейской мудростью, той глубиной самопознания и понимания людей, тем умением широчайшего сотрудничества с ними, которыми он отличался в зрелые годы.

Напряженное, насыщенное противоречиями, готовое к небывалым кармическим взрывам, время готовило к битвам и обогащало опыт Н.К. со всей суровостью, присущей этому времени и его людям. Путь к Подвигу был столь же сложен и труден, как и сам Подвиг. И в этом заключалось величие Жертвы, добровольное испытание яда. Именно им, а не напитком Амриты, наполнена Чаша Служения, от времени Будды до наших дней.

Возможно, что со временем будут открыты и обнародованы подробные материалы о детстве и молодости Е. И. В очерках Н. К. «Лада» и «Сорок лет» затрагиваются более поздние периоды. В очерке «Великий облик» есть очень краткое упоминание о детских годах: «От малых лет девочка тайком уносит к себе тяжелое, огромное издание. Склонясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкой от больших уносит к себе сокровище, чтобы смотреть картины и, научась самоучкою, — уже читать.

Из тех же отцовских шкафов, не по времени рано уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы, развлекающего обихода самосоздается глубокое, словно бы давно уже, законченное мирозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творящему труду — преобразуют всю жизнь вокруг молодого, сильного духа».

(«Нерушимое», стр. 151)

Если сам Н. К. не считал нужным оповещать до времени о подробностях жизни Е. И., то, понятно, с какой осторожностью и душевным трепетом должны к этому вопросу подходить мы. Не сказуемое было сущностью Е. И., и З. Г. Фосдик в своем докладе «Великая Жизнь», прочитанном 10 октября 1963 года в секции «Агни Йога» (Нью-Йорк), точно отметила: «Человеческому уму трудно вместить факт, что "Носитель Истины и Закона" должен одновременно пребывать на двух планах: высшем и земном, упорно стараясь с гармонизировать столь противоположные условия».

Тем не менее, опираясь на документы, которые хранятся в общедоступных и частных архивах, и могут быть использованы врагами Света в своих неблагоприятных целях (а такие попытки уже имели место), мы обязаны проследить некоторые обстоятельства жизни Е. И. и Н. К., касающиеся того «сосредоточения земного», которое предшествует тонкому и огненному. В своей Великой Жертве Е. И. не уклонилась от закономерной последовательности и явила пример доблестной победы теми обычными средствами, которыми наделен каждый из нас. Жалуясь на свои трудности и ограниченные возможности, мы подчас не прочь употребить по отношению к Н. К. и Е. И. «само оправдательную» формулу: «Легко Владыкам». Эту трижды лживую формулу Е. И. и Н. К. опровергли тем, что свои жизненные пути они начали прокладывать в общих для всех условиях и доступными всем методами.

Одним из наиболее интересных свидетельств о молодости Е. И. и ее встрече с Н. К. являются сейчас воспоминания Наталии Владимировны Шишкиной, записанные ею в Караганде, в Доме инвалидов и, датированные 1956 годом. Они значительны во многих отношениях и потому приведем их текст полностью:

«Елена Ивановна, урожденная Шапошникова по отцу и правнучка великого полководца, героя 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова — по матери своей. Мать Елены Ивановны — Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова.

Е. И. рано лишилась отца, была единственной дочерью у родителей и жила с матерью вдвоем.

Они обе очень любили друг друга, и мать ее, очень добродушная, милая старушка, сохранившая свою былую красоту, не могла налюбоваться на свою «Ляличку», как ее тогда все и называли. Да и не только мать восторгалась ею. Все, кто не встречал Е. И., не могли равнодушно пройти, чтобы не обратить внимание на ее выдающуюся наружность. Высокого роста, стройная, очень пропорционально сложенная. Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего ее облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У нее были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная прическа, высокая по моде того времени, прелестный небольшой ротик, жемчужные зубы и ямочки на щеках; когда она улыбалась, а улыбалась она часто, все лицо ее освещалось теплом и лаской. Но что было самое притягательное в ее лице, — это ее глаза, темнокарие, почти черные, миндалевидные, продолговатые; как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, теплым, излучающим какое-то сияние, взглядом.

Глаза ее иногда щурились, как будто грелись на солнце, и мягкое, теплое, ласковое выражение их озаряло и ее саму, и всех окружающих, кто в данный момент смотрел на нее. У нее был очень мелодичный и нежный голос и всегда очень ласковое обращение, любила она называть уменьшительными именами близких ей людей. Нос у нее не был правильной формы, удлинённого фасона, но он гармонировал со всеми чертами ее лица.

В ней было какое-то очарование, шарм, и необычайная женственность всего ее облика. Любила наряды, всегда по последней моде одетая, очень элегантная; носила серьги, ожерелья и вообще драгоценные украшения. В ней было сильно развито чувство красоты, которую она всюду проявляла как своим внешним обликом, так и своим внутренним содержанием. Жили они с матерью в тогдашнем Петербурге, и вела она очень светский образ жизни, но всегда имела вид наблюдающей жизнь, ищущей чего-то другого, более вдохновенного, более глубокого содержания; у нее были какие-то искания, и пустая, светская шумная жизнь ее не вполне удовлетворяла.

Тут надо сказать несколько слов о ее родне, семье ее тетки, родной сестры ее матери, Евдокии Васильевны, урожденной тоже Голенищевой-Кутузовой. Евд. Вас. обладала необычайно красивым колоратурным сопрано и пела с огромным успехом в опере Мариинского театра в Петербурге.

В нее влюбился богатый князь Митус(ов), заплатил театру громадную неустойку, она ушла со сцены и вышла за него замуж. Но это был человек с тяжелым характером. Они развелись, и Евд. Вас. вышла замуж за князя Путятина, который нуждался в матери своим двум сыновьям. От этого брака у них были две дочери.

Искусство музыки и пения царило в их доме, пели и дочери, и она сама. Дом их напоминал дом Ростовых в «Войне и мире». Вот та обстановка, в которой Е. И. проводила свою молодость. У кн. Путятина был свой особняк в Петербурге и имение в Новгородской губернии. Они вели великосветский образ жизни. У них бывали блестящие балы, и, конечно, на этих балах всегда бывала Е. И., всегда в красивом бальном туалете, — она мало танцевала, больше сидела где-нибудь в конце зала, окруженная толпой поклонников. У нее было много завистниц ее успехам в обществе, много предложений выходить замуж. Один очень блестящий молодой человек, бывший лицеист, единственный сын у родителей, миллионер, ему принадлежало Общество Пароходства на Волге «Самолет». Он был без памяти влюблен в Е. И., делал ей предложения, но и он получил отказ. Все окружающие ее и, ее родные, не могли этого понять: как отказать такому жениху, о котором так мечтали все петербургские красавицы.

Но она говорила, что она поставила себе задачей в жизни выйти замуж за человека — знаменитого служителя искусства, будь то музыкант, певец, художник, живописец или скульптор, но непременно человек с высшим дарованием и талантом. И вот ее желание исполнилось. Лето ее мать, и она всегда проводили в имении кн. Путятина, у ее тетки, станция Бологое, Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера, в 22 км в окружности. Сам кн. Путятин был археолог, член, а может быть, и председатель «Общества археологов» в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды вся семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Е. И. первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих кн. Путятина. Сам Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок, уехал туда на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему, ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек, с огромным удивлением перед ее красотой, поглядел на нее. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые как длинная пелерина, окутывали до низу ее стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Е. И. вспомнила, что в передней «сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде». Спohватившись, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию — Рерих.

Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый уж в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин Петербурга, и что приехал он к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик — князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя.

И вот за эти несколько дней решила вся судьба Е. И. Вот тот человек, которого так долго ожидала ее душа! Вот оно то вдохновенье, которого она так давно искала! Любовь взаимная решила все! Рерих уехал счастливым женихом, а она сияла от счастья. По приезде осенью в Петербург, когда все съехались, состоялась их свадьба в церкви при Академии художеств, на Васильевском острове. Е. И. сама приезжала приглашать гостей к себе на свадьбу. Поселились молодые в здании «Поощрения искусств» на Большой Морской, где Рерих имел казенную квартиру. От этого брака было у них два сына: Светик и Юрик, как она, нежная мать, называла их.

Как-то летом, спустя много времени, Рерихи наняли в красивой усадьбе Новгородской губ. дом на лето, за отсутствием хозяев. Катаясь, мы заехали к ним. Е. И., очень милая и любезная хозяйка, после чая вынесла на террасу две картины, из них одна — «Ноев ковчег», другая — «Иов три дня во чреве кита» — в темных библейских красках и тонах, та и другая. Н. К. картины рисовал, а комментарии к ним писала Е. И., длинные пояснения, прилагаемые к каждой картине, их символическое значение и толкование. Написаны они были на длинных лентах бумаги, напоминавшей древние папирусы. Так вдохновляла Е. И. своего мужа, и так вдохновлял он ее. В нем она нашла то, к чему стремилась.

С самого первого года замужества она проводила лето на раскопках Новгородской губернии, живя с ним в землянках, просто одетая, как того требовала их совместная работа, на удивление всех родных ее, которые не понимали, как она могла мириться с такими, на раскопках (конечно, только летом), первобытными условиями жизни.

И так всю жизнь прошли они рука об руку, полную взаимного понимания и любви. Вот где настоящий брак двух любящих сердец и душ!

Когда скончалась ее мать, после трудной операции, все собрались туда на панихиду. Е. И., облаченная в траур, но не в креп, как обыкновенно, а в длинную шелковистую, как фата, ткань, и в ней она была очень женственна и хороша. Она во всем всегда, и в том, что касалось ее внешности, соблюдала всегда красоту своей одежды. Такой она сохранилась в памяти, такой ее все помнили. Позднее она писала своей подруге, другой двоюродной сестре Р., дочери третьей сестры — Людмилы Васильевны, рожденной также Голенищевой-Кутузовой. С этой двоюродной сестрой она была особенно близка и дружна.

Эта ее кухня не была так красива, как другие ее родственницы, но была очень умна, талантливая поэтесса и переводчица новелл иностранной литературы, хорошо знавшая иностранные языки. Е. И. тоже их знала и много позднее встретила свою бывшую гувернантку французского языка, парижанку, и, хотя эта француженка была очень мало образованная, тем не менее Е. И. очень радостно ее приветствовала, на что указывает ее простота обращения со всякого рода людьми.

В своих письмах к своей любимой сестре, уже из Индии, она писала, что вся предается изучению новых откровений, которые так долго искала ее душа. И что она уже никогда не покинет той страны и останется там навсегда, лучезарная, светлая и счастливая своими духовными высшими достижениями.

Вот все, что подсказала память о давно прошедших годах».

Эти воспоминания человека, очевидно, близко знавшего сестер Голенищевых-Кутузовых, получили у нас распространение и частично использованы в некоторых трудах о Н. К. Более чем полувековой промежуток между событиями и записью вызвал неизбежные в таких случаях неточности. Вместе с тем запись очень ценна как наличием мало известного фактического материала, так и указаниями на возможные новые каналы его поисков.

Н. К. в очерке «Мусоргский» упоминает о четырех сестрах Голенищевых-Кутузовых, которых М. П. Мусоргский, часто бывший в их доме, прозвал: «Додонский, Катонский, Людонский, Стасонский». Это: Евдокия Васильевна — по первому мужу Митусова и по второму Путятин, Екатерина Васильевна Шапошникова — мать Е. И., Людмила Васильевна Рыжова и Анастасия Васильевна Шаховская.

Сын Евдокии Васильевны от первого брака — Степан Степанович Митусов (1878—1942) — музыковед — был очень близок Е. И. и Н. К. не только по родственным связям, но и по своему Восточному философскому мировоззрению. Поэтому к нему мы в дальнейшем еще вернемся. Две дочери Митусова — Людмила Степановна и Татьяна Степановна — проживают до нашего времени в Ленинграде. У них сохранились некоторые фамильные фотографии, картины, книги, переписка и другие предметы, имеющие прямое отношение к Е. И. и Н. К. Людмила Степановна и Татьяна Степановна помнят о детских годах Ю. Н. и С. Н. Ю. Н. по-родственному тепло принимал сестер Митусовых у себя в Москве и посещал их, наезжая в Ленинград, также, как и С. Н. много встречался с ними, когда в 1960 году был у нас с выставкой своих картин.

Все, связанное с жизнью Екатерины Васильевны, перешло к Е. И. то есть в семейный архив Н. К.

С Анастасией Васильевной и ее мужем Я. М. Шаховским Е. И. и Н. К. потеряли связь после 1917 года. Очевидно ранее между их семьями существовали близкие отношения, так как в письме ко мне от 19 июля 1938 года Н. К. сообщил:

«Н. Ф. Роот прислал мне номер журнала «Сельское хозяйство» со своей статьей. Среди сотрудников этого журнала упоминается Я. М. Шаховской, бывший директором сельскохозяйственной школы в Пскове, и где он сейчас? Постоянно приходится встречать друзей и родственников в совершенно неожиданных местах».

Я съездил в Печоры (ныне Псковской области), где жил и работал агроном Я. М. Шаховской, познакомился с ним и его семьей. Шаховские поделились со мной воспоминаниями о Рерихах, материалов же архивного значения у них уже тогда не было. Я описал подробности беседы Н. К. и в своем письме от 19.10.1938 г. он ответил: «Мы были рады, что Вы встретились с Яковом Шаховским. В одном он ошибся — к военному делу тяготел всегда Юрий, а не Святослав». Следует считать, что по этой ветви никаких новых сведений теперь уже не найти.

Остается еще Людмила Васильевна Рыжова, у которой, судя по воспоминаниям Н. В. Шишкиной, была дочь литератор и переводчик, и Е. И. с нею переписывалась уже из Индии. Этот потенциальный источник получения неизвестной информации не использован и заслуживает внимания будущих исследователей. Ввиду того, что воспоминания Н. В. Шишкиной могут в дальнейшем заинтересовать авторов книг и статей о Н. К. и Е. И., к ним необходимо сделать несколько замечаний:

1. Е. И. не отличалась высоким ростом и «небольшим ротиком». Фотографии и портреты Серова и С. Н. указывают на средний рост, даже при высокой прическе, и скорее удлинненную форму тонких губ. В остальном описание внешности с фотографиями и портретами не расходится.

2. В Новгородской губернии Е. И. и Н. К. проводили лето 1902 года (в Окуловке, где родился Ю. Н.) и часть лета 1909 года (в Бологом). В 1904, 1905 и 1908 гг. Е. И. и Н. К. жили в усадьбе «Березка», быв. Тверской, а не Новгородской губ. Рисунков или картин «на длинных листах бумаги», о которых пишет Н. В. Шишкина, мы не знаем по самым подробным спискам произведений Н. К., как за эти, так и предыдущие годы. Не известны также письменные комментарии Е. И. к картинам Н. К. Поэтому здесь мы имеем дело или с чем-то утерянным, или с ошибкой мемуариста, вызванной дальностью времени.

3. Ошибочны указания на то, что Н. К. уехал в 1899 году из Болого уже женихом Е. И. и осенью этого же года они повенчались в Петербурге. Бракосочетание состоялось двумя годами позже (28 октября 1901 г.) после возвращения Н. К. из Франции. Также не соответствует действительности то, что Н. К. и Е. И. после свадьбы поселились на Большой Морской. На эту квартиру они переехали в 1906 году, после назначения Н. К. директором Школы Общества Поощрения художеств. Сам Н. К. упоминает, что еще в 1905 году они жили в доме Кенига, на Пятой линии Васильевского острова (см. очерк «Блок и Врубель»). К этому же времени относится и упоминание Н. К. о своей мастерской на Поварском переулке.

Подобные «мелочи» и «неточности», проникая в публикации, подчас приводят к ошибочным выводам уже не малого значения. Поэтому их выявления и исправления необходимы. В дневнике Н. К. имеются такие упоминания о Е. И.:

«Вчерашний вечер не дает покою. Кажется, хочется видеть, говорить, постоянно чувствовать» (06.12.1899); «Кажется, что-то серьезное выходит с Е. И.» (10.12.1899); «Вчера 30-го сказал Е. И. все, что было на душе... Странно, когда в первый раз принимаешь в расчет не только себя, но и другого человека». (31.12.1899)

Эти записи указывают на то, что после встречи в Бологом Н. К. и Е. И. продолжили знакомство в Петербурге и только там встал вопрос о браке.

В это время перед Н. К. со всей остротой стояла проблема продолжения художественного образования за границей. Спешно нужно было решать и другие дела, по своему жизнеустройству, после получения диплома художника. Началась работа в журнале «Искусство и художественная промышленность» и, помощником директора Музея Общества Поощрения художеств.

В рукописном отделе ГТГ в фонде Н. К. хранятся его письма к Е. И. из Петербурга, вероятно, в Бологое, куда могли выехать на лето Е. И. с матерью. В этих письмах Н. К. уже называет Е. И. своей невестой. Письмо шуточного характера, начинающееся словами: «Милостивая Государыня Наидрожайшая невеста моя Елена Ивановна» (полностью приведено в книге Е. И. Поляковой), датировано 16 июля 1900 г. Похоже, что первоначально имелось решение сыграть свадьбу еще в этом году и поехать за границу (предполагался не Париж, а Мюнхен, где была Академия художеств и известные частные школы). 26 августа 1900 года Н. К. писал Е. И.: «...Опять думал о нашем будущем заграничном житье и все более восторгаюсь им. Мы на покое укрепим нашу технику, совместно проштудирруем всю историю живописи и музыки, а также наиболее важные философии.

(Прочти у Ницше «вторая плясовая песнь — неправда ли прелесть — это в конце Заратустры. Какие у него глубокие символы!) И таким образом проработав год, мы вернемся домой во всеоружии, более близкие к выполнению нашей задачи кружка. Для руководства необходимы также факты, а их у нас пока мало...».

Первые встречи, дальнейшее знакомство, пробуждение взаимного чувства — все это у Н. К. и Е. И. протекало в плане «сосредоточения земного», однако скорее «всеохватывающего», чем «всепоглощающего».

Не только о личном счастье, но и о большой творческой жизни думал Н. К., готовясь к женитьбе. Это видно из его дневников, где рядом с упоминаниями об Е. И. разбираются самые разнообразные вопросы художественной деятельности и взаимоотношений с окружающими людьми. Очень показательно и такое письмо к Е. И. от 28 июня 1900 г.: «Ты пишешь, что мы самые обиденные люди; будем скромны и скажем, что и все люди обыкновенные едят, пьют, болтают все на один манер. Но для наших успехов мы сами не должны считать себя заурядными людьми, — тогда пропадет смелость и уверенность, а без этих качеств никакого города не возьмешь».

В момент творчества, а творчество проявляется, как известно, во всем, до малейшего жеста и интонации включительно, всякий человек считает себя выше всех (это чувство вполне инстинктивно), считает все своим и винить его за это (скверное) чувствование не приходится, ибо иначе не было бы и творческого порыва, а всякий творческий порыв, конечно, дает больше счастья людям (вызывает ли он улыбку, смех, радость, сознание добра и зла пр.), чем любая рассчитанная методическая деятельность. Этот же творческий момент важен не только для воспринимающих результат его, но и для самого автора, который очищается духовно, на миг сбрасывая всю пыль и грязь, наложенную на человечество вековой, как ее называют культурой нашей, так изломавшей и унизившей наше основное человеческое достоинство и превратившей людей в какие-то чернильные бланки с ярлыками.

За эти моменты и ценится так высоко искусство! Стали бы люди так почитать его представителей, которые со стороны экономической являются язвами государства!

Но по счастью, мой обиденный человек, дух еще царит над практикой, и до той поры и думать не смей о своей обиденности, а думай, сколько разнообразных счастливых чувствований можешь ты дать человечеству и среди общей радости создать и свою.

Особенно порадовало меня появление в Твоих письмах дум и размышлений, будем ими делиться, моя хорошая, добрая Лада».

Что именно помешало Н. К. и Е. И. обвенчаться осенью 1900 года и вместе поехать за границу, как это было задумано? Вероятно, стечение многих обстоятельств, среди которых были болезнь и смерть отца. Имущественное положение Константина Федоровича было далеко не столь блестящим, как это казалось со стороны, и после его кончины сразу же пришлось приступить к различным ликвидациям, чтобы получить средства на жизнь и дальнейшее образование детей.

Из опубликованных биографий Н. К. мы знаем о его отце сравнительно мало и, в основном, лишь о тех годах, когда он уже был известным в Петербурге нотариусом с обширным кругом знакомств среди ученых, художников, литераторов. Константин Федорович принадлежал к шведскому роду, поселившемуся на территории нынешней Латвийской ССР, недалеко от Балтийского побережья, где-то около города или в самом городе Айзпуте (б. Газенпот). В прошлом это был небольшой уездный городок в Курляндии со старинным замком, построенным в 1263 году Тевтонским орденом. Эта часть Курляндии была местом частых войн и, до того, как перешла к России, находилась в подчинении и Литвы, и Швеции, и Дании, и Польши.

Представители фамилии Рерихов занимали видные военные посты в России, начиная с царствования Петра I. Братья деда Н. К. служили в привилегированном Кавалергардском полку и участвовали в Отечественной войне 1812 года. Дед Н. К. пошел по гражданской службе, долго жил в Риге и занимал значительный по тому времени пост губернского секретаря. Как младший в семье (ему было 12 лет, когда его братья сражались под Бородином), он не владел наследственной недвижимостью. Известно, что один из его сыновей — Александр Федорович жил в Архангельске. Его дочь — Мария Александровна была замужем за известным ботаником, членом-корреспондентом АН проф. Н. И. Кузнецовым (1864—1932). С 1895 по 1918 гг. Н. И. Кузнецов числился в профессуре Деритского (Тартуского) университета, а с 1922 по 1932 гг. был заведующим отделом ботаники Главного ботанического сада Института ботаники АН СССР. Дочь Н. И. Кузнецова — Елена Николаевна Советова (ее муж — внук А. В. Советова, агробиолога, хорошего знакомого Константина Федоровича)

— научный сотрудник Государственного исторического музея в Москве. У Е. Н. Советовой сохранились семейные фотографии Александра Федоровича Рериха, но документальных подтверждений общения между собой двух братьев нет. Между тем они, конечно, сносились друг с другом, так как их отец, доживший до 104 лет в последние годы жил с К. Ф. Рерихом в Петербурге. Н. К. хорошо его помнил и описал в очерке «Дедушка»

(Книга первая, М. 1914, стр. 262).

В очерке упоминается о книгах, картинах, старинной мебели в кабинете деда и о масонских знаках, которые разрешалось детям смотреть, но никак не одевать. Более чем вероятно, что дед и его старшие братья входили в масонские ложи. Они имели тогда большое распространение и, даже Кавалергардский полк, в котором служили братья деда Н. К., был специально сформирован Павлом Первым для гвардии великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского, так что в начале XIX века в этом полку особенно сильно насаждались масонские традиции. В связи с этим следует отметить, что по отцовской линии до Н. К. дошли рассказы, книги и различные предметы, пробуждавшие с детских лет его интерес к Востоку и «тайноведению».

Отец Н. К. родился 1 июля (старый стиль) 1837 года в Газенпотте, учился в Петербурге в Технологическом институте, но не окончил его и был утвержден нотариусом в Петербурге 30 ноября 1867 г.

Бракосочетание Константина Федоровича с Марией Васильевной Калашниковой состоялось 16 октября 1860 года, то есть еще до определения К. Ф. нотариусом. Венчали их в Троицком соборе г. Острова, по месту жительства невесты. Во всех документах, в том числе и свидетельствах о рождении детей отмечалось, что Константин Федорович лютеранского вероисповедания, а его жена и дети — православного. Похоронен К. Ф. Рерих в Петербурге на Лютеранском кладбище, и его могила сравнительно хорошо сохранилась до наших дней.

Старшая сестра Н. К. — Лидия — (в замужестве Озерова) родилась в 1867 г., младшие братья — Владимир в 1882 и Борис в 1885 г., так что в год смерти Константина Федоровича младшему из его детей было всего 15 лет.

Во избежание уже имевших место ошибок, следует сказать, что «Извары» не были родовым поместьем Рерихов. Имение было приобретенным, причем на имя жены Константина Федоровича — Марии Васильевны. За нею же значился деревянный особняк № 15, по 16-ой линии Васильевского острова. Он давно уже снесен, но его еще помнит С. Н.: «Я хорошо помню дом-особняк бабушки Марии Васильевны, но не помню линии. Был обширный сад, через ограду виднелось большое здание какого-то училища. Дом был одноэтажный, поместительный. В столовой на стене висели чучела птиц, приготовленные Н. К. — трофеи его охот. Тоже несколько ранних его работ, какой-то воин, перевязывающий руку и др. Еще жила охотничья собака Н. К.

— Изварка — пойнтер белый с черными пятнами. Ей было много лет. Этот дом был позже продан, и бабушка приобрела квартиру, тоже на Васильевском острове в новом доме. Жила она с Борисом Константиновичем. Помню телефон — 534— 67».

(Из письма ко мне от 10.11.1969).

Судя по воспоминаниям и документам самого Н. К., его детство прошло в доме № 25, по Университетской набережной, где помещалась нотариальная контора и квартира К. Ф. Возможно, что в свой особняк Мария Васильевна переселилась с детьми после смерти мужа, однако он числился ее собственностью еще при жизни его и упоминается в «формулярном списке нотариуса г. С.-Петербурга, округа С.-Петербургского Окружного Суда — Константина Федоровича Рериха».

Имение «Извары» было приобретено с запутанными судебными тяжбами о каких-то спорных участках. Управляющие попадались К. Ф. не особенно радивые: мелиоративную систему запустили, племенной скот разбазарили. Большие средства вложил Константин Федорович в построенную в «Изварах» сельскохозяйственную школу, которую вскоре пришлось закрыть. Верных доходов от имения ждать не приходилось и, поэтому с ним расстались еще во время болезни Константина Федоровича, или сразу после его смерти. Во всяком случае имеется свидетельство, что последний раз в «Изварах» Н. К. был летом 1898 г.

Поскольку Н. К., имевший юридическое образование и право на наследование нотариальной конторы отца, во владение этой конторы вступить не пожелал, пришлось заняться и ее ликвидацией. Так что траур по отцу и хлопоты, легшие на плечи Марии Васильевны, могли оказаться веской причиной для отсрочки бракосочетания Н. К. и Е. И. Однако свою поездку за границу, связанную с необходимостью продолжить художественное образование, Н. К., откладывать уже не мог, и осенью 1900 года один поехал во Францию.

Письма Н. К. к Е. И. заслуживают того, чтобы привести из них несколько отрывков. В них отразилась и тоска в разлуке с любимым человеком, и тревога за него, и страхи за дальнейшую общую судьбу при долгих молчаниях Е. И., и живой обмен с нею мыслями, идеями, планами на будущее. Вот отрывок из одного письма без даты (на письме значится «среда-четверг»): «...Если Ты временно думаешь заслонить недостижимую жизнь другою жизнью, то помни, что не следует за неимением скамейки садиться в помойную яму. Миленькая, не погуби способностей своих, ведь чутье развивается в нас до известного времени, а потом оно грубеет; дорогая, не пропускай этого времени — оно так недолго, оно пролетит так быстро, и если за это время в Тебе не вырастет чего-либо крепкого и здорового, то тогда останется один хмельной перегар и горечь ничем не поправимая. Дальше от больших компаний! Глубже в себя! Если хочешь сделать что-либо достойное. Быть художником, вести за собой публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать смех или слезы — это ли не удовлетворение.

...Что же касается до прописных сентенций твоих родных и знакомых, то они меня мало трогают, ибо цыпят по осени считают; а я отнюдь не считаю, что моя осень наступила, или даже приближалась. Лишь бы я сам знал, что я делаю, а там хоть бы не только тряпкой, а даже много хуже прозывали — это до меня не касается.

...Какая у нас русских скверная манера ни во что не ставить человеческую личность и раскусывать ее, словно она орех. Ведь слушаешь людские речи, так выйдет — надевай камень на шею и умирай — ан нет, не умрем, а будем сражаться!

Вчера был со мной курьезный случай. Сочинил я эскиз «Мертвый царь» — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его. Вечером же был у знакомых и втянули меня в столоверчение, в которое, как я, помнишь, говорил Тебе, вовсе не верю. Можешь представить, себе мое изумление, когда стол на мой вопрос «который из моих сюжетов лучший?» выстукивает: «Скифы мертвого человека хоронят». Никто из присутствующих не мог знать этого сюжета, ибо я сочинил его в тот же день и никому еще не рассказывал. Вот-то чудеса! А все-таки в стол еще не верю, надо еще как-нибудь испытать. Сегодня начал работу. Начал картину из свайных построек.

Зачем Ладушка, я не увез Тебя с собою из Питера...? Рискни приехать...

И больше твой Майчик никогда не будет трусом.

Какая у нас работа-то будет! Спорая да скорая».

Еще письмо без даты (на письме значится «вторник»), написанное как бы на грани отчаяния: «...знай, Ладушка, если Ты свернёшь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет. Тебя я люблю как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю, где та граница скверного, до которой дойду я. Ты держишь меня в руках и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом, или эгоистом самым скверным — Твоя воля!

Нигде не бываю, кроме русского семейства Лосских, где слушаю каждый раз пение.»

И вот объяснение чувствам, вызвавшим такое, совсем не свойственное по своему характеру для Н. К. письмо:
«29.12.1900.

Дорогая моя Ладушка!

Сейчас получил твое письмо. Странно, почему Ты говоришь только о грубости, а не можешь представить себе ничего другого, т. е. того, как было на самом деле. Отчего Ты ни на минуту не задавалась мыслью, что верно с человеком что-либо происходит, если он так пишет. А происходило со мной следующее: уже порядочное время как я не здоров: болит бок, нервный кашель и общий упадок, и попробуй себе представить, как на меня могли действовать Твои лаконические записки с извещением о радости от выслушивания объяснений в любви. Если только Ты в состоянии представить, какое впечатление может производить на человека, почти выброшенного за общественный борт, сомневающегося, такое известие, то не удивишься такому письму моему. Ведь три месяца жду я хоть доброй строчки от Тебя, а Тебе за балами все некогда! Хоть бы строчку сердечную! Хоть бы слово!

Я замечаю, что все мое — и здоровье, и дела, и мысли — Тебя несколько не интересуют... Смилуйся, Ладушка...»

Как и должно, приходят новые письма от Е. И., и на них следует ответ Н. К.: «Милая и хорошая Ладушка. Конечно, Ты представляешь себе мое ликование при первом намеке Твоем о любви, еще бы: Ладушка меня любит! Значит, я не ошибся в человеке!.. Как я горжусь, что Ты подала мне руку, именно, на этом слове («Бороться»)! Это на всю жизнь не забудется».

(Все выписки из писем фонда ГТГ, ф. 44)

Цитируя несколько интимные отрывки из переписки Н. К. и Е. И., незачем опасаться смущения слабых духом — «доброжелателей», полагающих, что лучшей тактикой в таких случаях является абсолютное молчание. Но кроме того, что «на каждый роток не накинешь платок», «страусовая тактика» замалчивания обкрадывает нас самих. Она исключает серьезное обсуждение и изучение ценнейшего опыта гармоничного совмещения «земных» и «надземных» планов, который явлен нам в жизни Н. К. и Е. И. Каждый день их жизни — в высшей степени поучителен. Их «сосредоточение земное», предшествовавшее «сосредоточению тонкому и огненному» — это ступень, которую рано или поздно следует пройти каждому, и с чьей же, как не их помощью?

Вот почему тщательный анализ доступных нам сторон биографии Н. К. и Е. И. столь важен. Безусловно, что такой анализ не даст результатов, или будет даже вредоносным, если мы хоть на миг упустим из виду, что в «знаменателе» у нас уже имеются все показатели о приобщении Н. К. и Е. И. к «сосредоточению огненному». Эти показатели — единственно правильный критерий при оценках событий первого периода жизни Н. К. и Е. И. Вместе с тем ошибочно забывать и то, что у них самих этого критерия в руках тогда еще не было.

Придет время и многое, сложенное в архивах, будет обнародовано. Тогда каждая строчка Н. К. и Е. И., которая вызывает сегодня смутные догадки или недоумения, примет углубленную достоверность. Но вряд ли это может служить поводом к пассивному ожиданию лучших для «откровений» времен. В жизни Н. К. и Е. И. таких периодов пассивного ожидания не было, и возможно, именно, благодаря этому они столь безупречно подготовили почву для восприятия и передачи современникам воистину Величайших Откровений, не нарушая заповеди: «руками человеческими». Вспомним слова Учения: «...Пора поднять народы мечом или молнией, лишь бы пробудить вопль духа... Если бы вы видели клише первых творений, вы бы ужаснулись. Главное затруднение, ибо на материю можно воздействовать через материю. Люди, как попугаи, твердят замечательную формулу — "Смертию смерть поправ", — но о значении ее не думают».

(«Листы Сада М.», кн. 2, ч. 2, IV, 21.)

Конечно, Н. К. и Е. И. не нуждались для пробуждения своего духа в «мече и молнии», однако различие между степенями развития их духа и уровнем массового сознания эпохи поставило их лицом с прототипами «клише первых творений». Оставаясь верными формуле «смертию смерть поправ», Н. К. и Е. И. преодолевали пропасть разрыва между низшим материальным миром и миром духовным, к высшим сферам которого принадлежали, исключительно по законам воздействия материи через материю. Этот закон соблюдался ими на всех этапах их жизненного пути и особенно давал о себе знать в раннем периоде, когда поначалу их дух лишь смутно ощущал себя, затем, приспособляясь к существующим на земле условиям, стал прорываться в Высшие Сферы, устанавливая связь между мирами. Сообразно характеру Поручения, отрабатывались особенности такой связи, создавались соединяющие мосты между разными состояниями материи. Те устои этих мостов, которые опирались на земные берега, столь отличались от устоев мира духовного, что трудно представить, как они несли одно и то же перекрытие! Тем не менее это было, именно, так.

Поэтому дневники, переписка, воспоминания разных лиц раскрывают нам не только бытовые или личные стороны жизни Н. К. и Е. И., но дают картину созидания тех земных устоев, без которых не на что опереться мосту, перебрасываемому из мира материального в мир тонкий, именно, это представляет и для нас, и для будущего величайшее значение. Изучая архивные материалы в таком понимании, мы уже сегодня вправе выводить конкретные заключения. По периоду от первой встречи Н. К. и Е. И. до их супружества, они, примерно, сведутся к следующему:

1. Встреча, безусловно, была кармически предуготовленной:

«Устам времен Я заповедал привести вас на путь Мой».

К моменту встречи и Н. К. и Е. И. отдельно, преодолевая несовершенства окружающей среды и, используя ее преимущества, подготавливали себя к Служению, об истинной сути которого сами еще не догадывались. Тем не менее, именно, эта подготовка способствовала росту тех личных достоинств, которые, в дополнение к кармическому магниту, сделали их привлекательными друг для друга и вызвали сильнейшее взаимное влечение. Карма подвела Н. К. к встрече с Е. И. не раньше, чем он стал уже признанным художником, обрел твердость жизненных основ и известную независимость. То же можно сказать и о Е. И.

Любовь к живописи, философии, серьезные занятия музыкой — все это было уже налицо и жаждало дальнейшего развития. Так что при первой же встрече Н. К. с Е. И. у них со всей ясностью определилась общность жизненных интересов и идеалов.

Однако «память ушедшего свитка» (то есть знание прошлых воплощений и кармических связей), как и «открытие книг» (то есть знание Поручения и очередных задач эволюции), пришли много позднее. После пройденного в одиночку этапа «сосредоточения земного» Н. К. и Е. И. предстояло еще повторить этот этап рука об руку, чтобы с удвоенной силой приступить к возведению земного оплота для «Кубка Архангела»

(то есть Учения Живой Этики).

Карма человечества уже назревала и готовилась к Гигантским потрясениям и переменам планетарного значения. С. Н. с большой выразительностью передал в своем известном триптихе те Испытания, Искушение и Зарождение Новой Жизни, которые свершились в считанные годы нашего столетия. Все это было не просто фоном жизненного пути Н. К. и Е. И., а полем их жизненного подвига, суровым испытанием их собственного умения «воздействовать на материю через материю». Все это, конечно, должно являться и для нас неповторимым по своей наглядности уроком.

Следует отметить, с какой осторожностью, осваивая формулу «руками человеческими», Н. К. относился ко всему «сверхъестественному».

Среди русской интеллигенции конца XIX — начала XX вв. наблюдалось сильное увлечение оккультизмом и спиритизмом, с чем Н. К. столкнулся очень рано и, судя по письмам к Е. И., имел с нею на эту тему беседы. Не забудем, что Н. К. был уже знаком с произведениями Е. П. Блаватской и часто встречался с авторитетными для него лицами, принадлежность которых к различным оккультным группировкам несомненна. Тем не менее, соприкоснувшись с неопровержимым для себя фактом «сверхъестественного» при сеансе со столиком, Н. К. не поддался очевидности необъяснимого для него факта, не принял его «на веру». Мы часто путаем понятия: «вера», «доверие» и «доверчивость». Н. К. с молодых лет привыкал различать их, и его переход от «сосредоточения земного» к «сосредоточению тонкому» не был слепым подражанием «модных увлечений» окружающей среды и, главное, не сопровождался пренебрежением и отходом от «сосредоточения земного». То же самое было и у Е. И. Это хороший пример для всех тех, кто бросается сломя голову в «потустороннее», не задаваясь трудом познать «посюстороннее». Отсутствие контактов между двумя планами Бытия много благодатнее, чем те контакты, которые искажаются самым обычным, не имеющим никакого оправдания, чисто «земным» невежеством.

Как в студенческих дневниках Н. К., так и в его письмах к Е. И. довольно часто встречаются упоминания об эгоизме, даже некоторое прославление его и «самолюбия». Конечно, ни эгоистом, ни самолюбивым человеком Н. К. стать никогда не собирался. Ссылки на стимулирующую роль эгоизма в творчестве — это первые ощущения себя — самобытной и энергичной творческой личностью, начальная стадия осознания своего «эго», а вместе с тем и предчувствие

Поручения, которое надлежит выполнить. Сама суть Поручения остается для Н. К. закрытой до тех пор, пока накопление знаний и опыта земного плана не дойдет до той степени, которая позволит приступить ему к реализации духовных накоплений центра «Чаши» уже в полном вооружении зрелого, созвучного эпохе интеллекта. Уравновешение духа и интеллекта — одна из важнейших проблем нашего века. Эту проблему для самого себя должен решить и решает Н. К.

Раскрытие «интеллектуальной памяти» и развитие интеллектуальных способностей на материальном плане бытия требуют большей затраты времени, чем раскрытие духовных накоплений. К нужному сроку последнее происходит мгновенно в акте Озарения. И не исключено, что в зависимости от задач, обусловленных Поручением, Озарение отодвигается до полной интеллектуальной подготовки к восприятию передовых научных и философских представлений эпохи.

Однако предчувствие Поручения, Встреч и Озарения дает о себе знать с раннего детского возраста. В процессе же интеллектуального развития такое предчувствие обычно трансформируется в ощущение своей «избранности». Пожалуй, этим можно объяснить и увлечение молодого Н. К. некоторыми идеями философии Ницше. Его мировоззрение в целом весьма противоречиво и в большинстве аспектов для Н. К. неприемлемо. Тем не менее о Ницше, как о потрясателе морали мещанского благополучия и певце сильной, восставшей против предрассудков личности, Н. К. всегда отзывался позитивно. Конечно, силу личности или, по его выражению, «идеальный эгоизм», Н. К. даже в молодости понимал не по-ницшеански.

В годы ожесточенной борьбы за свое место в жизни, за свое положение в обществе и в художественном мире

Н. К. написал стихотворение «К ним» (*датировано 06.11.1902*).

Приводим его:

*Я выше вас, глупцы слепые!
Всегда в грязи ползете вы, На своды неба
голубые Поднять не смея головы.
И вечно жалуясь, страдая Самими
созданной тоской, Со страхом гибель
ожидая, Вы все согнулись под сумой.
Я выше вас! Мечтам послушный, Я видел небо,
рай и ад —
И горе жизни равнодушной И смерть
меня не устрашат.
Я не копил сокровищ, груду — И этим
горд! Вы не могли Подняться с ними от
земли, А я без них парю повсюду!*

(Рукописный отдел ГТГ)

В этом не публиковавшемся стихотворении, в корне отличном от позднейших не только по форме (рифма), но и по общему мировосприятию, наглядно предстают и характер «идеального эгоизма» Н. К. и те его целеустремления, которые через испытания «сосредоточения земного» вели его по славному пути Подвига.

Наконец, нельзя не остановиться и на более «смущающих» местах в письмах Н. К. и Е. И., где он укоряет ее в увлечении балами, сомневается в силе ее привязанности к нему и к тем делам, которые ему дороги, и даже допускает возможность полного и окончательного разрыва между ними.

Теперь, когда мы знаем о Н. К. и Е. И. больше, чем в то время, когда они сами о себе могли догадываться, распутать такие «узлы» не так уже и сложно, и поэтому может возникнуть вопрос — а следует ли вообще за это приниматься?

Думается, что все-таки следует и даже очень следует. И не для того, чтобы «доказывать» несостоятельность «уколов» Н. К., невозможность разрыва между Призванными на путь Служения, или «оправдывать» увлечения Е. И. и ее продолжительные молчания на письма Н. К. Ни в «доказательствах», ни в «оправданиях» все это абсолютно не нуждается, так как представляет собой обычные и естественные для всех воплощенных подробности.

Они не были в силах ослабить взаимного влечения, заложенного кармическим магнитом и увести Е. И. от выполнения Поручения Владык. Однако все, что окружало Н. К. и Е. И. на земле, плескалось и било валами об эти неприступные утесы. Если они не дрогнули, то незачем и нам поддаваться смущению под напором обычного прибоя «моря житейского». Но приходится считаться с тем, что «море житейское» изобилует подводными камнями, совершенно безопасными для Н. К. и Е. И., но подчас губительными для нашего рядового сознания. Приводимые отрывки из писем Н. К. к Е. И. свидетельствуют о том, что он сразу же признал в Е. И. ту «Ведущую», которая была уготована ему Судьбой. Признал безоговорочно еще до того, как уяснил истинную суть этой Судьбы. Признал и... начал с того, что сам повел Е. И. к истокам Знания. Кто же в таком случае был «Ведущим» и кто «ведомым»?

На уровне земного сознания этот вопрос рассматривается и большей частью решается в такой примерно последовательности:

1. «Ведущей», несомненно, была Е. И., так как Учение ЖЭ принималось и записывалось преимущественно Ею. Она же прошла полный Опыт раскрытия огненных центров в земной обстановке под непосредственным Покровительством Учителя.

2. Поскольку Е. И. была в полном значении этого понятия «Ведущей», то она обладала Знаниями, которых не могло быть у остальных трех «Стражей Кубка».

3. Поскольку Знания Е. И. превосходили знания других, то она являлась и «главной» в той миссии, которая была возложена на «стражей». Именно она и только она знала «все».

4. Следовательно, только от «главной» могли исходить безусловно правильные Указания, а отсюда и «руководство к действию»: имея перед собой «большое» и «малое» следует все ставить на свои места и, при решении особо важных проблем обращаться непосредственно к «большому», минуя меньшее.

К этому можно добавить, что степень важности того или иного, как правило, зависит от весьма произвольного выбора. Им оказывается обычно просто то, что больше всего тревожит в данную минуту.

Между тем, в Учении дается такое правило: «Если спросят — "Кто больше — Христос или Будда?" — Отвечайте — "Невозможно измерить дальние миры. Можем лишь восхищаться их сиянием"».

Это правило можно сформулировать и в более «практическом» предупреждении: Опасайтесь устанавливать градации «большого» и «малого» в Высших Сферах. Если вам не дотянуться еще и до «малого», то не надорветесь ли в потугах завладеть «наибольшим»?

Разумеется, что эти примеры не посягают на незыблемость понятий Иерархического Начала в Космическом строительстве и Его земном аспекте.

О Иерархической Лестнице в Учении говорится достаточно много и ясно, но ведь не для того, чтобы в бессильных попытках перескакивания через Ее ступени, ломать себе на такой «подвижности» спинные хребты! Если бы даже нам открыли существующую на принципах Космического Знания шкалу «большого» и «меньшего», то, во-первых, это ни на йоту не приблизило бы нас к «наивысшему», а во-вторых, ничего, кроме растерянности, не внесло бы в ряды даже самых искренних и ревностных последователей Учения. Истинное Космическое Знание и Его Иерархические признаки не вмещаются в одномерность наших представлений о «большом» и «малом». Даже в ограниченных земных масштабах Знание Владык проявляется в гораздо более сложном измерении «независимости» или «необходимости», когда «большое» или «малое» вступают в такое взаимодействие, в котором «малое» подчас преддрекает весь ход самых грандиозных событий.

Думается, что, признав за Высшим право определять градацию ступеней Иерархической Лестницы сверху вниз, не следует делать этого самим в обратном направлении. Для нас имеет значение лишь ощущение и освоение ближайших ступеней, миновать которые никто не сможет. Космическое же Знание и необходимые Указания, пронизывая насквозь все истинные звенья Иерархии, приходят к нам в меру вместимости нашего сознания, а не в меру признанной нами «Высшей Инстанции». Именно, разногласия в Ее определении приводили и к религиозным войнам, и к губительному разъединению по формуле «своя своих не познаша», и к калечению единичных сознаний, раздираемых внутренними противоречиями.

Какое отношение имеет эта сложная и многогранная проблема к первому периоду знакомства и переписки Н. К. с Е. И.? Самое непосредственное! На их примере мы видим то истинное сотрудничество, в котором «большое» и «малое» теряют обыденные одномерные представления о «главном» и «неглавном». В силу окружающих условий Н. К., получивший систематическое образование «мужского уровня», к моменту знакомства с Е. И., конечно, обладал и большими знаниями, и большим опытом. Поэтому-то, признав в Е. И. «Ведущую», он должен был «вести» Ее и сам. И в дальнейшем знания земного плана не распределялись между «стражами» равномерно по всем областям науки и искусства. Каждый в чем-то был «большим» и в чем-то «меньшим».

Их сотрудничество — идеальный образец взаимодействия незаменимых, а не «больших» и «малых», в нашем понимании, Сил. Этой слаженной незаменимости в сотрудничестве нам нужно еще учиться и учиться. И первые уроки полезно черпать в дневниках и переписке Н. К. с Е. И. Они научат нас зоркости и предупредят от поспешных решений приобщиться к «Надземному», игнорируя «земное». За подобными решениями скрывается обычная безответственность, а не распознавание Иерархических степеней и связанной с ними первоочередности личных и общечеловеческих задач.

Достижения и быстрое признание Н. К. в искусстве, в науке, на служебном поприще, в общественно-культурной жизни страны достаточно освещены биографами и останавливаться на них повторно нет надобности. Все это можно отнести к сфере «сосредоточения земного», которое протекало под прямым воздействием духовного плана бытия. К чисто земной области принято относить проблему материального обеспечения, по-существу сводящегося к заработку. Денежные средства далеко не всегда равнозначны затрачиваемому тем или иным человеком труду, да и для самого труда еще не найдена абсолютно справедливая формула дифференциации его оплаты. Эта важнейшая социальная проблема в течение тысячелетий угнетает человечество и, как ни странно, многие люди «духовного склада» причисляют ее к разряду «низко материальных», не имеющих ничего общего с духовными потребностями и духовным ростом человека.

Между тем жизнь неизменно ставит перед каждым из нас со всей остротой вопрос о материальном обеспечении, подчас в весьма сложном, завуалированном аспекте, и от правильного решения этой задачи всегда зависят не только материальные, но и духовные достижения людей.

Биографы Н. К. мало касались «деликатной» денежной стороны его жизни, полагая, что она не играла значительной роли в его творчестве и деятельности. К тому же постоянный спрос на картины Н. К. и высокие цены на них как бы сами по себе снимали вопрос о каких-то денежных заботах и, тем более, затруднениях. Считалось, что Н. К. был зажиточным, даже богатым человеком, чуть ли не миллионером уже в самом начале самостоятельной жизни. Лично мне на одном выступлении был задан, пожалуй, не столько провокационный, сколько абсурдный вопрос: «Правда ли, что в связи с Октябрьской революцией у Рериха пропало на счетах в русских банках свыше миллиона рублей?»

Чтобы несколько осветить истинное положение этой стороны жизни Н. К. обратимся к документам. Разумеется, обеспеченность деньгами нельзя определять исключительно размером их поступлений. Она зависит также и от уровня неизбежных расходов для конкретно взятого образа жизни. Образ жизни семьи Н. К. исключал всякое расточительство, но тем не менее, требовал значительных сумм. Помимо средств на поддержание обычной «респектабельности» людей его общественного положения, Н. К. всегда имел значительные расходы, связанные с путешествиями, пополнением библиотеки, приобретением картин старых мастеров, археологических экспонатов и предметов народного творчества для своих коллекций.

Основными источниками доходов Н. К. являлись гонорары за картины, монументальные росписи, иллюстрации, литературные произведения и в первый период жизни должностное жалование. Еще до женитьбы Н. К. определился на службу в Общество Поощрения художеств и после женитьбы продолжал работать там сначала в должности секретаря, а затем директора Художественной школы вплоть до 1917 года.

О том, хватало ли с избытком этих средств на покрытие всех расходов семьи Н. К., лучше всего свидетельствует переписка его с Е. И., в которой денежные вопросы затрагивались с полной откровенностью. Остановимся на одном примере: в 1906 году Н. К. едет в Италию. Е. И. с детьми следует за ним и останавливается в Швейцарии. Из Италии посылаются письма с подробными денежными отчетами: на что и сколько израсходовано, и сколько денег и для чего еще остается. Тщательно взвешивая возможность приезда Е. И. в Италию, Н. К. пишет ей: «Даже если не успеешь взять круговой билет — ничего, разница небольшая. А с деньгами не сокрушайся. Место есть, заказ есть, новые мотивы есть — чего же! А сколько готовых вещей! Ожидаю очень».

(Архив ГТГ, ф. 44/278)

Е. И. отвечает: «...меня же во Флоренции не жди. Не на что приехать — денег в обрез».

(Там же ф. 44/1206)

Кроме Италии Н. К. необходимо было также посетить и Париж, где Дягилев организовывал русское отделение на выставке «Осеннего салона». Из Парижа вновь следуют письма с упоминаниями о денежных затруднениях. Е. И. в свою очередь пишет из Петербурга, что В. Зарубин (делопроизводитель, впоследствии секретарь Общества Поощрения художеств) просил воспользоваться жалованием Н. К. за два месяца с последующей отдачей частями и добавляет: «Хотелось бы ему помочь, но это совершенно невозможно. Вчера у нас было финансовое заседание и пришли к печальному результату — выяснилось, что, заплатив все денежные расходы и сделав мне платье в 150 руб., денег у нас не хватит даже на прожитие до 15 августа. Нам самим необходимо будет выписать (в счет жалования Н. К. — П. Б.) рублей 800».

(Там же, ф. 44/1215)

Аналогичных подтверждений нехватки денежных средств достаточно много во все периоды жизни Н. К. Конечно, на безбедную жизнь денег всегда хватало, но большие расходы, связанные с предпринимаемой по личной инициативе научно-исследовательской работой, культурно просветительской деятельностью, путешествиями, участием в международных научных и культурных акциях, — далеко не всегда могли покрываться личными доходами. Для успешного развития многих начинаний с большой затратой сил средства приходилось изыскивать на стороне, что создавало дополнительную ответственность и известную зависимость.

Однако какое отношение все это имело к духовной жизни Н. К., к той Великой Миссии, которую он нес среди нас? Думается, что самое прямое и наиважнейшее. Недооценка всего, что связано с проблемой самообеспечения, гарантирующего создание нужных условий, всегда приводила к недоумениям, неправильным выводам, иллюзорным надеждам и неоправданным действиям. Чаще всего приходится сталкиваться примерно со следующими:

Недоумения: Почему Владыки Шамбалы материально не поддерживают те организации, деятельность которых направлена на общее благо? Почему Они не предоставляют достаточных денежных средств даже своим Посланникам и не освобождают их от повседневных мелких забот о «хлебе насущном»? Почему многие благие начинания Посланников не получали развития или терпели провал из-за финансовых затруднений?

Выводы: Владыки Шамбалы «не хотят» вмешиваться в «дела человеческие», блюдя чистоту своей кармы. Владыки Шамбалы бессильны в оказании денежной помощи. Владыки Шамбалы не осведомлены о тех, кто при обладании достаточными средствами были бы готовы полностью посвятить себя Их Делу.

Надежды: Сильное духовное устремление само по себе устранит все препятствия материального характера, поэтому последние подлежат самоустранению. Для проведения в жизнь Плана Владык будут посланы Доверенные, обладающие такой властью, которая подчинит себе и изменит в нужную сторону любые материальные условия.

Действия: Любые начинания без подготовки и проверки материальной базы. Диспропорция между созданной реальной возможностью и масштабами предпринятого дела. Отсрочки в ожидании само накопления средств, которые позволили бы начать сразу с «больших дел».

В масштабах одной личности или отдельных группировок все перечисленное обычно сводится к единому знаменателю: дайте мне (нам) больше средств, и я (мы) сделаем для Вас больше. Мы — готовы, дело только за Вами.

Несостоятельность подобной формулы доказывается всей жизнью Н. К. и, может быть, особенно наглядно и доступно его отношением к денежным вопросам. Справедливо называя деньги «расписками срама нашего времени» и отрицая какую бы то ни было их абсолютную значимость, Н. К. в то же время указывал, что дельный денежный баланс он ценит выше восторженных заверений. И в этом нет ни малейшего противоречия, ни малейшей уступки духу меркантильности. Между обычным денежным балансом и Космическим Законом Равновесия действительно существует прямая антология. В обоих случаях каждое несоответствие между образованием средств и их использованием указывает на напряженность в состоянии дел и требует принятия экстренных мер для их исправления.

Конечно, Закон Космического Равновесия в сочетании с действием Космического Магнита нечто иное, чем принцип действия равно плечных коромысловых весов или отсчета равномерных объемов. В Великом Космическом строительстве гармоничное взаимодействие возможностей и их реализации протекает в последовательном созидании того и другого. Возможность — это не подачка свыше, которую можно «вымолить», а закономерное сочетание наличных средств, обеспечивающих закономерное же завершение предпринятых действий. И в этом свете положение Владык Шамбалы много сложнее и, по нашим человеческим понятиям, «невыгоднее» положения простых смертных. Последние, благодаря Жертве Высшего низшему и слагаемым в силу этого кармическим следствиям, неизменно подводятся к, в какой-то мере, подготовленным, благоприятным возможностям, использование которых зависит только от самого человека, от его личных усилий. Владыки Шамбалы, связанные Космическими сроками эволюции, трудясь над созданием лучших возможностей для людей, имеют в компоненте «наличных средств» столь неустойчивый элемент, как человечество в целом, со всеми его несовершенствами, личными и групповыми кармическими накоплениями, наконец, всегда свободной и большею частью совершенно неорганизованной волей.

Прибегая к несколько примитивной аллегории, можно сказать, что Владыки Шамбалы в обмен на чистую монету своей жертвенной Помощи постоянно получают изрядное количество фальшивой. Для того, чтобы в подобных обстоятельствах удерживать Землю от полного банкротства, требуется приложение невероятных, скорее всего непостижимых нашему разумению Трудов.

Если Земля и человечество, в определенном аспекте, являются «глиной в руках горшечника» (сказано: «творимы и творчество уделом»), то по своему составу эта глина далека от идеала. И не случайно одним из первых напутствий Учителя своим Посланным было: «Мука у середины не чиста, по купить новую нет денег».

(«Листы Сада М.», кн. 1, 1922, апр. 6.)

Даже для неотложных действий на решающих этапах Плана Владык не хватает кармически подготовленных людей («мука у середины не чиста») не говоря уже о массах, которые необходимо вовлечь в движения глобальных масштабов, вызывающих те эволюционно-революционные взрывы, без которых невозможно в корне менять структуру общественного устройства человечества.

Между действиями Архатов и «магов» имеется существенная разница. «Маги» и их последователи, налаживая связь с тонким миром, даже при лучших своих намерениях, пользуются сомнительным «кредитом», то есть методами, за которые ни им самим, ни окружающим их людям не по средствам «расплачиваться». Архаты направляют ход событий и воздействуют на людей естественным путем и складывают здание будущего «из обожженных глин», а не из сырого месива, «чудом» удерживающего своды на несколько мгновений. Обжиг же кирпичей, как известно, производится «руками человеческими», в опаляющем земном пламени и из глины, которую содержат недра человечества, ибо «нет денег» для «покупки» лучшего материала, или, другими словами, контингент сознательнодвигающих эволюцию людей, а, следовательно, и использование их в Планах Владык, ограничены.

Земной путь Е. И. и Н. К. — путь Архатов. Величайшим чудом для них была сама Жизнь, а не отклонение от ее закономерных проявлений. Как истинные Архаты и Посланники Шамбалы, Е. И. и Н. К. считались со строгой последовательностью и ограниченностью средств и методов в беспредельном, а, следовательно, и в Земном строительстве. Усвоить эту последовательность, распознать земную ограниченность средств необходимо каждому, в каждом новом воплощении, ибо те или иные — не являются постоянными величинами, а изменяются в процессе общечеловеческой эволюции. На нашем этапе эволюции даже такой несовершенный и условный регулятор, как деньги, не взирая на все допускаемые им искажения, все-таки показывает насколько мы усвоили общий закон равновесия, как научились в своих действиях рационально, не прибегая к явно неоправданным «авансам» и не впадая в иждивенчество пассивного выжидания «подачек».

В конечном итоге, именно, человеческие несовершенства вызвали к жизни столь несовершенный «жизнедатель», как вездесущая денежная мера труда и стимул паразитизма. В современном обществе без этого «жизнедателя» не обойтись, поэтому игнорирование его значения столь же губительно, как и рабское подчинение или восхищение им.

В высочайшей миссии Посланника Белого Братства Н. К. явил нам наиболее правильное, опирающееся на Космическую закономерность, отношение даже к столь, казалось бы, чуждому духовным запросам, как деньги. Без преодоления этой ступени «земного сосредоточения», мы явим лишь полную свою несостоятельность и беспомощность в том мире, который искренне хотим переделать к лучшему, следуя Указам Владык и вдохновляясь преданностью к Ним. Ведь Владыки Шамбалы пришли на землю не для того, чтобы облагодетельствовать скудоумное человечество. Та суровая школа земной жизни, которую они прошли Сами и теперь облегчают усвоить нам, готовит равноправных участников Космического строительства, а не послушных мальчиков и девочек, покорно следующих указаниям своих наставников и умиленно возносящих Им осанну за дарованные свыше блага.

Вполне очевидно, что мы еще очень далеки от истинного понимания форм и условий Космической Жизни, протекающей совокупно в трех планах — плотном, тонком и Огненном. И вряд ли мы сможем приблизиться к такому пониманию, предварительно не решив в «сосредоточении земном» очередных задач самоусовершенствования и познания того плана, волею рока в котором находимся. Логично заключить, что и решать эти задачи нам надлежит путем мобилизации всех возможностей своего материального плана. Лишь успешно усвоив этот урок, мы будем способны к овладению и пользованию более сложными средствами и методами, которые связуют три плана Бытия в Единую Космическую Жизнь.

Это, конечно, не означает, что мы имеем право игнорировать проявлениями тонкого мира в нашей земной жизни. Однако, как показывает опыт, мы не имеем права «хвататься» за них, игнорируя основными личными или общественными задачами нашего земного существования, ибо разрыв одного звена ведет к распаду всей цепи.

Это положение предельно ясно выражено в следующих словах Учения Живой Этики:

«Владыко, почему не доверишь мне собрать все плоды сада Твоего?

— Но где же корзины твои?

Владыко, почему не прольешь на меня ручьи Благодати Твоей?

— Но где же кувшины твои?

Владыко, почему вместо шепота не скажешь громом правду Твою?

— Но где же уши? И притом грозу лучше слушать в горах».

(«Листы Сада М.», кн. 1, 1922, июль 3.)

Н. К. и Е. И. начали свое земное Служение с обычного «плетения корзин» и «формовки кувшинов» в обычных же для всех нас условиях, и это неизбежно приводило их к обычным же для всех нас трудностям и ставило в такие положения, которые на первый взгляд, совсем не соответствовали той высокой сфере духовного развития, к которой они принадлежали.

В связи с этим приходится сталкиваться и с такими вопросами: а как же закон Кармы, воздающий за наши прошлые благие дела и карающий за прегрешения? Почему он не оберегал Е. И. и Н. К. в этой жизни от бедствий?

И с такими «догадками»: поскольку личная карма Е. И. и Н. К. не должна была навлекать на них тех невзгод, с которыми им пришлось столкнуться, то все такие испытания посылались им для дальнейшего личного совершенствования.

И опять-таки с такими «благими» заключениями: лучше вообще не затрагивать «бытовых» сторон жизни Е. И. и Н. К., так как все попытки объяснить и тем самым «оправдать» их приводят к умалению Великих Обликов.

Недоумения относительно действия Кармы вызываются, конечно, сугубо антропоморфическими истолкованиями этого вездусущего причинно-следственного Закона Бытия. Воздаяние за добро и зло — лишь одно из многих его проявлений, которое находит место в нашей сфере существования. На более высоких ступенях эволюции Карма регулирует творческий процесс Бытия, в котором наши понятия о «грехе», «святости» и «воздаянии» за них или преобразуются, или полностью исчезают.

Что же касается бытовых сторон и тех житейских невзгод, которые сопровождали Е. И. и Н. К. в данном воплощении, то объяснить их с целью «оправдания» личных «кармических долгов», «ошибок» или «противоречий» Е. И. и Н. К. вообще бессмысленно. Если даже предельно чуткое «объяснение» и избежит умалений, то оно все-таки выкажет полное непонимание жизненного Подвига Е. И. и Н. К. Постигать смысл жизненных испытаний Е. И. и Н. К. нам необходимо только для того, чтобы правильно объяснить себе самих себя, и руководствуясь примером их жизни, научиться находить правильные решения на своем собственном жизненном пути во всех его деталях, даже самомалейших «бытовых».

Самоотверженно трудясь в наших земных отравленных долинах или слушая в горах «грозовую» Правду Учителя, Е. И. и Н. К. никогда не нарушали строжайшей последовательности в естественном процессе восприятия тонкого мира и не забывали Поручения служить человечеству примером своей жизни, а не книжными сентенциями. Именно, на примере их жизни нам показано, как контакты с тонким миром возвеличивают, а не низводят значение материального плана, как недопустимо пренебрежение «малым» земным долгом, как важно в тонких контактах соблюдать равновесие, предупреждающее вторжение разрушительных вибраций из одной сферы Бытия в другую. И вряд ли мы сможем извлечь необходимые для себя уроки, если попытаемся проникнуть в духовную жизнь Е. И. и Н. К. в отрыве от познания их повседневной, подвижнической, но и, по-обычному, очень «человеческой» жизни, в которой как раз и нашли подтверждение слова Учения: «Приятно сознавать, как два мира соединятся на глазах человечества. Условие чистоты духовной будет познано, как материальное понимание жизни. И снова, как в древнейшие времена жречества, но в применении народном, заблестит огонь познания. Главное, надо привести в равновесие силы природы, видимой и Мощь Источников Невидимых... Можно находить особый вред феноменов, ибо разряд насильственно скомканной материи порождает ненавистную атмосферу мятущихся электронов. Ничто так не поражает организм, как ненужные феномены».

(«Листы Сада М.», кн. 2, ч. 3, III, 9.)

На всех доступных нашему обзору этапах жизни Н. К. и Е. И. мы наблюдаем строгое соблюдение Закона Космического равновесия. Так и переход от «сосредоточения земного» к «сосредоточению тонкому» проходил у них планомерно, без крутых переломов мировосприятия и философского мировоззрения. Богатейшие накопления центра «Чаши» раскрывались соизмеримо новым земным условиям и задачам.

Промежуток с осени 1901 года (приезд Н. К. из Парижа и женитьба) по осень 1906 года (назначение Н. К. директором Школы Общества Поощрения художеств) был самым напряженным периодом «созревания» Н. К. как художника, ученого и общественного деятеля. Ежегодные путешествия по России и странам Европы, археологические раскопки, участие в научных съездах, выставки, работы для театра и сложная административная работа в ОПХ требовали приложения невероятных усилий в области «сосредоточения земного». И, именно, в течение этих напряженных пяти лет в жизнь Н. К. и Е.И. вошло на равных началах «сосредоточение тонкое». Оно не увело их от «мирских дел», требовавших расширения научного знания, развития способностей, умения ориентироваться в окружающей обстановке. Множество забот и трудностей, прекрасно известных каждому из нас, обрушивалось на Н. К. и Е. И. Одолевая их, они трезво оценивали события и не опирались исключительно на то «потустороннее», которое уже заняло в их собственной жизни большое место. Вместе с тем они чутко прислушивались к нему, старались постичь сложное переплетение явлений двух миров, теперь уже неразделимых для них и вместе с тем столь разных и трудно контактирующих друг с другом, планов Бытия.

«Естественное» и «сверхъестественное» — эти несовместимые понятия — не противоборствовали в сознании Н. К. Конечно, он твердо придерживался мнения, что «сверх естества» ничего не существует, однако само понятие «сверхъестественного», как необычного, не укладывающегося в общепризнанные нормы, не существовало для Н. К. и Е. И. примерно в тех же формах, как и для всех людей. Таким, наиболее в их время достижимым, оно и вторглось в их личную жизнь через распространенный тогда оккультизм и спиритизм. Н. К. и Е. И. посещали спиритические сеансы, обращались к медиумам, испытывали свои собственные силы в области «потустороннего». Необычные способности Е. И. реагировать на явления тонкого мира были замечены В. М. Бехтеревым. Знаменитый русский психиатр и физиолог, изучая гипноз, самовнушение, действие мысли на расстояние, не чуждался спиритических сеансов, как, впрочем, и многие ученые того времени.

Мы знаем, что впоследствии Н. К. и Е. И. усиленно предупреждали против спиритизма как патологического проникновения в тонкие сферы, губительно действующего на человеческую психику. Почему же сами они не избежали подобных вредных вторжений? Почему не были от этого удержаны Учителем? Почему подвергали себя риску, связанному с занятием спиритизмом? Очевидно тому было несколько причин, о которых мы можем догадываться с разными степенями приближения:

1. Астральные каналы сношений являются наиболее распространенными и эффективными в смысле доказательства существования тонкого мира и возможности общений с ним. Поэтому они первыми и привлекают к себе внимание всех ищущих таких контактов.

2. Астральный мир, как наиболее приближенное звено тонкого мира к земному, до полного раскрытия центров у Посланников Шамбалы (по чисто физиологическим причинам они раскрываются к 30—33-летнему возрасту) является одним из наиболее действенных для получения необходимых сведений и предупреждений. Сам по себе Астральный мир нейтрален. Его темные, негативные стороны порождены человечеством и соответствуют таковым на Земле. Поэтому, соблюдая определенные охранные меры, Владыки Шамбалы, при необходимости, прибегают к астральным каналам общения. Необходимость пользоваться, именно, этими каналами обусловлена тем, что вибрации астрального мира ближе к вибрациям земного, чем вибрации более высоких тонких сфер. Прямые контакты с последними, без наличия хорошо подготовленных и изолированных приемников, грозят большим нарушением равновесия между мирами, чем контакты, в которых астральные слои используются, как трансформаторы, перерабатывающие высокое напряжение на более низкое.

3. Постоянное наблюдение Владык Шамбалы за своими Посланниками делали Е. И. и Н. К. более неуязвимыми по отношению к темным нападениям из низших слоев астрала, нежели это бывает с обычными людьми. Охранный панцирь Владык Шамбалы и, самое главное, внутреннее, подсознательное ощущение Их Водительства всегда служили для Е. И. и Н. К. надежной защитой.

Надо полагать, что сила психической энергии и потенциальная готовность центров к раскрытию также играли немаловажную роль. Они усиливали медиумистические способности тех лиц, к которым Е. И. и Н. К. прибегали при своих опытах тонких сношений. Мало того, они обезвреживали эти, в большинстве случаев отравленные каналы. Аналогично тому, как хороший мастер способен эффективно использовать взрывные устройства, на которых подрывались неопытные новички, Н. К. и Е. И. добивались от медиумов результатов, которые для других могли бы оказаться катастрофическими.

4. Наконец, Н. К. и Е. И. всегда охраняло от заблуждений хорошо развитое чувство соизмеримости. Они прекрасно понимали, что сведения, поступающие через каналы тонкого мира, подвержены тем же колебаниям, как и земные, то есть они могут оправдаться или не оправдаться, оказаться исчерпывающими или односторонними и, как обычно, правильно или неправильно понятыми. Поэтому все черпаемое через тонкие контакты подвергалось тщательной проверке, а при выполнении Указов или предупреждений, полученных этим путем, никогда не игнорировались земные условия, не отбрасывались методы экспериментального научного познания.

Впечатляющие соблазны «потустороннего», которые уводят своих нерадивых поклонников от выполнения земного долга и погружают их в иллюзии «сверхбытия», были бессильны перед духовным Знанием Учителя, которое существовало у Е. И. и Н. К. с момента воплощения. Соприкасаясь со сторонниками тонких контактов, Н. К. не случайно сетовал, что «много медитирующих, и мало действующих». Е. И. и Н. К. имели Поручение действовать и, именно, потому могли, в свое время, без вредных последствий обращаться даже к медиумистическим приемам, что связанную с этим опасность нейтрализовали энергичной познавательно-творческой деятельностью в обычных для всех условиях земного существования.

Каким архивным материалом о начальных формах «сосредоточения тонкого» у Е. И. и Н. К. мы располагаем? Если говорить о самом первом периоде, то, судя по записям Н. К., опыты и случаи проникновения в тонкий мир почти не фиксировались, и рассчитывать на подробные сведения о первых контактах с тонким миром вряд ли придется. Так Н. К. пишет: «Швейцария. Лето 1906 года. Приехала ясновидящая. Многие хотят побеседовать с нею. "Хотите ли она прочтет в закрытой книге?" В это время Е. И. приносит с почты какой-то пакет с книгой из Парижа. Е. И., не раскрывая пакета, называет страницу и строчку, и женщина с закрытыми глазами читает это место, точность которого тут же при всех и проверяется при вскрытии книги. — "Где мы будем жить будущее лето?" — Следует описание каких-то водных путей. При этом добавляется: "Вы едете на пароходе. Кругом вас говорят на каком-то языке, которого я не знаю. Это не французский, не немецкий, не итальянский, — я не знаю этого языка".

На другой год мы совершенно неожиданно жили в Финляндии.

Затем следовали описания судьбы моих картин в Америке на выставке, устроенной Гринвальдом. Затем, как видно теперь, были описаны потоки крови великой войны и революции, смерть императора, а затем начало учреждений в Америке. При этом была любопытная подчеркнутая подробность, что в новых делах будет очень много исписанных листов бумаги.

Разве это указание не характерно, когда припомним всю многочисленную переписку со всеми учреждениями в разных странах.

Другой случай, тоже в Швейцарии. Задумываются разные легко и трудно исполняемые задания, а женщина с завязанными глазами берет задумавшего за руку и стремится выполнить приказание. Причем выполняет не задуманное обычным гипнотизером, нет; она готова выполнить приказы самых случайных для нее встречаемых. Она пересчитывает деньги в карманных кошельках, читает метки на платках, причем читает на французском своем произношении. Например, вместо Борис говорит Бори. Указываются приближающиеся письма. Описываются лица, думающие в данный момент о ком-либо из присутствующих.

Можно припомнить множество подобных эпизодов как в Европе, так и в России, и на Востоке. Когда нечто подобное происходит, мало кто отдает ему должное внимание. Чаще всего эти замечательные, наводящие на многие размышления свидетельства остаются в пределах любопытного анекдота. Но проходят года, и когда совершаются потрясающие события, так легко в обиходе рассказанные, так непосредственно соединяющие прошлое с будущим, тогда запоздало всегда будут произнесены сожалительные фразы о том, как много могло быть своевременно еще более углублено. Искренно пожалеется о том, что бывшие у всех на глазах опыты остались тогда же не записанными».

(Н. К. Рерих. Листы дневника, «Бывшее и будущее»)

Еще одно интересное воспоминание Н. К.: «Наши друзья переезжали в новый дом. Вещи уже были перевезены. Среди них старинные, испорченные, никогда не заводившиеся часы. Хозяйка нового жилья задумалась, долго ли придется прожить на этом месте. И вдруг никем не заведенные, испорченные часы звонко пробили десять раз. Это было число лет, прожитых в этом доме.

А ведь многие не обратили бы внимания на какой-то бой часов».

(Н. К. Рерих. Листы дневника. «Вехи»)

Очерк «Вехи» — автобиографичен; все случаи, описанные в нем, происходили с Н. К., хотя в очерке ссылки на «хорошо знакомых». В данном эпизоде узнается Е. И. и переезд в дом на Мойке в 1906 году. Еще одно упоминание об Е. И.: «...за годы прозревались события. Как всегда, определялись они не календарными сроками, а сопутствующими жизненными знаками. Все это не записано. А ведь кто-то пожалеет, что так многое замечательное не было запечатлено. Из ученых Бехтерев прислушивался внимательно, а затем несколько врачей и исследователей проходили мимо равнодушно».

(Н. К. Рерих. Листы дневника. «Сорок лет»)

В опубликованных статьях мы наталкиваемся на строки: «Уже не смеемся, а только не доверяем перевоплощению. С недоумением подбираем «странные» случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением».

(Н. Рерих. Книга первая. М, 1914, стр. 288)

Все эти свидетельства относятся к 1904—1907 гг., следовательно, к этому времени, «сосредоточение тонкое» оформляется у Е. И. и Н. К. в определенную систему, вытекающую из Восточной эзотерики. По срокам это совпадает с возникновением индийской и вообще восточной тематики в живописи и литературных произведениях: «Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии». (Н. К. Рерих. Листы дневника. «Индия».) — замечает сам Н. К. Повторяю, что из этого отнюдь не вытекает, что в более ранние годы на Е. И. и Н. К. не сказывалось воздействие Шамбалы. В той или иной форме оно должно было проявляться с самых первых лет, но воспринималось только интуитивно.

Есть основание полагать, что, именно, в указанные годы для Н. К. и Е. И. впервые прозвучало Имя Учителя и начались сознательные поиски путей постоянного общения с Ним. На эту мысль наталкивает и сборник «Цветы Мории». Он открывается стихотворением «Заклятие», датированным 1911 годом. Все другие стихи более позднего периода.

Поэтому особо обращает на себя внимание стихотворение «Под землею», датированное 1907 годом. Приведем его:

*Черепя мы снова нашли. Но не было
знаков на них.
Один топором был
рассечен. Другой пронзен был
стрелою. Но не для нас эти знаки.
Тесно
лежали, без имени все, схожие между
собою. Под ними лежали монеты.
И лики их были стерты. Милый
друг, ты повел меня ложно. Знаки
священные мы не найдем под
землею.*

Сборник «Цветы Мории» — ценнейший документ духовной биографии Н. К., хотя с этой стороны он почти не исследовался, и у Н. К. было полное основание заметить:

«Публика совершенно не понимает «Цветы Мории», но все-таки чувствует, что есть какое-то внутреннее значение».

(Н. К. — письмо к В. Шибаву, без даты, относится к началу 1922 г.)

В стихотворении «Под землею» явно проскальзывает мысль, что «Священные знаки», то есть Указы Учителя придут не обычными путями. И, конечно, включение этого, по сравнению с другими более раннего стихотворения в сборник, носящий Имя Учителя, нельзя считать случайным. «Под землею», как и все стихи сборника «Цветы Мории», отмечает какую-то значительную веху в духовной биографии Н. К. и, скорее всего, именно, переход от обычного интереса и проникновения в «потустороннее» — к сознательному поиску контактов с Учителем М. через каналы Тонкого мира.

Примерно между 1907 и 1909 гг. Е. И. имела Видение, потрясшее все ее существо. Вечером она осталась одна (Н. К. был на каком-то совещании) и рано легла спать. Проснулась внезапно от очень яркого света и увидела в своей спальне, озаренную ярким сиянием, фигуру Человека с необыкновенно красивым лицом. Все было насыщено такими сильными вибрациями, что первой мыслью Е. И. была мысль о смерти. Она подумала о маленьких детях, которые спали рядом в комнате, о том, что перед смертью не успела сделать нужных распоряжений. Однако вскоре мысль о смерти отступила, заменилась необычным, ни с чем не сравнимым ощущением — Присутствием Высшей Силы. Так состоялось Посещение Учителем Е. И., которое, несомненно, многое для нее открыло.

Однако и после этого Посещения освоение «сосредоточения тонкого» проходило своим, последовательным чередом, о котором позже было сказано: «Сначала вам были явлены грубо материальные законы.

Вы были участниками поднятия на воздух, производились опыты материализации и присылки предметов — все это не для увлечения, но для сурового познания. Затем вам был представлен астральный мир, но не для погружения в него. Расширяя сознание, вы получили возможность знать ауры и лики перевоплощений. Покончив с миром полу материальным, мы перешли к космическому ясновидению и ясновыслушанию. Пользуясь открытыми центрами сестры Ур., можно было показать лучи разных качеств и строение тонких субстанций».

(«Агни Йога», § 145).

«Цветы Мории» — книга, в которой частично отражена эта последовательность, показаны первые ее этапы и вместе с тем эта книга является также первым опытом передачи другим сведений о своих Общениях с Учителем. По существу, книгу «Цветы Мории» следует рассматривать, как своего рода введение к книгам серии Живой Этики. На это указывает само название книги, заключающее в себе Имя Учителя М., и некоторые другие существенные моменты. Так, например, книга заканчивается поэмой «Ловцу, входящему в лес», относительно которой Н. К. сообщает в письме к В. А. Шибаеву от 25 июля 1921 г., что поэма дана Учителем как Наставление. В. А. Шибаев перевел «Ловца» на английский язык и запросил Н. К. о возможности публикации перевода, на что Н. К. ответил: «Спасибо за "Ловца". Мастер указывает обождать с печатанием. Он укажет, где и когда напечатать». (Письмо от 29 сентября 1921). В конце 1921 года (письмо не датировано) Н. К. пишет Шибаеву: «В Берлине только что вышла в пользу голодающих в России моя книга "Цветы Мории"».

Просите Гессена (*издатель — П. Б.*) выслать ее Вам и, если можно, распространите в Лондоне. Эта книга издана по указанию Мастера» ...

Следовательно, по указанию Учителя в книгу «Цветы Мории» было включено и Его Наставление для Н. К., аналогично тому, как подобные Наставления, Напутствия и Указы персонально для Е. И. и Н. К. включались позже в книги Живой Этики.

Поэму «Ловцу, входящему в лес» предваряет эпиграф:

«Дал ли Рерих из России

— примите.

Дал ли Аллал-Минг-

Шри-Ишвара из Тибета примите.

Я — с НИМ».

Первая книга Живой Этики («Зов») открывается Словами Учителя:

«В Новую Россию Моя первая Весть. Ты, сказавший

Красота,

Ты, давшая две жизни, Возвестите».

Эта несомненная аналогия свидетельствует и о тождественности Источника «Ловца» и книг Учения.

В письме от 25 июля 1921 г. Н. К. пишет В. А. Шибаеву: «Вы уже знаете, что Аллал-Минг — это Мастер Мория. Он руководит мною и моей семьей».

На непосредственное руководство Учителем М. четырьмя членами семьи Н. К. указывает и приведенный выше эпиграф к книге «Зов».

Только ли поэма «Ловцу, входящему в лес», датированная 15 апреля 1921 г., то есть после первых записей для книги «Зов» (24 марта 1920 г.), дает повод отождествлять Источники книг «Цветы Мории» и книг Живой Этики? Отнюдь нет, в этом отношении не менее доказательным является и трехстишие «Заклятие», открывающее книгу «Цветы Мории». Оно написано в 1911 году и значительно отличается от других стихотворений сложностью символики и терминологии. Так, например, обращения: «Агламид, повелитель змия! Артан, Арион, слышите вы!» или «Кийос, Кийозави, допустите лихих» — имеют в именах греческие корни, хотя, кажется, лишь одно из них — Арион — может быть отнесено к певцу из Мефины, жившему около 600 лет до Р. Х. По греческой мифологии, его лира и спасший его дельфин были перенесены на небо и образовали созвездия.

Конец трехстишия содержит в именах уже явно китайские корни: Фу, Ло, Хо и Иенно Гуйо Дья. Между прочим, в 1923 году в серии картин «Знамена Востока» Н. К. написал картину «Иенно-Гуйо-Дья» друг путешественников». Первая буква в имени скорее всего изменена при переводе с английского на русский. На прямую связь этих имен со «стражами кубка Архангела» указывает текст:

*«Камень знай. Камень храни. Огонь
сокрой. Огнем зажгися. Красным
смелым.*

Синим спокойным.

Зеленым мудрым.

*Знай один. Камень храни. Фу, Ло, Хо,
Камень несите.*

Воздайте сильным.

Отдайте верным.

*Иенно Гуйо Дья —
прямо иди!»*

Это первое опубликованное указание на Камень, который был передан в руки Держателей значительно позже — 6 октября 1923 г. Поэтому 1910—1911 годы можно считать годами, когда для Е. И. и Н. К. были полнее открыты их Миссия, кармические связи четырех членов семьи и Руководство ими Учителем М. Скорее всего, именно, поэтому «Заклятием», как Наставлением Учителя, и «Ловцом», как таковым же на новом этапе Служения, открывается и закрывается книга, носящая в своем заглавии Его Имя.

То, что 1911 год имел для Н. К. особое значение, подтверждается и значительно более поздней записью в книге «Алтай-Гималаи». Н. К. имел обыкновение отмечать «круглые даты» — трехлетия, семилетия, десятилетия, двадцати пятилетия и т. д. В книгах Живой Этики и в других авторитетных источниках неоднократно указывалось на 1936 год, как на решающий для человечества срок Космического плана. И в главе «Алтай» Н. К. пишет: «И приходит самый вдохновенный человек и о том же годе толкует. Вот диво-то: один по астрономии, другой по астрологии, третий по писаниям, четвертый по числам, и разговоры все о том же самом. Вот диво-то. К 1911 прибавить 25 — получается тот же 1936 год».

В 1910 году впервые Н. К. стал подписывать картины монограммой, сочетающей первую и последнюю букву фамилии Рерих: Как следует из письма к В. А. Шибаеву от 30 апреля 1922 г., такое буквосочетание появилось не случайно. Н. К. сообщал в письме: «У нас было 2-х томное издание С. Досса, но М. М. указал купить трехтомное и там указал многие символы, ранее показанные жене в видениях, указал на тибетское предание, указал на значение моей подписи под картинами Р/Х, которая появилась с 1910 года».

В первые века христианства обыкновенно вместо изображения Христа употреблялась монограмма Его Имени. Древнейшей формой монограммы было сочетание греческих букв Х и Р как раз в виде: Р/Х. Эта форма с родственная египетскому кресту, служившему знаком жизни: Монограмма Р/Х изображалась на многих картинах и предметах религиозного значения вплоть до средних веков.

После 1910 года Н. К. и особенно Е. И. часто имели очень яркие, образно четкие, запоминающиеся сновидения. По ним создавалось много картин. Так, например, картина «Ангел Последний» (1912) — точное воспроизведение сна Е. И. По сновидениям писалась и вся предвоенная «пророческая серия», подлинный смысл которой, по словам самого Н. К. был понят задним числом

(см. очерк «Три меча»).

В своем стихотворении прозой «Сон» Н. К. пишет: «Перед войною сны были: Едем полем. За бугром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоголовый (...). Были заклания. Были знамения. Остались сны. Сны, которые сбываются». В этом стихотворении перечислено содержание нескольких картин периода 1912— 1914 гг. Характерно, что «Сон» в английском переводе Н. К. поместил в сборник «Шамбала Сияющая» (Нью-Йорк, 1930), в котором опубликованы наиболее «Эзотерические» по темам литературные произведения Н. К. (Шамбала Сияющая, Сокровище Снегов, Звезда Матери Мира, Великая Мать, Гуру-Учитель, Одержанье, Буддизм в Тибете и др.).

Многие картины Н. К., литературные произведения, дневниковые записи, письма, начиная с 1910 года, свидетельствуют о том, что Н. К. и Е. И. интенсивно воспринимали различные указания из Мира Тонкого и стремились укрепить этот канал, установить постоянный контакт с Источником, уже вполне сознательно связанным с Именем Учителя М.

В стихотворениях сборника «Цветы Мории» последовательно отражен процесс развития общений с Учителем, и у Н. К. было полное основание в письме к В. А. Шибаеву сослаться на то, что эту книгу не понимают.

Действительно, в таком аспекте она не рассматривалась, и это обязывает каждого по-новому прочесть ее. «Цветы Мории» изобилуют автобиографическим материалом первостепенной важности, так как этот материал непосредственно связан с установлением контактов между Н. К. и Учителем. Настроения, рожденные жизнью, дали притчи «Священные знаки», «Друзьям», «Мальчику» — свидетельствовал сам Н. К. Именно, все происходило без отрыва от жизни, и жизненный путь Е. И. и Н. К., заполненный творческими трудами, всегда остается незаменимым примером практического подхода к усвоению Основ Учения на нашем земном плане. Стихотворные сюиты «Цветов Мории» приоткрывают многие страницы той внутренней подготовки духа к земным битвам, которые выдержали в настоящем воплощении Е. И. и Н. К. Отвечая на некоторые вопросы по поводу книги «Цветы Мории», С. Н. писал: «...Стихотворения Н. К. уже с самого начала содержали внутренний ключ к последующей его устремленности» (письмо от 11 апреля 1963 г.). В этом свете и следует подходить к раскрытию подлинного значения поэтического творчества Н. К., в котором за поэтическими образами и аллегориями скрываются автобиографические моменты, связанные с опытом осознания первоочередных задач эпохи и своей роли в их осуществлении.

Приступая к новому прочтению книги «Цветы Мории», прежде всего, необходимо обратить внимание на ее структуру. Книга поделена на циклы: «Священные знаки», «Благословенному», «Мальчику» и поэму «Наставления ловцу, входящему в лес». В первый цикл входят стихи 1911—1920 гг., во второй — 1916—1921 гг., и в третий — 1907—1920 гг. Поэма относится к 1921 году.

«Священные знаки» — это вехи для прозрения духа на его земном пути. Кармически они расставлены, но по закону свободной воли должны быть найдены и опознаны самостоятельно и, также самостоятельно применены при выполнении Поручения в каждом воплощении. Это общий Закон для всех рожденных, и, именно, в силу этого Космического Закона каждое воплощение Великого Духа, который опережает свою эпоху и появляется, чтобы возводить земные ступени светлого будущего, — является Жертвой.

«Благословенному» — это связь с Учителем М., поиск Его Ведущей Руки, Его касаний, ощущение Его Присутствия, неустанное пред стояние перед Ликом наиболее Близким и вместе с тем наиболее Непосредственным в наших земных условиях.

«Мальчику» — это обращение к самому себе, проверка своих сил, своей готовности, своего умения распознавать окружающее и окружающих.

Это автобиография пробуждения накоплений Чаши в сложнейшей обстановке земного существования с начальных ступеней самосознания до конкретно намеченных действий по Плану Владык.

«Наставления ловцу, входящему в лес» — это уже Наставление Учителя М. своему ученику, зрелому воину, который во всеоружии приступил к выполнению Порученного ему Владыками. Возраст мальчика — за спиной. Впереди битва с полной ответственностью за все Доверенное.

Книга «Цветы Мории» с незначительными сокращениями вышла к столетнему юбилею Н. К. в издательстве «Современник» под названием «Письмена». Сам факт выхода книги, являющейся первой ступенью к книгам «Живой Этики», как и заслугу инициатора и составителя этого издания, трудно переоценить. Книге предпослано интересное и глубокое по анализу предисловие составителя, в котором структура сборника, пожалуй, впервые рассматриваемого как единое целое поясняется так;

1. «Знаки» («Священные Знаки») — пробуждение пытливого духа человека.
2. «Вестник» («Благословенному») — осознание своего «Я», своего внутреннего голоса, творческой индивидуальности.
3. «Мальчику» — первые самостоятельные творческие шаги, проявление и развитие творческих возможностей человека.
4. «Наставления ловцу, входящему в лес» — голос творца, осознавшего свое назначение, свое место среди других, свое служение человечеству.

Будет ли такое пояснение противоречить вышеприведенному? Ни в самой малой степени! Оно лишь еще раз подтверждает ту истину, что подлинная «эзотерика» всегда имеет и «эзотерический» аспект, то есть выход в каждодневность человеческого бытия. По существу, почти все литературные произведения Н. К. являются блестящим примером аналогий, позволяющих давать Основы Учения по сознанию, по времени, сообразуясь с конкретными условиями места и неотложными задачами эволюции. Это относится и к книге «Цветы Мории». Как и книги Живой Этики, она неоднозначна уже потому, что личный опыт Общения Е. И. и Н. К. с Учителем не может быть в полной мере перенесен на других и применен другими, хотя, именно, об этом опыте, как стихи Н. К., так и книги Живой Этики трактуют и на этом опыте строятся. Вполне понятно, что там, где для Е. И. и Н. К. звучал Голос Благословенного, где они ощущали Его протянутую Руку, там для подавляющего большинства должен прозвучать сначала внутренний голос своего «Я», еще едва-едва пробуждающегося к Зову Истины.

Поэтому и тот «ключ», который дается к стихам Н. К. в предисловии книги «Письмена», является подлинным ключом, открывающим затвор на один поворот. Без этого первого поворота дальнейшее приоткрытие Завесы невозможно.

Стихотворения Н. К., безусловно, имеют много «ключей» прочтения, в их числе и ключ биографической расшифровки текста. При такой расшифровке необходимо проанализировать стихотворения в ином порядке, чем они размещены в книге «Цветы Мории», а именно: в хронологическом с разбивкой на три периода: первый — жизнь Н. К. в Петрограде, второй — в Карелии (1917—1919) и третий — жизнь за рубежом после отъезда из Карелии. Стихи первого периода сопоставимы с некоторыми общеизвестными фактами биографии Н. К. Второго — с дневниковыми записями, опубликованными и неопубликованными литературными произведениями. Стихи третьего периода получают новое звучание при сопоставлении их с перепиской Н. К. этих лет и частично с книгами «Зов», «Озарение» и «Община» (монгольское издание).

В каждом из поименованных периодов имеются стихотворения всех трех циклов или, как их называл сам Н. К., сюит. Та последовательность, о которой упоминалось выше, не изолирует один период приближения к Учителю от другого, а вносит в каждый из них новое качество. «Ловец», перестав быть «мальчиком», остается учеником своего Учителя, распознавание «Священных Знаков» не прекращается на всем земном пути и обращение к Благословенному, меняя с годами свой характер, не меняет своей сути.

В 1914 году вспыхнула первая мировая война. Ее начало застало Н. К. в Талашкине за окончанием алтарной росписи «Царица Небесная». Е. И. и Н. К. ждали приближения грандиозных катастроф и прозревали за ними коренное переустройство мира. Много позже Н. К. в «Листах дневника» писал: «Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое, и здесь сердце не допускает, что еще один земной ужас начался».

(«Из литературного наследия», стр. 169).

Перед первой мировой войной, одновременно с «апокалиптическими» вещами, Н. К. работал над картинами «Пречистый град врагам озлобление» (1912), «Заклинатель змей», «Прокопий Праведный» (1913), «Гнездо Преблагое» (1914) и другими «обороняющего» характера. Так ожидание великих катастроф сопровождалось усилиями не допустить их, повернуть ход событий по другому руслу.

В этом отношении показательны трехстишие «Заклятие», первый стих которого «заклинает» возможную напасть: «Лихих спалит огонь. Пламя лихих обожжет. Пламя лихих отвратит. Лихих очистит... От лихих берегите. Змеем завейся, огнем спалися, сгинь, пропади, лихой». Второй стих — это уже вызов на неизбежный бой: «Рысь, волк, кречет, уберегите лихих! Расстилайте дорогу! Кийос, Кийозави! Допустите лихих!»

Нечто подобное мы находим и в стихотворении «Лакшми-победительница». Созданное в 1909 году, оно так же, как и «Заклятие», включено в сборник «Цветы Мории». Сива Тандава, символизирующая в этом произведении Шиву-разрушителя, уговаривает свою сестру Лакшми (олицетворение творческого начала жизни) разрушить все разом и начать земную жизнь человечества изнова, что противоречит кармическому обновлению форм жизни во времени. Лакшми отвергает это коварное и жестокое предложение: «Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вышью на покрывалах новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые заклые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц пошлю к очагам людей добрые мои заклые. Так решила благая. Из светлого сада ушла ни с чем Сива Тандава. Радуйтесь люди! Безумствуя ждет теперь Сива Тандава разрушения временем. В гневе иногда потрясает землю она. Тогда возникает и война, и голод. Тогда погибают народы. Но успевает Лакшми набросить свои покрывала. И на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких торжествах. Лакшми украшает свои покрывала новыми священными знаками».

Через шесть лет — в 1915 году — появилось стихотворение «Священные знаки» — первое в одноименной сюите. В нем перекликаются мотивы жизни и смерти, вечного и преходящего, свободы и Высшей воли. Это — «Сантана» человечества, безначальный

Поток искрящейся жизни:

«... "Знать" —
сладкое слово. "Помнить" —
страшное слово. Знать
и помнить. Помнить и знать.
Значит — верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала искра
жизни и смерти.
Силою духа возносились Каменные
глыбы. Ковался чудесный клинок.
Берегли Письмена мудрые тайны.
И вновь явно все. Все ново. Сказка-
предание сделалось жизнью. И мы
опять живем. И опять изменимся. И
опять прикоснемся к земле.
Великое «сегодня» потускнеет завтра. Но
выступят
Священные знаки. Тогда, Когда нужно.
Их не заметят. Кто знает? Но они
жизнь построят. Где же
священные знаки?».

Здесь утверждается, что сознательное строительство жизни достижимо в слиянии приобретенных в каждом новом воплощении знаний с накоплениями прошлого, отложенными в «Чаше». Пробудить индивидуальную память помогает «коллективная» память человечества. Н. К. как бы фиксирует связь времен, запечатленную в анналах истории, ту преемственность знаний из поколения в поколение, которая хранит в веках Путеводные Знаки Плана Владык. Этот План предусматривает обновление жизни через духовное преображение человека.

Стихотворение «Жезл» из сюиты

«Мальчику», написанное тогда же, дополняет эту мысль:

*«Все, что услышал от деда,
я тебе повторяю, мой мальчик.
От деда и дед мой услышал. Каждый
дед говорит.
Каждый слушает внук. Внуку, милый
мой мальчик,
расскажешь все, что узнаешь!
Говорят, что седьмой внук исполнит.
Не огорчайся чрезмерно, если не сделаешь
все, как сказал я. Помни, что мы еще
люди».*

К 1915 году относятся также стихотворения «Увидим» (сюита «Священные Знаки»), «Украшай» и «В землю» (сюита «Мальчику»). Их мотивы — поиск взаимопроникновения двух миров — плотного и тонкого, поиск значения земного плана лично для себя. Знание, догадки о расставленных Кармой и Поручением Вехах имеются. Но как их узнать? От кого? Как согласовать поиск

Вечного с прохождением земной «майи», с отработкой нужных отношений к окружающим людям, событиям, вещам:

*«Мы идем искать священные знаки. Идем
осмотрительно и молчаливо. Люди идут,
смеются, зовут за собою. Другие спешат
в недовольстве...
... Но
угрожающие пройдут. У них так
много дела. А мы Будем искать
священные знаки. Никто не знает где
оставил хозяин знаки свои».*

Или:

*«Мальчик, вещей берегися.
Часто предмет, которым владеем, Полон
козней и злоумышлений,
Опаснее всех мятежей».*

.....

*«Если кто уцелел от людей, то против
вещей он бессилен.
Различно цветно светятся все твои вещи. Благими
вещами жизнь свою
украшай».*

Особенно интересным является стихотворение «В землю»:

*«Мальчик, останься спокойным.
Священнослужитель сказал над усопшим
немую молитву,
так обратился к нему:
"Ты древний, непогубимый, ты
постоянный, извечный, ты
устремившийся ввысь,
радостный и обновленный". Близкие
стали просить:
"Вслух помолися, мы
хотим слышать,
молитва нам даст утешенье". "Не
мешайте, я кончу,
тогда я громко скажу, обращусь к телу,
ушедшему
в землю"».*

На пороге смертного часа скрещиваются два плана, определяются и два разных подхода к ним. Плану «непогубимому» подобает «немая молитва», то есть посылка чистой мысли. Тонкому миру чужды меры земные. Однако мир земной юдоли нуждается в словах утешения, нуждается в помощи «рук человеческих».

Вспомним, что именно в 1915 году сам Н. К. пережил острое воспаление легких и ощутил дыхание смертного часа. Состояние здоровья было критическим, в мае о ходе болезни появился бюллетень в газете «Биржевые Ведомости». Болезнь вызвала осложнения в легких, что в ближайшие годы не раз выводило Н. К. из строя и побудило расстаться с городскими условиями жизни в Петербурге. В архиве Третьяковской галереи имеется запись Н. К. без даты: «Мне сказали, что я болен! Сказали, что я буду лежать. Буду смотреть в небо за окном. Может быть, больной я увижу иное небо! Может быть облака построятся в храмы. Дрожит воздух. Мелькают невидимые мушки. Когда же увижу иное небо? Не знаю, скоро ли буду болен опять. Если встану и уйду к делу, опять не увижу дальнего неба. Сегодня, может быть, мы его не увидим, но завтра, я знаю, мы найдем дальнейшее небо. Но чтобы молиться, я выйду из душного храма. Я уйду под облачный свод».

Поиск «иного неба» ассоциируется с поисками «священных знаков». Скорее всего, приведенная запись относится к 1915 году, лето этого и следующего года Н. К. действительно провел «под облачным сводом» — в Валдайском крае, а в декабре 1916 года переселился из Петрограда в Карелию.

Процитированные стихи 1915 года и почти все стихи, датированные 1916 годом, написаны Н. К. как раз в летние месяцы, среди природы, сближающей плотный и тонкий планы Бытия. Война, тревожные предчувствия, сосредоточенный поиск «священных знаков», проверка своей готовности к Служению, ощущение Направляющей Руки — все это нашло яркое выражение в стихах Н. К. этих лет.

В 1916 году был начат цикл «Благословенному». Судя по стихам этого цикла, Явления Учителя имели место ночью, во сне. Они рождали новые мысли и устремления, которые трудно было сочетать с повседневными личными заботами и с той кровавой эпопеей, которая решила тогда судьбы народов и государств. Знание, вера во Владыку были непоколебимыми, но Указы, приходявшие в кратких ночных прикосновениях, в осторожных намеках, в иносказаниях, требовали самостоятельной расшифровки, собственных выводов, инициативы в действиях.

Сюита

«Благословенному» приоткрывает завесу над первыми Посещениями Учителя:

. . .

Глаза Твои могут сверкать, Голос Твой
может греметь. И рука может быть
тяжела даже для черного камня.
Но Ты не сверкаешь, Ты не
гремишь,
И не даешь сокрушенья. Знаешь, что
разрушение ничтожней покоя. Ты знаешь, что
тишина
Громче грома. Ты знаешь,
В тишине приходящий и
уводящий.

. . .

(«Уводящий»)

Ты, в тишине приходящий, безмолвно скажи,
что я в жизни хотел и что достигнуто мною?
Возложи на меня свою руку, — буду я снова
и мочь и желать, и желанное ночью
вспомнится
утром.

. . .

(«Утром»)

На вершинах гор и на дне морей
прилежно ищи. Ты найдешь
славный камень любви. В сердце
своем
ищи Вриндаван — обитель любви. Прилежно
ищи и найдешь. Да проникнет
в нас луч ума. Тогда

*все подвижное утвердится. Тень
станет телом.
Дух воздуха обратится на
сушу. Сон в мысль
превратится...».*

(«Как устремлюсь»)

Претворение «сна в мысль», «тени в тело», «Указов из Тонкого мира в Священные знаки» земного плана отражено и в цикле стихов «Священные знаки». Много запретов на пути к Истине, они отпугивают робких и обращаются ступенями восхождения для безбоязненного, дерзającego искателя:

*«Нам сказали "нельзя". Но мы
все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово "нельзя". Мы хотели
знаки увидеть.
Нам сказали "нельзя".
...
Но на последних вратах будет
начертано "можно". Будет за нами
"нельзя".
Так велел начертать Он на
последних
вратах».*

(«На последних вратах»)

Под разными ликами проходят несущие Весть Учителя, нужно проявить величайшую находчивость и внимание, чтобы не пропустить их:

*«Я вижу след величавый,
сопровождаемый широким посохом мирным. Это
наверно
наш Царь. Догоним и спросим. Толкнули и
обогнали людей.*

*Поспешили.
Но с посохом шел слепой
нищий».*

(«Нищий»)

Знания рассеяны всюду, но даже накопленное самим в прошлых воплощениях не лежит на поверхности и не дается в руки без усилий:

*«...Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело. Правда, день
был велик.
Была ночь длинна и темна. Пришло
душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И озаренный новым солнцем Забыл я и
лишился того,
Что было накоплено мною...».*

(«Завтра»)

Много вестников на земном пути и подчас их задача только в том и состоит, чтобы передать к нужному сроку нужным лицам какие-то сведения, даже не догадываясь об их истинной сути и назначении. Эти вестники идут среди людей, речь которых «наполнена бессмысленными словами», для которых «нет никакой тайны Дальше настоящего», они готовы «утопить себя в танце» и увлечь за собой неопытного «мальчика», только еще вступающего на новый этап жертвенного земного Служения. Но упорная, ни на миг не ослабевающая работа над собой, самоконтроль, чувство ответственности, ощущение касаний Учителя оберегают «мальчика» от ложных шагов. Все это находит отражение в цикле «Мальчику».

Он открывается стихотворением «Вечность». В нем призыв к неотложности Служения. Зрелость приходит в действии, а не в пассивном ожидании:

*«Мальчик, ты говоришь,
что к вечеру в путь соберешься. Мальчик,
мой милый, не медли. Утром выйдем с
тобою.
В лес душистый мы вступили, среди
молчаливых деревьев. В студеном блеске
росы,
под облаком светлым и чудным пойдём мы в
дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти, значит ещё ты не
знаешь, что есть начало и радость,
первоначало
и вечность».*

Все необходимые на пути Служения доспехи, все подступы к Общению с Учителем, преломляясь в призме личного опыта Н. К., выражены в цикле стихов к «Мальчику». Этот цикл является своего рода «подготовительным курсом» к испытаниям на «аттестат зрелости». Как при настройке сложного музыкального инструмента, Н. К. перебирает струны человеческой души своими стихами, подготавливая ее к усвоению Высшей Мудрости. Поэзия, как и все виды искусства, развивает чуткость, утонченность, индивидуальность, без чего восприятие аллегорических образов, ритма, гармонии звука вообще невозможно. Но ведь без развития этих качеств люди остаются глухими и к Указаниям из Высших Сфер, так как по закону Кармы они приходят не в виде готовых циркуляров с постатейной разбивкой, а в формах, требующих свободного творческого восприятия.

Доподлинные страницы душевных переживаний Н. К., претворенные в прекрасные поэтические образы, являют собой стройную систему доступных каждому ищущему духу уроков соизмеримости и целесообразности, диалектики и целенаправленности, бесстрашия и благоразумия, дерзания и осторожности. Так, например, неотложность действия, высказанная в стихотворении «Вечность», корректируется ответственностью за Порученное и указанием на закономерную ритмичность всех жизненных явлений.

Космический ритм, пронизывающий все живое, включает в действие также и моменты накопления сил, периоды разрядки народной или личной кармы:

*«Мальчик, с сердечной печалью
ты сказал мне, что стал день короче, что становится
снова темнее.
Это затем, чтобы новая радость
возникла: ликование
рождению света. Приходящую радость я знаю.
Будем ждать ее терпеливо.
Но теперь, как день станет короче, всегда непонятно
тоскливо проводим мы
свет».*

(«Свет»)

. . .

*«Не подходи сюда, мальчик. Тут за углом
играют большие, Кричат и бросают разные
вещи. Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай. Свирепы игры
больших,
на игру твою не похожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью. Подожди —
игроки утомятся, —
кончатся игры людей, и
пойдешь туда, куда
послан».*

(«Посла

В стихотворениях «Вечность», «Свет», «Послан» духовные прозрения «мальчика» развернуты на фоне конкретных событий из жизни Н. К. и общественных событий эпохального масштаба. Война — эта «болезнь Планеты», выбившая из обычного ритма целые народы, и собственное заболевание Н. К., обострившее ощущение грани «потустороннего», свирепая «игра больших» на призрачной паутине «Майи» и строительство новой жизни на незыблемых основах Бытия — все служит «мальчику» уроками самоусовершенствования, все мобилизует на проверку своего умения разбираться в сложной диалектике жизни. В чередовавшихся ритмах активности «сосредоточения» тонкого и земного вырабатывалась стройная система их постоянного взаимосвязанного присутствия. Наглядно это можно представить в виде нотного письма. Если сами начертания нот уподобить действиям земного плана, то нотные линейки — это мир тонкий, который являясь основой земного, пронизывает его и определяет высоту нот. Их точное значение указывает ключ, альтерация и другие нотные знаки. При отсутствии нотных линеек (ощущения Высшего мира) нотные начертания (земные действия) рассыпаются в хаотической пляске:

*«...Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только на теле
своем. Бойтесь, когда
возле соберутся толпы. Когда забудут о знании. И с
радостью разрушат указанное раньше. И легко
исполнят угрозы. Когда не на чем будет записать
знание ваше (...)*

*Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя в
танце».*

(«В танце»)

Знания, приобретенные в каждом воплощении, «не на чем будет записать» без ощущения того, «что есть начало и радость, первоначало и вечность» — без опоры на свое истинное «Я», пребывающее в трех Мирах. Однако само по себе ощущение Тонкого мира в нашей земной жизни еще не решает задач существования и развития личности. Нотные линейки могут остаться незаполненными, обилие «пауз» способно свести на нет начатую мелодию, неправильный «ключ» увлечь в беспросветную бездну. Человек всегда остается «композитором», свободным творцом своей «песни», своей судьбы.

Она может вылиться в прекраснейшую симфонию, или в безобразную какофонию, или в шакалиный вой, или в цыплячий писк. Делясь с нами в стихах собственным «композиторским опытом», Н. К. не покушаясь на чужую индивидуальность, не навязывая готовых решений на все случаи жизни, открывает нам глаза на невидимые в привычных условиях «нотные линейки» тонкого мира и чутко направляет нас на «свободную композицию» в ключе Космической эволюции человечества.

Конкретная жизненная канва придает поэзии Н. К. особую убедительность, однако то, что сам Н. К. назвал «настроениями жизни», отнюдь не подчеркивает «личного», не выдвигает «Я» поэта на первое место. Обобщенные образы и средства выражения, к которым прибегает Н. К., как бы уводят читателя из субъективного мира поэта в мир людей, принадлежащий всем и тревожащий всех. По разным поводам и в разное время каждый мыслящий человек может сказать себе словами Н. К.:

*«...Пряатель, опять мы не знаем? Опять нам
все неизвестно.*

Опять должны мы начать.

*Кончить ничто мы не
можем».*

(«Не можем»)

Или:

*«...Мальчик спросил: может ли он для
добра и для знания убить человека?*

*Если ты умертвил жука,
птицу и зверя, почему тебе и
людей
не убить?»*

(«Не убить?»)»

Или:

*. . .
«...Уговори себя думать, что злоба людей неглубока.
Думай добрее
о них, но врагов и друзей не считай!»*

(«Не считай»)»

Или:

*. . .
«Над водоемом склонившись мальчик с
восторгом сказал:
«Какое красивое небо! Как
отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!»
«Мальчик мой милый,
ты очарован одним отраженьем. Тебе довольно
того, что внизу.
Мальчик, вниз не смотри! Обрати глаза
твои вверх. Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе не закрой».*

(«Не закрой»)»

Многосторонняя «проверка доспехов», показанная в цикле «Мальчику» — это обязательная программа для каждого, серьезно решившего вступить на путь Служения. Вместе с тем, эта программа столь универсальна, что реализация любой ее части совершенствует человека независимо от того, осознал ли он задачи Служения или еще далек от этого. Н. К. как бы испытывает на «мальчике» готовность к положительным действиям во всех жизненных обстоятельствах, и основное заключается в том, что эта готовность — готовность духа. Духовная подготовка и развитие зоркости в распознавании «Священных знаков», то есть Плана Владык, протягивают и укрепляют между учеником и Учителем «Серебряную Нить», канал постоянного Общения. Этому мы находим подтверждение даже в самой структуре книги «Цветы Мории». Так, если в 1915—1916 гг. на 24 стихотворения циклов «Священные Знаки» и «Мальчику» приходится 4 стихотворения «Благословенному», то в 1917—1921 гг. соотношение меняется: на 14 стихотворений циклов «Священные Знаки» и «Мальчику» приходится уже 17 стихотворений цикла «Благословенному». Стихи этой сюиты, как и поэма «Ловцу, входящему в лес», больше всего насыщены автобиографическим элементом. И это вполне понятно. «Священные Знаки» расставлены для всех, и «мальчик», которому надлежит сдать экзамен на «аттестат зрелости», живет в каждом из нас. Услышать же Голос Благословенного и получить право Общения с Ним — этой черты достичь нелегко. Она предопределяется Кармой и Избранием. К этому готовятся и этого заслуживают жизненными подвигами многих воплощений. «Трижды позванным» назван Н. К. в «Ловце», что и определяет дистанцию между ним и подавляющим большинством людей, его окружающих, людей его времени.

К книге «Цветы Мории» нам придется неоднократно еще возвращаться, а пока обратимся к другим источникам биографии Рерихов карельского периода их жизни. Здесь прежде всего, необходимо обратить внимание на повесть «Пламя». Она публиковалась у нас дважды, — в журнале «Север» с предисловием В. Бондаренко и в «Избранном», где В. Сидоров также уделяет немало места ее разбору в предисловии к книге. Упоминание о повести приводится и в книге ЖЗЛ о Рерихе, причем, там впервые указано на некоторые автобиографические моменты повествования. Это послужило основанием для сравнительных оценок жизни и поступков Рериха с героем, выведенным им в «Пламени», что завело в отдельных случаях слишком далеко. Безусловно, герой повести — художник, уединившийся на острове, — это отнюдь не Рерих, и меньше всего побудило его к написанию повести желание рассказать свою личную жизнь. Правильнее будет сказать, что в «Пламени»

Рерих пытался показать некоторые обязательные моменты для жизни каждого человека, стремящегося к самосознанию, к духовному самоусовершенствованию, причем не просто показать, а подкрепить их личным опытом. Для этого Рерих придумывает героя повести, известного художника, написавшего серию картин и не желавшего их выставить, столь дорога эта серия ему была. После долгих уговоров он все-таки картины выставил, они имели большой успех у публики, и один издатель добился согласия художника воспроизвести их в печати. Однако художник не согласился на выдачу картин в типографию, а дал своему ученику снять с них копии, с которых и должны были сделать воспроизведения. Эти копии издатель застраховал на большую сумму как оригиналы, в типографии случился пожар, издатель получил страховку, и художник, чтобы не подводить его, вынужден был ее принять. А между тем в студии художника стояли целыми и невредимыми сами картины, которые он уже не мог показывать, ибо весть об их гибели получила широкую огласку и ему были высказаны сочувствия по случаю гибели столь прекрасных произведений. Вокруг этого случая и построена фабула повести. С самого начала здесь можно проследить художественную выдумку и канву, на основе которой она была придумана. В 1914 году издатель Кнебель готовил монографию о Рерихе, и в типографию были сданы многие картины, причем оригиналы, а не копии. Все они благополучно вернулись обратно. Но с началом войны русские черносотенцы учинили ряд погромов, в том числе из-за немецкие фамилии разгромили и типографию Кнебеля. В огне погибли клише для монографии Рериха, погибло и около 150 картин других русских художников к готовящейся Грабарем Истории русского искусства. Ни о каких страховых премиях Рериху за погибшие клише вопроса вообще не возникало. Как мы видим, фабула «Пламени» целиком придумана автором. Художнику потребовался этот вымысел для того, чтобы поставить своего героя в исключительно сложные условия, вызвавшие его бегство от людей. У него самого были другие причины для неудовольствий и разочарований окружающим миром, которые мы в повести и находим. Вернее, даже не столько в самой повести (там они обезличены и обобщены), сколько в черновых записях к ней. Они носят чисто дневниковый характер. Среди последних имеются такие: «О звере и человеке, надо сказать. О злобных лукавцах Боткине и Толстом, о негодях подкупных Лазаревском, Кравченко, о глупцах Сабанееве, Зарубине, Бергольце, — много их. О друзьях — Куинджи, Григоровиче, Бенуа, Яремиче, Химоне, Рылове, Тенишевой, Мартене, Д. Роше, Ремизове, Горьком, Андрееве. Хочу написать о жизни. Вспомнить, что забываемо, но что часто значительней закрепленного печатью... Назвать мою жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие ее знали. Волком в стае я никогда не ходил.

Одиноким медведем иду я. Человека каменного века в первой книге моей я сравнил с медведем. Этот медведь похож на меня. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймете?» ... «Будет так, как должно быть. Медведь вышел на меня, но остался цел. Огонь касался меня, но не сгорел. Подломился лед подо мною, но не утонул. В тумане остановилась лодка у стремнины, но не погиб. Лошадь шла горной тропинкой и оступилась, но удержался. Терял накопленное богатство и потери проходили бесследно. Злобная погоня неслась за мной, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвинен в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами Боткиным и Толстым, но уберегся. Беседовал с глупцами Сабанеевым, Зарубиным, Бергольцем, но устоял. Это правда!»

Многие приведенные строки, с выпуском личных имен, почти без изменения вошли в повесть «Пламя». Здесь необходимо отметить еще один факт, а именно то, что первоначально Рерихом была задумана статья «Единство», для которой и были написаны эти отрывки, датированные 26 октября 1917 г. Все указанные в них факты — случаи из жизни Рериха. В этом черновике описаны и другие факты, имеющие прямое отношение к личной жизни художника. Например, «И вещие сны вели нас. И друг моей жизни, жена моя Лада, прозревала на всех путях наших. Нашла она водительство духа. И укрепила она путь наш», или: «У меня есть работа. Я люблю искусство. В нем опора моя. И в жизнях будущих хочу быть художником. Верю, что творчество нужно на всех путях человечества», или: «Настроения, рожденные жизнью, дали притчи: Священные Знаки, Друзьям, Мальчику».

Впоследствии Рерих использовал дневниковые записи к статье «Единство», исключив в них все личные имена, все что могло быть истолковано как сугубо его собственная жизнь, в двух произведениях: в статье на искусствоведческую тематику под таким же названием и в повести «Пламя». Для последней и был придуман герой повести, художник, в уста которого автор вложил многие свои мысли. Чтобы обострить все те моменты, которые лично повлияли на него, Рерих заставил своего героя выставить картины вторично, объявив при этом, что они повторены им. И что же: «Опять картины стояли на тех прежних местах. Было то же самое освещение. На полу лежали те же самые ковры. И казалось воздух мастерской был тот же. И люди были те же. За исключением трех, четырех случайных, все сошлись. Так же ходили по кругу. Так же шептались. Но глядели смущенно. Они не поверили. Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах. Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку. Они не поверили.

Смотрели. Смотрели — слепые. Слушали — глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?»

Художнику не поверили, что он мог повторить столь же хорошо картины, на первый вариант которых было затрачено около двадцати лет. Все сожалели о гибели картин, и те же самые полотна посчитали жалкими, неудавшимися, в спешке сделанными, повторениями их. Высказывались даже мнения, что первые картины были написаны не самим художником, а заказаны им за большое вознаграждение заграничным мастером. Все это так подействовало на героя рериховской повести, что он решил уединиться и поселился далеко на севере, на отдаленном острове. Так он обрел спокойствие, предавшись творчеству, осознал свои собственные ошибки, подвел черту под пройденной жизнью и стал готовиться к новому ее этапу. «Знаю, что пламя мое уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде подумаю».

Мы знаем, что на самом деле Рериха вынудила выехать из Петрограда в Сортавалу болезнь, а на острове Тулонсаари, где была написана повесть «Пламя» и ландшафты которого в ней узнаются, он провел лето 1918 года в доме Выборгского купца Барина. Так что в повести были использованы лишь внешне похожие автобиографические моменты. Тем не менее, по своему внутреннему содержанию «Пламя» подчас достигает степени искренней исповеди самого Рериха и его провидческой мысли. Сколько раз он сталкивался с «закрытым глазом», с людскими предубеждениями, и сколько раз предвидел события, опасности, подстерегающие человечество на его путях!

Не случайно под конец жизни им была написана картина «Бэда проповедник»,

эта настойчивая «песнь глухим». Но Рерих всегда оставался оптимистом и свою повесть «Пламя» он заканчивает словами из «Бхагават Гиты»: «Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое. Преходящи лишь формы этого Воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен. Потому — сражайся».

Рерих готовился к новому этапу жизни, к новым битвам, что в полной мере проявилось в повести «Пламя», и в этом заключается смысл и сила этого произведения. Зов был услышан и принят безоговорочно.

Он исходил из Тонкого мира и звал к его освоению. Но эта неременная часть бытия коварна, правильное ее значение каждый находит сам для себя. Еще труднее решить задачу связи двух миров. Многие в ее решении безнадежно запутываются. Тонкий мир засасывает людей со слабой волей, как алкоголь пьющего человека.

Проявляясь в плотном мире, как некий потусторонний феномен, он заставляет поверить в свою абсолютность, в свою непререкаемую правоту.

Раз получив зов из тонкого мира, человек следует за ним вслепую, не желая считаться с тем, что он еще более относителен, чем плотное состояние материи, в котором мы живем, и который является также обязательной областью Бытия. Здесь не может быть приоритета, а есть взаимосвязь, порождающая множество факторов. Имеющий такие же, даже еще большей амплитуды, градации, как мир плотный, тонкий мир находит проявления в нем наиболее близкими к земле аспектами, а именно — астральными построениями. Ими же зачастую пользуются и Силы Высшие при вынужденных вмешательствах в человеческую жизнь. Своим сердцем человек должен почувствовать откуда он слышит зов, будет ли он Голосом Иерархии или голосом пустой оболочки, застрявшей в Астрале и твердящей то, что ему удалось на земле совершить. Как отличить «Вещие сны» от простых, навеянных мимолетной земной мыслью или чьими-то несбыточными фантазиями? И этот вопрос стоял перед Рерихами, которые уже знали Водительство Высшее и Руководительство Учителя. Во всем приходилось разбираться самостоятельно, идти на ощупь по едва различимым кармическим вехам. В стихотворениях сюиты

«Священные Знаки» Рерих замечает:

«...Иногда, кажется, будто звучит

Царское слово. Но нет. Слов Царя не услышать.

Это люди передают их

друг другу. Женщина — воину. Воин — вельможе. Мне передает их сапожник сосед. Верно ли слышал он их от торговца, ставшего на выступ крыльца?

Могу ли я им поверить?»

(«Поверить»)

Или:

...

«...Никто не идет. Ни одной точки. Путника — ни одного.

Не понимаю. Не вижу. Не знаю.

Глаз свой ты напрягал бы напрасно»

(«Напрасно»)

Как настроить себя на правильное понимание случайно брошенных намеков, снов, видений? Как убедиться, что они действительно посылаются Учителем, а не являются астральной шелухой, искажением передаточного канала? Надо было считаться и с последней возможностью; ведь Рерихи широко пользовались астральными способами сообщения до того, как у Елены Ивановны окончательно не открылись центры. Да и тогда, когда это произошло, Голос Учителя нужно было различить, а сказанное Им понять. В какой-то мере это оставалось всегда, так как закон Кармы нерушим.

Но у Елены Ивановны была мера, особенное чутье Высшего Присутствия. Николай Константинович так описывает это в стихотворении «Властитель ночи». Оно было создано в Карелии, в 1918 году, одновременно с одноименной картиной. Картина представляет собой коленопреклоненную женскую фигуру перед откинутым пологом шатра. Его текст таков:

«Должен Он придти — Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встает Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовем. Вызовем. Огонь желтый, и юрта золотая. И блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдет Он, желанный. Придет ведунья. И зажжет травы. И вспыхнет зеленый огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдет Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдет та, злая. И бросит красные травы. И заволочет туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь, откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы и багровее пламя. Ах, приди и останься. И протянулась, и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. И вы все уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыли намет. И вот она стоит на коленях. Ушел приказ. Ушло волхование. И тогда пришел Он, властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Все стало просто. Ах, как проста ночь. И проста звезда утра. И дал Он власть. Дал силу. И ушел. Растаял.

Все просто».

В этом стихотворении показана вся история общения Елены Ивановны с Учителем. «Властитель ночи» потому, что первые указы происходили во сне. Вспомним стих «Сон», образы снов переходили в картины и разгадывались задним числом. 1913 год. Спящим стражам приносится меч огненный. «Меч мужества» понадобился.

Приходят сроки. Тогда же в начале 1914 года спешно пишутся: «Зарево» — с бельгийским львом, «Крик змея», «Короны» — улетевшие, «Дела человеческие», «Город обреченный» и все те картины, смысл которых мы после поняли.

Вначале были только подсказки, непонятные даже самим Рерихам. Они породили интерес, втягивали все больше и больше, захотелось знать обо всем. И сразу же была показана граница. О ней очень образно выразился Святослав Николаевич: «двери Туда открываются только, с одной стороны. Насильно их не открыть, сколько бы мы не старались». Дакша пытается прибегнуть к различным, ведомым ей способам, но все напрасно. И тогда она догадывается — нужно лишь открыть свое сердце навстречу Властителю ночи, изгнав из него все постороннее. Кажется, очень просто, но достигнете этой простоты. Попробуйте изгнать все привычные мысли, все обыденные заботы, все настроения дня, все накопившиеся убеждения и предубеждения, все желания, все вопросы и вы почувствуете тогда, что в этой простоте заключена Высшая Мудрость самообладания. Лишь считанные единицы способны открыть полог своего сердца, изгнав из него все земное, а без этого не может состояться общения с Высшим, без этого всегда происходит навязывание своего вопроса, своих забот Учителю. А кто лучше знает нужное миру и ненужное ему в настоящий момент? Или только нужное для вас лично может заставить Владыку забыть о мире и заняться вами?

Сказано:

«Пошли волю Твою, Владыко, или дай, или возьми». До того, как навязывать свою волю Высшей Силе надо научиться познавать Волю Учителя. Много позже Елена Ивановна задавала вполне конкретные вопросы, она имела на это право, но эти вопросы никогда не затрагивали личной кармы и, кроме того, на усмотрение Учителя оставалось, как ответить на них, и если не было сразу ответа, или он приходил в словах, которые требовали разгадки, то это принималось как должное.

В начале же было полное самоотречение как единственный способ допустить Учителя до своего сердца. Именно, в такие моменты становилось «Все просто», в такие моменты «Он давал власть. Давал силу», чтобы укрепить сознание, и ... «Уходил». Формула «Руками человеческими» вступила снова в силу, заботы каждого дня давали себя знать, и уже не с помощью Учителя, а с помощью силы, данной Им, самостоятельно принимались решения.

Такие, переживаемые время от времени, просветления лучше всего доказывали доподлинность связи с Учителем. В остальное время Рерихи были предоставлены самим себе, должны были сами решать, что им надлежит делать, как строить свою жизнь, чтобы выполнить завещанный им жизненный подвиг:

«Начатую работу Ты мне оставил. Ты пожелал, чтоб я ее продолжил. Я чувствую Твое доверие ко мне.

...

Но многое не сказано Тобою, когда Ты уходил. Под окнами торговцев шум и крики...

Тебя не мог спросить я:

мешало ли Тебе все это?

Или во всем живущем Ты

черпал вдохновенье? Насколько знаю,

Ты во всех решениях от земли не удалялся».

(«Не удалялся»)

И это не удаление от земли порождало множество сложных проблем. На свой страх и риск нужно было распознать лики сотрудников, в малом нужно было разглядеть большое и никогда не упускать из виду главного, «руководящего знания», как основную меру вещей и событий. Все это достигалось в трудах, в неимоверной сложности постижения плана Высшей Воли, причем собственного постижения:

«Не знаю, когда сильно слово Твое? Иногда Ты становишься обыкновенным.

И, притаившись, сидишь между глупцами, которые знают так мало. Иногда Ты скажешь и будто

не огорчаешься, если Тебя не поймут.

*Иногда Ты смотришь так нежно на
незнающего, что я завидую
его незнанию. Точно не заботишься Ты свой лик
показать. И когда
слушаешь речи прошедшего дня, даже
опускаешь глаза, точно подбирая самые
простые слова. Как трудно распознать все
Твои устремленья. Как не легко идти за
Тобою. Вот и вчера, когда Ты
говорил с медведями, мне показалось, что они отошли,
Тебя
не поняв»*

(«Не поняв»)

Трудно в земных условиях распознать Указания Учителя, Его Весть, ибо она приходит издали и вещает о далеком. Что надо делать сейчас, чтобы это далекое сбылось, надо решать самому. В этом отличие истинной Вести от подсказок из Астрала; последние всегда очень конкретны, они толкают на действия сегодня и недальновидны. Им неизвестен день завтрашний, или вернее сказать, они не думают о нем, высказывая полную безответственность перед будущим.

Рерихи в Карельский период жизни настроили себя на прием Вестей издали. Об этом говорят и картины 1917— 1918 гг.: «Приказ», серия «Вечные всадники», «Облако- вестник», «Послание Федору Тирону», «Экстаз», «Неведомый судья», «Сыновья неба» и многие другие, перемеживающиеся с карельскими ландшафтами. Но может быть о том, что Весть получена и принята, лучше всего показывает «Героическая серия» Рериха. В ней в художественных образах карело-скандинавской легенды очень точно указан дальнейший путь Рерихов. Эта серия состоит из семи картин: 1. «Клад захороненный», 2. «Зелье нойды», 3. «Приказ», 4. «Священные огни», 5. «Ждут», 6. «Конец великанов», 7. «Победители клада».

Картина «Клад захороненный» изображает глухой фиорд, где прячет клад одинокая фигура человека, приплывшего сюда на лодке. Пейзаж скандинавского характера. Мы знаем эту картину по повторению 1947 года. Она отличается от первого варианта интенсивностью красок и более обобщенным рисунком. Захороненный клад — это скрытая правда жизни. Все подступы к ней загородила злая колдунья (нойда — в карельской и скандинавской мифологиях — колдунья), но люди получают Приказ разыскать этот клад. Священные огни ведут к нему, но нужен еще Знак, чтобы пуститься на розыски. И люди терпеливо ждут, зорко всматриваясь в горизонт далеких островов. Это первый вариант картины «Карелия. Вечное ожидание». В ней мы видим четыре фигуры, три мужских и одну женскую. Явный намек на четверых Рерихов. В позднейшем варианте этой картины, созданной в 1941 году «Ждущая» Рерих оставил только одну женскую фигуру. В том и другом варианте — ожидание Вести, оповещающей, что путь открыт. Но на пути ждет еще немало опасностей. Наконец, они преодолены. Об этом оповещает картина «Гибель великанов». Великаны — в скандинавской мифологии — демоны зла. И как апофеоз героического подвига, в последней картине мы видим «Победителей клада» — четыре фигуры выносят Огненное Сокровище из горных ущелий.

Характерно, что в 1947 году Рерих, как бы подтверждая исполнение завещанного, повторяет первую и последнюю картины «Героической серии» — «Клад захороненный» и «Победители клада». Учение Жизни принесено человечеству. То, что в 1917 году только еще намечалось сделать, было исполнено.

Карельская природа, невольное уединение, сосредоточенность, которой нельзя добиться, живя в городе, много способствовали тому, что Зов был услышан и правильно истолкован. Это был Зов для всех четырех Рерихов, для Елены Ивановны, о которой Николай Константинович писал: «...жена моя Лада прозревала на всех путях наших. Нашла она водительство духа и укрепила она путь наш». Для их сыновей Юрия и Святослава, впервые познавших Священные Красоты Природы и значительность всего происходящего. Впоследствии Святослав Николаевич так скажет о впечатлении, которое произвела на него Карелия: «Среди многих переживаний как источников вдохновения я живо помню один случай, когда я был четырнадцатилетним мальчиком. Это было памятное богослужение в подземном склепе двух великих русских Святых, проводимое всеми отшельниками и анахоретами, которые вышли для этого из мест своего уединения.

Здесь, в этом храме, вокруг гранитного саркофага стояли в торжественных одеяниях отрешившиеся от мира старцы. Их неподвижные, суровые и добрые лица были скрыты под покровом схимнических одеяний, и виднелись только серые, серые бороды. Худые пальцы держали длинные восковые свечи. Что может быть еще значительнее, чем состояние духа, когда находишься среди подвижников и можешь к их молитве присоединить свою? Я вижу это столь отчетливо, как много лет тому назад. Такие воспоминания не проходят, не тускнеют и вечно излучают свою Благодать». («Мой источник вдохновения», индийская радиопередача 7 марта 1980 г.)

Скажем больше — вся торжественная обстановка и вынужденное одиночество учили Рерихов прислушиваться к Голосу Безмолвия. Впервые он прозвучал для них, именно, среди природы Карелии. Она явилась для них рубежом между освоением плотного мира и сознательным началом достижения плана мира Тонкого. До пребывания в Карелии мы наблюдаем лишь отдельные, не связанные между собой прикосновения к Тонкому миру. Они стоят вне всякой связи с действиями Рерихов, не оказывают на их жизнь сколько-ни будь значительного влияния. Рерихи прислушиваются к его феноменам, стараются разобраться в них, но их земная жизнь проходит в подчинении земным обстоятельствам. Они явно превалируют при принятии тех или иных решений.

В карельский период происходит что-то существенное, что заставляет их в дальнейшем корректировать свои действия и направлять свою жизнь согласно Указам, которые они получают тем или иным путем от Учителя. Способов общения множество, вплоть до широко распространенных тогда оккультных сеансов. Все они опробуются, пока не приходит тот единственный канал чисто духовного общения, при котором становится «все просто». Но эту простоту надо еще понять, осознать те образы, которые появляются, чтобы подсказать те или иные обстоятельства, навести на мысль то или иное решение. Даже когда Общение сделалось ежедневным и вошло в жизнь Рерихов как обязательный ее компонент, лишь в отдельных случаях давался готовый ответ и то не касающийся личной кармы. Хозяином своей судьбы всегда остается сам человек.

В Карелии Зов Учителя стал для Рерихов уже главным. Его старались они услышать и правильно разгадать, так как осознали саму Его природу, не признающую готового, раз и навсегда обязательного для человека. Не случайно в черновике статьи «Единство» Рерих записывает: «Знаем властные зовы и провозвестия, не знаем происходящего, вспомним прошлое». В «Пламени» последняя фраза выпущена, она указывает на немаловажную деталь. А именно: то, что к этому времени Рерих начал «вспоминать» о прошлых жизнях, что позволяло лучше осознать самостоятельно те задачи, которые поставила перед ним Карма.

И эта же Карма закрыла от него происходящее, которое всегда творится, не нарушая свободной воли людей. Оказывается, в помощь дается План будущего строительства жизни. В «Пламени» мы читаем: «Делаю земной поклон учителям. Они внесли в нашу жизнь новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и безумными... И природа помогала в этих встречах. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Еще страшнее злобы они». В записях к «Единству» мы находим уточнения: «Делаю земной поклон Учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды Они подали нам Зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием».

Учителя Индии и природа Карелии совершили в Рерихах тот переворот, для которого Рериху понадобилось своего героя из повести «Пламя» столкнуть с придуманными обстоятельствами. Но что в ней главное — события или духовное обновление человека? Для читателя, который отдаст первенство второму, автобиографичность повести несомненна. Кто же начнет сравнивать с биографией Рериха внешнюю сторону жизни героя его повести, тот вправе усомниться в том, что Рерих списывал его с себя.

Для духовной биографии Рерихов повесть «Пламя», стихи из книги «Цветы Мории», стих «Властитель ночи» (он нигде опубликован не был), серия картин «Героика» имеют огромную роль. Они рассказывают о постепенном приближении Рерихов к Учителю, о том, что сначала необходимо «сосредоточение земное», без которого выполнить задачу текущего воплощения нет никакой возможности. Оно дает силу твердо стоять ногами на земле, и чтобы завоевать это качество — «сосредоточение тонкое» отодвигается во времени. Мы видим вокруг сотни примеров, когда преждевременное познание Тонкого мира останавливало человека в своем развитии. Происходило погружение в него, человека завлекала феноменальная сторона «надземного», и в результате не состоялось главного — сосредоточения огненного, «когда сердце вмещает и небесное, и земное». Соблазняет человека легкость достижений, «всезнание», якобы присущее тонкому миру. А где она эта легкость?

Сказано: «...Без зова никто не дойдет. Без Проводника никто не пройдет! В то же время нужно личное неукротимое устремление и в то же время готовность на трудности пути. По обычаю, приходящий должен известную часть пути пройти одиноко. Даже бывшие в непосредственном сношении с Нами перед приходом не ощущают Наших вестей, так должно быть по-человечески...».

(«Листы Сада М.», книга 2, ч. 3, V, 18.)

Рерихи закончили часть пути, который суждено было пройти одиноко. Отныне они знали о Покровительстве, о возложенной на них задаче и приступили к ее исполнению. Приступили с полным знанием всех трудностей Служения и полной готовностью преодолеть их. Этим и заканчивается их срок пребывания в Карелии.

Во всяком случае это не основное, что дала им Карелия. Сосредоточению земному она как нельзя больше способствовала и подвела к сосредоточению тонкому. Для тех, кому нужно воплощение только для собственного усовершенствования, это уже много. Но Рерихи имели воплощение с вполне определенной задачей, и эта задача звала их в Индию, откуда был получен Зов. Теперь туда были направлены все их устремления. К тому же дальнейшее пребывание в Карелии для Рерихов теперь связано с рядом неудобств. Они оставались русскими подданными, финны же относились весьма недоброжелательно к русским, осевшим в пограничной полосе. К этому времени относится переписка с финским художником Акселем Галленом. Рерих пишет ему из Тулонсаари: «...С 1 сентября снова начнется выселение русских, проживающих в Финляндии. На этот раз никто не сможет остаться. Потому что оставят только тех, у кого есть работа или жилье. Не имея ни того, ни другого, я окажусь среди высланных. Я сразу подумал о Тебе. Твое имя мне поможет. Мне очень неловко Тебя снова беспокоить, но что делать. Я утешаюсь тем, что может позже смогу Тебе помочь. Как бы хотел видеть Тебя, поговорить с Тобой, знать, что Ты думаешь о том хаосе, который нас окружает. Если бы нас не преследовали, мы бы остались здесь еще на три недели, а на зиму остались бы в Выборге (там у нас намечено жилье)». Мы не располагаем сведениями о вмешательстве Галлена в защиту Рериха, но знаем, что приблизительно к этому времени поступило ему предложение из Стокгольма организовать там персональную выставку. Ее вернисаж состоялся 8 ноября 1918 года. Впервые за продолжительное время Рерих вышел из изоляции на широкую европейскую арену. Между тем, его уже успели похоронить. В далекой Сибири распространился слух о его якобы гибели там. Известный русский поэт, друг Маяковского, Николай Асеев написал по этому случаю стихотворение, датированное 14 октября 1918 года и прочтенное на вечере, посвященном памяти Рериха.

Вот оно:

РЕРИХ

*Тому, кто шел на безымянный берег, в могилу
клали меч, копье и лук.*

*Кто ж на щиты тебя поднимет, Рерих, последний, может,
рюриковский внук?*

*Вели коня в седле за павшим князем, и посреди
вонзенных в землю стрел гроб на костер слагали, а не
наземь, чтоб он при всех в живом огне сгорел.*

*А ты, плененный древней русской сказкой, влюбленный в память
сумрачных времен, — твой конь увяз среди трясины вязкой
во тьме, в лесу до шелковых стремян...*

*Но верим мы: пройдут года, и ты, чей упорный взор
испепелял века,
восставишь старый, пламенный обычай — ладью времен
вернет твоя рука.*

*Не нашим поколеньем, быть может, грядущим — исполнен
будет он:*

*зажгут костер, тебя на щит возложат и понесут
весной на горный склон.*

*Промчатся снова кругом лета, зимы... О юноши,
взгляните же назад:*

*Князь на костре горит неугасимо, и пламя,
пламя плещется в глаза!*

Поэт не знал, сколь пророческими окажутся его слова. Через три десятилетия на Гималайских склонах будет зажжен костер, и тело Рериха предадут все очищающему огню. Но это случится уже после того, как Учение Агни-Йоги будет дано грядущим поколениям и негасимое Пламя Живой Этики вернет «Ладью времен» — издревле живое Слово Истины. Пока же Рериху предстояло самому заботиться о том, чтобы его конь «не увяз среди трясины вязкой во тьме, в лесу до шелковых стремян».

Уж в Стокгольме на выставке он отказался от «выгодного предложения» немецких дельцов показать картины также и в Германии, хотя и весьма нуждался в деньгах в то время. В своем очерке «Призраки» Рерих назвал германских дельцов «призраками с задатком», не поддался на их суления «прогrometer на всю Европу» и занял выжидательную позицию.

Она там же в Стокгольме оправдала себя. О выставке узнал находившийся в Лондоне Дягилев, который работал с известным театральным постановщиком Вичамом. У них возникла мысль о постановке в Лондоне «Князя Игоря» и других русских опер. Кто же мог лучше Рериха осуществить их художественную часть? Ему было послано соответствующее приглашение, и Рерих принял его немедленно же. В этом он увидел перст судьбы. Дорога в Индию лежала, именно, через Великобританию.

Но надо было еще закончить дела в Финляндии. Обычные повседневные дела. Требовались деньги на переезд всей семьи. Для этого была задумана в марте выставка в Гельсингфорсе. За периодом ожидания и подготовки наступил период интенсивной деятельности. «Мечта о деятельности! И покрытые снегом скалы Финляндии, как первые вестники будущих гималайских высот. Е. И. была так нетерпелива идти, она хорошо знала тяжкие лишения пути, но ничто не могло ее остановить», — вспоминает Рерих в книге «Шамбала». И еще: «В 1919 году я был похоронен в Сибири, а меня даже не было там в то время. Реквием был пропет и некрологи написаны».

(«Письмо» из книги «Шамбала»)

А Рерих между тем начинает под этот реквием свой новый этап жизни. Для этого необходимо временно «надеть маску», стать для большинства просто преуспевающим художником, деловым и расчетливым человеком. Он пишет в стихотворении «В толпу»:

*«Готово мое одеянье. Сейчас я маску
надену. Не удивляйся мой друг, если
маска будет страшна. Ведь это только
личина...
Но скоро личину мы
снимем. И улыбнемся друг другу.
Теперь войдем мы
в толпу».*

Как бы обращаясь к прошлому, Рерих прощается с друзьями, так как знает, что ему уготовлен далекий путь:

*«...к Тому,
кто меня призывает освобожденным, я обращусь.
Теперь еще раз
я по дому пройду. Осмотрю еще раз все то, от чего
освобожден я.
Свободен и волен и помышлением тверд.
Изображенья друзей и вид моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу. Но один раз,
еще один раз последний я обойду все,
что
оставил».*

(«Оставил»)

Так, с одной стороны, полная свобода от всего, что задерживает, а с другой стороны — «маска» и подчинение требованиям окружающих, пусть даже временная, но необходимая подчиненность. Противоречие? Нимало.

Такими противоречиями была наполнена жизнь Рериха, и он записал по этому поводу в «Листах дневника»: «Нелегко описать жизнь, в ней было столько разнообразия. Некоторые называли это разнообразие противоречиями. Конечно, они не знали, из каких импульсов складываются многие виды труда».

(«Жизнь»)

Люди судят обыкновенно по внешней стороне жизни, не зная, что побуждало принять то или иное решение. Например, известный искусствовед Наталья Соколова писала о Рерихе: «Три последних десятилетия своей долгой жизни, вплоть до смерти в 1947 году, Рерих скитался по разным странам Европы, был в Америке. Более 20 лет прожил он и умер в "далекой Индии", завоевав глубокое уважение ее лучших людей. Такова эта необычная жизнь, своими руками разломанная надвое».

(«Октябрь», № 10, 1958)

Конечно, нет ничего более далекого от истинного положения вещей, чем это представление о «скитающемся» Рерихе по странам Европы и Америки, и не знающего, где преклонить голову после того, как жизнь его оказалась «разломанной надвое». Но в этом случае нельзя многого требовать от автора, она просто не знала внутренней жизни Рериха и не имела представления о побудительных причинах, заставлявших его предпринимать отнюдь не случайные, а строго целенаправленные передвижения. Для людей, не считающихся с ними, жизнь Рериха трудно укладывается в обычную человеческую логику, и им поневоле приходится ее «разламывать».

Гораздо более непродуманной представляются другая точка зрения. Многие считают, что Рериху было Указано проехать в Индию, что двери туда были широко открыты для него, что Махатмы снабдили его для поездки всеми необходимыми средствами и что встретили его там с распростертыми объятиями. Разделяющие подобные взгляды считают, что Рерихам был дан дар всезнания, для них кощунственной является сама мысль, что они могли в чем-то усомниться или над чем-то ошибиться.

Допустить, что Рерихам приходилось над чем-то задумываться, что-то в своих действиях переиначивать, для таких людей неприемлемо. Им известно, что через Елену Ивановну давалась Агни-Йога, и больше они ничего знать не хотят. Этого вполне достаточно, чтобы объявить Ее всеведущей и молиться на нее. Они не дают себе труда задуматься над тем, нужна ли Елене Ивановне такая молитва и в чем состоял Ее жизненный подвиг. Они так же не знают жизни Рерихов, как не знают ее люди абсолютно посторонние, вроде той же Натальи Соколовой. Только беда в том, что они и не хотят ее знать. Им не понятны те препятствия, те трудности, которые выпали на долю Елены Ивановны, им не приходилось брать на себя великую ответственность — в определенных обстоятельствах, принимать наиболее разумное, человеческое и человечное решение. Для таких людей не существует книги «Цветы Мории», они не вникают в ее суть, и все, что предшествовало «Агни-Йоге» и что ей сопутствовало, для них — пустые слова. И не про них ли сказано: «Из буйной заросли берусь сделать рощу, но камень, полированный униженными лбами, не родит зерна».

(«Община», § 15)

Предпочитать жить с закрытыми глазами, успокаивая себя тем, что все само собой сложится, — наивно, а может быть даже безнравственно. Конечно, План Владык требует веры, без веры к нему приступать вообще не следует. Требуется он и почитания. Но веры и почитания в действии. А каждое действие прежде всего, нуждается в знании, приобретаемом только опытом. «Ошибочно думать, что восхождение сознания совершается сверхъестественным восхищением. Как внизу, так и наверху, везде труд и опыт».

(«Агни-Йога», § 225)

Для того, чтобы понять все разнообразие жизни Рерихов, все противоречия, преодоленные ими, необходимо вскрыть те внутренние стимулы, которые эту жизнь складывали. Тогда и только тогда мы сможем воспользоваться богатейшим опытом Елены Ивановны и Николая Константиновича, получим право называться их учениками.

Короче говоря, для того, чтобы им следовать, надо ЗНАТЬ. С закрытыми глазами многого не узнаешь.

После того, как выставки были проведены в Стокгольме, Копенгагене и Гельсингфорсе, Рерих поехал в Выборг, где его ожидала вся семья. Только в марте 1919 года они, наконец, смогли тронуться в дальнейший путь и кратчайшей дорогой через Швецию и Норвегию направиться в Лондон. По мысли Рериха, Лондон должен был послужить трамплином для перебазирования в Индию. У него не было намерений задерживаться там долго, а тем более сменить Англию на Америку. Суета сует Запада его нисколько не привлекала:

*«На мощной колонне храма сидит малая
птичка. На улице дети
из грязи строят неприступные замки.
Сколько хлопот около этой забавы!
Дождь за ночь размыл их твердыни, и
конь прошел через их стены. Но пусть
пока дети строят
замок из грязи и на колонне пусть
сидит малая птичка.
Направляясь к храму, я не подойду к колонне и
обойду стороною
детские замки».*

(«Детские замки»)

Но суждено было Рериху, именно, не обходить стороною «детские замки», как бы он этого не хотел. План Владык был иным.

Мы знаем по многим источникам и намекам, что в Лондоне произошла первая встреча на физическом плане Рериха с одним из Учителей. Подробности встречи нам не известны. Следует предположить, что она была неожиданной и короткой. Ошибочно предполагать, что эта встреча помогла Рериху в устройстве личных дел. Как жить, чем жить, что делать — оставалось решать ему самому.

Но при встрече, несомненно, были открыты Рерихам некоторые подробности Плана или его выполненной части, что выразилось в предваряющем книгу

«Зов» послании:

*«В Новую Россию Моя первая весть. Ты, давший
Аирам,
Ты, давшая две жизни, — возвестите. Строители и воители,
укрепите ступени. Читающий, если не усвоишь, — перечти,
переждав.
Сужденное не случайно, и листья упадают
во времени. Но зима
— только вестник весны. Все открыто, все
доступно,
Я вас замкну щитом — трудитесь.
Я сказал».*

В этом отрывке, обращенном персонально к Е. И. и Н. К., как и к каждому, кто примет Учение, указывается конкретно, куда и кому оно дается. Если в Финляндии Рерих верил в Россию, то это была абстрактная вера, никак не связанная с ее настоящим. Рерих недоумевал по поводу происходящего.

«Не знаем настоящего» — записывал он. Сторонник духовной эволюции и культуры, Рерих, враг «мертвого капитала» и, всей связанной с ним буржуазной культуры, для «избранных», не мог принять и того аспекта революции, который оказался для него, как и для большинства русской интеллигенции, неожиданным. Об этом свидетельствует его пьеса «Милосердие», которую он закончил 12 ноября 1917 года, а начал 1 ноября. В пьесе описывается восстание, потеряна власть над восставшей чернью: «Перед победой знания всегда возможен бунт дикой черни. Мрак борется со светом. В этом движении учения не ищите. Тут бунт! Грабеж! Захваты! Стремление личное к обогащению. К власти. Малое знание страшней всего. Доносят нам, что вожаки уже в бессилии стремятся скрыться, уйти от власти» — читаем мы в «Милосердии». Это все то, что доносилось до Рериха о революции.

В своей пьесе он вносит корректив в нее, в финале появляется Гайатри (посланник неба), который утихомирит толпу и, отменяя казни виновным, обрекает их на изжитие своих преступлений (то есть отдает их во власть кармы).

«Когда сердце начнет ожесточаться, Ты, знающий, повели облаку благодати низко спуститься с вершины. Дай силу высоко вознести дух над уловками жизни. Дай не преклонить колени перед дерзким владычеством. Когда желание ослепит дух ложью и прахом, приди Бодрствующий с молнией и громом. Пошли Твою бурю, полную ужаса и смерти, если так угодно Тебе, и мечами молнии потряси мир от края до края».

Пьеса заканчивается вольным переводом стихотворения Тагора:

«...Где ты приводишь разум к
священному единству,
В тех небесах свободы, Могучий, дай
проснуться моей
Родине!»

Еще более откровенен он в дневниках того времени. В них имеется такая запись: «И если когда-нибудь немудрые летописатели сказали бы, что большевики хотели бы что-то творить, то знайте — это неправда. Тирания черни, вызванная ими, не имеет ничего общего с высоким понятием социализма, с трогательной мечтою о мировом единстве и братстве».

Мнение Рериха основывалось на слухах, доходивших до него через границу, о массовом терроре, о разрушении культурных ценностей. Последнего никак не мог принять и оправдать Рерих. Ему было ясно, что старая Россия прогнила и рушится безвозвратно, потому он никогда не выступал в защиту уходящего строя и не мечтал, подобно эмигрантам, о возвращении царизма или капитализма в России. Рерих ожидал, что на смену культа мертвого капитала сразу же придет светлый культ знания. Он не был подготовлен к тому, что народная карма выльется в потоки крови, что надо будет жестоко ответить за все прошлое, что накопилось в истории страны. Он не предполагал, что никакая сила, даже Высшая Власть Владык не способна в одночасье изменить сознание масс. Рерих надеялся на «Гайатри», который небесной властью повернет все на правильный путь, и честно признавался: «Знаем властные зовы и провозвестия, не знаем происходящее». Не исключено, что «происходящее» до поры скрывалось от Рериха, чтобы не возникало соблазна немедленно вернуться в Россию и принять участие в строительстве Нового Мира.

Ведь в таком случае поставленная перед ним задача осталась бы невыполненной. Нужно было, чтобы все помыслы Рерихов были направлены на то, как ответить на «властные зовы». И он шел туда, куда его призывали, куда он должен был идти. Ничто не могло сбить его с этого пути.

Однако на первом же этапе, в Лондоне, с Рерихом происходит нечто вроде прозрения. Это тем более удивительно, что окружение меньше всего способствовало возникновению тех просоветских убеждений Рериха, которые мы в нем находим. Среди оголтелого антисоветизма русской эмиграции и консерватизма англичан Рерих вдруг признает за большевиками право вершить судьбу России. Все произошедшее там он считает неизбежным, закономерным. Он отныне знает, что «Мука у середины не чиста, но купить новую нет денег».

(«Листы Сада Мориц, книга 1, 1922, апр. 6.).

До конца дней своих Рерих становится всеми своими помыслами и действиями ярым защитником Советского Союза, вызывая этим недоумение одних и тайную вражду к себе других. Ему приходится теперь скрывать от многих свои истинные намерения. Главным для него становится призыв Владыки: «Помогите строить Мою страну», — и он знает, что такой страной является Россия на всех этапах ее истории, какими непривлекательными они бы не были. Что ради спасения целого, ради спасения человечества приходится жертвовать частью, пусть даже и наиболее ценной. Потому что рано или поздно, но «Родина примет дар сердца М.»

(«АСМ», книга 1, 1921, июль 12.)

Внешне жизнь в Лондоне проходила у Рерихов обычным, по английским взглядам, вполне респектабельным образом. Поселились они в особняке номер 25 на Квинсготерас в Кенингстоне, в красивом жилом районе около Гайд-парка, где их и посетил приехавший тогда в Лондон Рабиндранат Тагор. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич продолжали свои занятия в колледжах Лондонского университета. По имеющимся сведениям, они уже принимали участие в эзотерической работе своих родителей и воспринимали ее вполне сознательно. Живопись, работа для театра, культурная деятельность заполняла дни Николая Константиновича. В поисках переписчика на машинке он столкнулся в одном из издательств с В. А. Шибаевым, ставшим впоследствии секретарем института «Урусвати». Переписка с последним сохранила для нас немаловажные факты из духовной биографии Рерихов, и мы к ней будем неоднократно обращаться.

Как уже упоминалось, все помыслы Рерихов были направлены на Индию. Лондон был лишь промежуточным этапом. Так что по приезде туда Рерих сразу же стал хлопотать визу в эту тогда еще колониальную провинцию Англии. Русским, к тому же не имеющим эмигрантского Нансенского паспорта, попасть в Индию было чрезвычайно трудно, но Рерих все-таки добился визы для всей семьи и для Шибоева, который должен был сопровождать его в качестве личного секретаря. 20 июня 1920 года все документы были на руках, мало того, к этому времени были куплены билеты на пароход, отправляющийся туда. Но... отъезда не состоялось, и лишь потом Николай Константинович понял, почему это произошло.

Внешне все оказалось очень обыкновенно. Обанкротился антрепренер Вичам, задержались ожидаемые поступления, не состоялась продажа некоторых картин. Одним словом, ко дню отъезда Рерих был без необходимых на дорогу средств. Это и заставило его принять предложение директора Чикагского Института искусств Роберта Харше устроить по американским городам турне выставок. Поначалу этому предложению не было уделено должного внимания, а тут внезапно Рерих принял его и в конце сентября 1920 года был уже в США. Сам он описывает этот эпизод в таких словах:

«Мои друзья собрались ехать в одну страну, тогда как им была указана совсем другая часть света. Из добрых намерений друзья мои упорствовали и даже уже озаботились билетами в желанную страну. Но все же указание должно было быть выполнено и произошло нечто необычайное. Все приготовленные для поездки средства самыми странными способами в течение двух-трех дней растворились и исчезли. И таким образом моим друзьям ничего не оставалось, как выполнить указание. Такая вежа очень определенно показывает, какие меры должны быть приняты, чтобы охранить предуказанное».

(«Вежи»)

Очевидно, стремление попасть в Индию было у Рерихов столь сильным, что они даже не вняли или неправильно истолковали Указание Учителя направиться в Америку. И вполне понятно почему. Индия и Америка были по их представлению несовместимы для тех, кто искал духовного совершенствования. Примат денег с одной стороны и примат духа с другой. Рерихи, конечно, избрали второе.

Но в таком случае не состоялось бы центрально-азиатской экспедиции, не было бы института «Урусвати». Юрий и Святослав не были еще подготовлены к самостоятельной деятельности. Короче говоря, с какой стороны мы теперь не посмотрим, поездка в Индию в 1920 году была бы преждевременной.

Но это Рериху было сказано не прямо, а лишь после того, как Указание оказалось непринятым, последовал ряд событий, лишивших его возможности отправиться в «желанную страну». После этого лишь была выбрана Америка. Такие вмешательства крайне редки, что отмечает и сам Рерих. Большей частью все Рерихи отличались чуткостью и крайне острой наблюдательностью и замечали вовремя все расставленные

«вехи».

В Америке Рериху суждено было еще раз встретиться с Посланником Белого Братства. Встреча тоже была непродолжительной и совсем неожиданной. Вот как описывает ее сам Рерих: «...было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому, он решил поговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидеться утром в местном музее. Придя туда "в ожидании" мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: "Они знали стиль жизни, а мы утратили его". Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил ему сесть на ближайшую скамью и, положив палец на лоб (причем толпа посетителей — это был воскресный день — не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: "Вы пришли сюда говорить об известном вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев не может быть сделано ничего в этом направлении. Потом все придет к вам само". Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами "хорошего счастья" и вышел. Конечно, мой друг воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца все совершилось как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором более никогда не слышал и не встретил его. Но, именно, так и бывает».

(«Вехи»)

Действительно, только так и бывает. В книге «Надземное» сказано: «...Можно познавать, что сознание не будет подавлено извне, но оно будет питаться всеми энергиями пространства. Наше руководство не может быть насилием, но оно может питать лучшие силы сознания. Тот, кто понимает значение сотрудничества, может познать, как можно помогать без насилия...».

(§ 457)

Мы видим, как всю жизнь Елена Ивановна, Николай Константинович и их сыновья опирались на собственное сознание, искали ответы на свои вопросы в себе самих, зная, что их сознание НАПРАВЛЯЕТСЯ и питается энергией, посылаемой Учителем. Можно спросить, а как же тогда обстоит дело с Указами, о которых сказано, что их надо выполнять немедленно и неукоснительно? Но, во-первых, Указ надо услышать и самому правильно понять; во-вторых, Указы никогда не затрагивают личной кармы; в-третьих, Указы даются в исключительных случаях и только людям проверенным; в-четвертых, способ выполнения Указа остается выбирать получившему его. Так что Указ всегда только наполовину исходит от Учителя, другая половина должна быть добавлена самим сознанием ученика.

Например, после того, как Рерихи усиленно готовились из Лондона выехать в Индию, был Указ направиться в Америку. Рерихи не могли поверить ему отчасти потому, что он пришел в виде приглашения Харше. Но у них была отнята возможность немедленно направиться в Индию. Это заставило еще раз задуматься над приглашением, взвесить все обстоятельства и принять его. Таким образом, нарушения свободной воли удалось избежать. Ведь перед Рерихами были открыты и другие пути, гораздо более близкие — в Европу. Мы знаем, что его в это время приглашали в Париж. Имеется письмо Судейкина от 19 июля 1920 года. Вот оно: «Здравствуйте, дорогой друг, Николай Константинович! Здесь мы живем дружно и есть проекты воскресить выставку "Мир Искусства". Григорьев в Берлине, здесь Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов; Стелецкий в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил о Вас недавно Ф. Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая "Половецкие пляски" и "Священную весну". Я думаю, Николай Константинович, что если Вы тронули глаза и сердца рыбоподобных "бритов", то здесь Ваше имя имело бы более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин».

Но Рерих не внял этому кличу «приходить и править» и не поехал в Париж, который он знал и который знал его. Казалось, что вместо того, чтобы отправиться в далекую и незнакомую Америку, гораздо проще было принять приглашение Судейкина и пойти проторенной тропой хорошо известного. Нет, Рерихи поняли, что был Указ ехать в США и, нимало не сомневаясь, направились туда.

По прибытии в Америку Рерих немедленно развил там интенсивную просветительскую деятельность, нисколько не сомневаясь в ее успехе, причем не последнее место в этой деятельности заняла пропаганда русского искусства и русской культуры в целом.

Так началось «служение родине и человечеству». Рерих приступил к реализации Указа — «Помогите строить Мою Страну».

Поездка в Индию не отменялась, а была лишь отодвинута. Об этом свидетельствует стихотворение Рериха

«Ловцу, входящему в лес». По поводу его Рерих пишет Шибаяву из Америки: «Перед отъездом из Чикаго мне было повторено о начинании и, кроме того, было дано "Наставление Ловцу, входящему в лес". Юрик перепишет его для Вас. Вообще, мы ясно видим, почему я должен был до Индии побывать в Америке». (25 июля 1923 года)

Как это часто бывает: все значение Указа расшифровывается лишь после его выполнения. Так что между необходимостью немедленного выполнения Указа и собственным сознанием, которое действует «питаясь всеми энергиями пространства», нет ни малейшего противоречия.

Кроме Указов, требовавших немедленного выполнения, Рерих получил также Наставления, в которых раскрывалась дальнейшая перспектива действий, связанных со Служением, давались советы и предупреждения. Примером такого наставления может служить стихотворение «Ловцу, входящему в лес». Вообще подавляющее большинство стихов Рериха есть своего рода «наставления» Старшего младшему. Напоминаем еще раз, что не случайно они собраны в книге под названием «Цветы Мории». К сожалению, на это не обращают должного внимания даже самые рьяные поклонники «Агни Йоги», для которых последняя начинается лишь с 1920 года. В «Ловце» эта связь особенно ярко выражена и не оставляет места для сомнения, само начало уже перекликается со вступлением к «Зову». Если в «Зове» преамбулой служат строки: «В Новую Россию Моя первая весть, ты, давший Ашрам, ты, давшая две жизни, — возвестите», то «Ловцу» предваряют следующие строки

«Дал ли Рерих из России — примите.

Дал ли Аллал-Минг-

Шри-Ишвара из Тибета — примите,

Я — с ним».

В стихотворении Рерих уподоблен «Ловцу», который принужден охотиться в лесу. Этим дается ясный намек на то человеческое общество, где ему надлежит временно пребывать. Наметив себе «большую добычу», он укреплял свои сети трудом, другими словами — «руками человеческими». Здесь же следует предупреждение, что при малейшей ошибке, при неумении пользоваться орудием лова, есть опасность превратиться из ловца в простого загонщика. Даются советы, какие качества нужно воспитывать в себе, дабы избежать этого.

Необходимо быть всегда начеку и, почувствовав врага, нападать, а не защищаться, ибо «сильны нападающие и бедны оправдывающиеся». Мужество и знание, ради чего вышел на лов и что предшествовало этому (намек на настоящее и прошлые воплощения), уберегут от ненужных огорчений. Так как:

*«...И ты проходишь овраг только для
всхода на холм. И цветы оврага — не
твои цветы. И ручей ложбины не
для тебя. Сверкающие водопады
найдешь ты. И ключи родников освежат тебя.
И перед
тобой расцветет вереск счастья.
Но он цветет на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя добыча пойдет
через хребет.
И пылая на небе, поднимаясь над вершиной, она
остановится.
И будет озираться. И ты не медли
тогда. Это твой час.
И ты и добыча будет
на высотах. И ни ты, ни добыча не пожелаете
спуститься
в лощину. Это твой час...».*

Как мы убеждаемся, слова эти оказались пророческими. Даже пожелав «спуститься в долину», дабы закончить свою миссию, Рерих все-таки умер в горах. «Его час», его «улов» оказался больше его земных достижений и не был ими омрачен.

Дальше мы узнаем, что вместе с Учителем шла подготовка к лову. Что нужно было познать океан жизни до того, как приступить к лову, и что Учитель наставлял его на это. Без руководства Учителя не было бы нужных достижений, но и Учитель без Ловца не познал бы радости счастливого лова. Так утверждалась ценность сотрудничества, в котором ученик и Учитель взаимно связаны, взаимно помогают друг другу.

Учитель выражает уверенность, что его ученик выполнит данное задание, несмотря на трудности пути, что он увлечет за собою многих, даже не подозревающих о наличии Плана Владык:

*«...Не разгласи о лове незнающим о добыче. В час
огорчения, в час
бедности они наймутся
загонщиками и через заросли примут участие в
лове...».*

Этому наставлению Рерих всегда следовал. Он не пытался у людей, во что они верят и как они верят. Для него существенным было, как они живут и что они делают. Потому тысячи «загонщиков» шли за ним и, как знать, не станут ли они со временем тоже «ловцами»? Для Рериха было не столь важным, что тот или иной сотрудник не разделял его мировоззрения. Да и много ли было таких, кто в полной мере возвышался до этого? Для него самым важным оставалось сознание человека относительно строительства Нового Мира, пригоден ли человек войти в него сам и поведет ли за собою он других. Эта мера вещей преобладала в оценках Рериха и с этой мерой он подходил к людям.

Далее в стихотворении Рерих предупреждался о неизбежности циклов подъема и упадка сил. Это — закон Космоса. Надо понять его и действовать осмотрительно:

*«...Не внимай часам
утомления. В эти часы ты
не ловец. Ты — добыча! Вихрь пройдет.
Промолчи. И опять возьмешь рог свой. Не
опаздывая, не бойся опоздать. И настигая
не оберни голову. Все понятное непонятно. И
все объясненное необъяснимо. И где предел
чудесам?...»*

Так делается понятие об относительности человеческих знаний, где каждая ступень открывает следующую, каждое понятое положение открывает непонятые, но вытекающие из него. Их всех надо пройти.

Мало того, надо знать и считаться с тем, что многие проходят ступени, уже пройденные тобой, и многие находятся на [ступенях] тебе еще недоступных. Нет предела чудесам, ибо перед тобой Беспредельность.

Завершается наставление утвердительными строками, обращенными к Рериху, ибо он уже трижды призывался на работу Братства и знает радость выполнения долга:

«Знающий ищет. Познавший — находит.

Нашедший изумляется легкости овладения.

Овладевший поет песнь радости.

Радуйся! Радуйся! Радуйся!

Ловец!

Трижды позванный!»

Идти трижды позванному легче, чем простым смертным, так как он накопил в Чаше уже богатый опыт Служения. В Рерихах Учитель всегда был уверен, так как все они уже неоднократно призывались и их земные воплощения находились под наблюдением Владык.

Под «Ловцом» стоит дата 15 апреля 1921 года. Книгу же «Цветы Мории» замыкает, заключенная в квадрат, дата — 1920 год. Сама монограмма употреблялась Рерихом с 1910 года, о ней подробно сказано выше. Почему 1920 год, когда в книгу вошли стихи 1907—1921 гг.? Не исключено, что эта дата указывает на то время, когда была начата запись Учения, предназначенная для публикации (24 марта 1920 г.). Это еще раз показывает на тесную связь стихотворений Рериха, включенных в сборник «Цветы Мории», с Учением Живой Этики. Так что с какой бы стороны мы не посмотрели, «Цветы Мории» должны рассматриваться, как прелюдия к Учению. В них отражен буквально весь предварительный путь Рерихов, который является примером для каждого, кто стремится к познанию Истины. Пройти путь надлежащим образом учит, именно, книга «Цветы Мории», и в этом ее забытая или не понятая с самого начала ценность!

Особенно это касается стихотворения «Ловцу, входящему в лес», в нем мы находим те качества, которые необходимы для ученика: глубокое осмысление окружающего «леса», присутствие в нем Учителя и вера в него. Все это Рерих передает в запоминающихся образах, ибо он знает, о чем говорит и имеет право обращаться к себе от Имени Учителя.

Это право он завоевал еще в прошлых жизнях и мог вспомнить о них для того, чтобы и в настоящей — утвердить себя на избранном пути:

*«...Но пойдешь
ты вперед, ловец! Все оставленное позади
— не твое. И ты это знаешь так же,
как я. Ибо ты знаешь все.
И припомнить все можешь...».*

Рерих знал теперь о своих прошлых воплощениях. В письме к Шибаеву от 30 апреля 1922 года он пишет: «Жена моя видит перевоплощения. На мне она видела 10 ликов. Особенно яркий китайский III века до Р. Х. и тибетский около 200 лет тому назад». Он, трижды позванный, знал также по опыту прежних жизней, что нелегка задача, стоявшая перед ним. Ему предстояло сплотить работников разных мировоззренческих и политических направлений, во имя единой человеческой культуры. Тут нельзя было прельститься легкой добычей. Каждый привлеченный сотрудник имел право и основание думать, что он служит «Господу Богу своему», и нужно было с этих позиций убедить его служить Единому для всего человечества.

Все «Наставление» является как бы повтором пройденного пути, напоминанием о прошлых достижениях, перед тем как пуститься в новую нелегкую дорогу через «лес» человеческих несовершенств. «Лес» — это человеческое общество; в него надо было войти, чтобы исполнить поручение и успешно возвратиться на горные вершины с новой добычей. И, именно, так воспринял «Наставление» Рерих, который каждое погружение в «дела человеческие» считал необходимым условием подлинного служения, ибо только в «лесу» скрывалась «добыча». Каждый дух, даже самыми высокими достижениями в прошлом, обречен на блуждание в текущем воплощении, ибо велик разрыв между мирами. И погружаясь в океан человеческого общества, Рерих знал, что в нем он найдет тех, кто ждет его и сразу примет слово Истины, как и тех, кто примет это слово через преломление временно существующих общественных формаций.

О том, что везде ждет «улов», так как нет на земле места, куда бы не проникала мысль и воля Владыки, Рерих говорит в неопубликованном стихотворении «Дар», написанном им в Америке 22 января 1922 года:

*«Мутны волны и бурно море. Неужели
здесь должен быть наш улов? И здесь
должны мы закинуть сеть нашу.
Иначе лишимся пропитания нашего. В
желтые волны бросили мы нашу сеть.
Вес ее стал отягчаться.
Ах, сколько ила и грязи соберет наша
бедная пряжа.
С трудом извлекаем наш тяжелый улов.
Усмешка судьбы!
Она бросила нам все ненужные
вещи. Звезды морские и мертвые крабы для еды
непригодные.
Но среди хлама мелькнул блеск чешуи.
Господи, даже среди мутного моря все
же послал нам золотую
рыбку. Но мало того, среди грязи мы
находим запечатанный ящик. Дома,
только там за порогом
мы раскроем его. Сладость
какая нести запечатанный дар».*

Рерих находит «запечатанный дар», то есть Слово Владыки даже среди бурного американского «образа жизни», находит он в нем и верных сотрудников.

Сразу же по выходе книги «Цветы Мории» из печати Рерих пишет Шибаяеву: «В Берлине только что вышла в пользу голодающих в России моя книга "Цветы Мории". Просите выслать ее Вам и, если можно, распространите в Лондоне. Эта книга издана по указанию Мастера».

Повторяем, что Книга эта, несмотря на имя Учителя в ее заглавии и более чем прозрачное предисловие, до сих пор остается не понятой. Слова предисловия: «И мы знаем, что эта поэзия тайны, мужества и любви будет настольной книгой каждого русского и напомним о долге утоления русского голода» — принимаются буквально.

Как будто только о «хлебе насущном» заботился Рерих для России и для этого придумал такое название своим стихам. Даже лица, принимающие Рериха за Посланца Белого Братства, неправильно истолковывают его стихи как не имеющие ничего общего с Учением Живой Этики. Например, приходилось слышать такое мнение, что цикл «Мальчику» есть ни что иное, как обращение Рериха к своим сыновьям. Но тогда спрашивается, зачем было опубликовывать его? Да еще в общем заголовке ставить Имя Учителя? Конечно, это не так. Вернее сказать, что каждый из нас является «сыном» Владыки и каждому из нас Рерих передает в своих стихах опыт приближения к Учителю, опыт общения с Ним.

Стихи Рериха еще нуждаются в переосмыслении. Только сопоставляя их с ростом своего духа, мы можем правильно понять их. Может быть тогда будет меньше «панибратского» отношения к Учителям Востока, как и слепого поклонения. Они не нуждаются в нем и призывают лишь к сознательному сотрудничеству, основа которого — Любовь ко всему существующему. Но стихи Рериха показывают, какую гигантскую работу над собой следует проделать, чтобы принять участие в этом сотрудничестве. До того, как получить Весть от Учителя, многое надо продумать, прочувствовать, всесторонне подготовить себя к правильному пониманию действий Учителя, всегда направленных на общее благо, а не на благополучие отдельных личностей. И надо еще учиться задавать Учителю вопросы и быть готовым получить или не получить от Него ответ, или получить ответ в форме загадки, которую разгадать удастся, может быть, много лет спустя. И только тогда, когда будет понято, что делается это не из прихоти Учителя, а из-за соблюдения Кармических законов, можно рассчитывать на регулярный диалог с Ним. Почувствовать близость Учителя можно лишь поняв разницу собственного, человеческого мышления и Космического мышления Владык, которые всегда имеют ввиду не отдельные проблемы, а весь комплекс проблем, связанных с эволюцией планеты. Вот почему сказано, что Посланцев Белого Братства можно одновременно обнаружить в двух враждующих между собою человеческих группировках. Ни одна из них не вмещает в себе эволюционные задачи полностью, но каждая в какой-то мере соответствует общему Плану эволюции. И пока человечество будет идти разными путями, на этих путях оно и будет получать помощь Владык. Но помощь эта, конечно, будет касаться лишь отдельных деталей, способствующих выбраться из человеческой ограниченности.

Точно так же отдельные личности могут получать и получают Указания из Мира Тонкого. Эти Указания будут напоминать об очередных задачах, об отдельных событиях, предупреждать об ошибках, направлять нас на истинные пути.

Но беда, когда человек начинает считать, что эти пути показаны всем, что в следовании им заключено спасение человечеству. Они важны только для нас и указаны нам для того, чтобы выкарабкаться из той ямы, куда завела нас наша неразумная деятельность. Потому далеко не все, получаемое даже из Высшего Мира, является Истиною для всех, как далеко не каждый, кто получил в силу Кармических заслуг Весть или Предупреждение Владык, тем самым становится в приближение с Ними и может рассчитывать на постоянную связь. Подобных обольщений множество, и их труднее всего преодолевать. Ведь полученная Весть была истинной, а что часть истины гораздо опаснее, чем полное незнание, это не учитывается. Полного же знания по многим причинам нельзя было дать. Просто человек не вместил бы его в силу своей ограниченности и наделал бы еще больших бед, чем владея частью истины. Из двух возможных бед, грозящих в случае непонимания, выбирается меньшая. Так выдача новых знаний человечеству всегда сопряжена с риском.

Рерихам также суждено было блуждать по «лесу», но по своим кармическим связям они не могли заблудиться, как и все они могли ошибаться, но были гарантированы от предательства. С ранних детских лет все они находились под наблюдением и покровительством Учителя и не однажды, в прошлых жизнях, уже были «позваны» на служение и в настоящем воплощении выполняли миссию Владык. Такое приближение в прошлых жизнях и поручение в текущем воплощении дает право на установление постоянной связи с Учителем, на Его руководство. Но это не значит, что План Владык открывается им моментально во всех своих деталях. Происходит всегда поэтапное пояснение миссии. И это не из-за недоверия, не потому, что открыть его сразу же было бы опасно (дальние перспективы плана могут быть открыты и очень рано), а потому, что его выполнение зависит от свободной воли людей. Нельзя ни на минуту забывать о подвижности Плана, о многочисленных коррективах, вносимых в него по мере выполнения. Ведь в конце-концов, все зависит от воли людей, в их руках находится судьба планеты. И невозможно заранее сказать, во что она сложится и как придется действовать, чтобы вовремя выступить со спасательным и, вместе с тем, не затрагивающим свободной воли вмешательством. Этого люди как раз и не допускают. Для них Владыки (если есть вера в Них) одновременно являются и Пророками и сказанное Ими пятьдесят лет тому назад не подлежит пересмотру, хотя сами же люди в течение этого времени не только пальцем не шевельнули, чтобы пророчество исполнилось, но даже всеми силами противодействовали его выполнению. Они предписали свой собственный ход событиям и ставят себе в заслугу верность Слову, которого не послушались и, которое уже заменено Другим.

В Учении сказано, по этому поводу: «Мы можем позвать, Мы можем показать картины соответственного направления, но применение Нашего Зова предоставлено доброй воле».

(ЛСМ, книга 2, ч. 2, VII, 18.).

И еще: «Что есть пророчество? Предуказание определенного сочетания частиц материи. Потому пророчества могут быть выполнены, но и испорчены непригодным отношением, совершенно как при химической реакции. Именно, это не могут понять люди, хотя вместили значение барометра. Можно пророчества разделить на срочные и бессрочные. Когда мы имеем дело со срочным пророчеством, значит, надо понимать все условия междусрочные. Большой срок состоит из малых сроков, потому правильно соблюсти малый срок. Нужно помнить, что темные работают над малыми сроками, пытаясь осложнить большой. Могут ли пророчества остаться невыполненными? Конечно, могут. У нас целое хранилище упущенных пророчеств. Истинное пророчество предусматривает лучшую комбинацию возможностей, но их можно упустить. Тема об исполнении пророчеств очень глубокая, в ней соединены кооперация и высшее знание духа».

(«Община», §§ 24—25).

Выполнение Плана Владык как бы разделено на две части — стратегию больших сроков и тактику малых сроков. Очень много Указаний дается по малым срокам, хотя их как раз реже всего выполняют. Следует ли в таком случае выдавать их? Не только следует, но и необходимо. Они стимулируют людей на более активные действия и создают в мире нужные предпосылки. Таким образом создается благоприятная атмосфера и какая-то часть Плана реализуется или переносится на будущее. От выполнения малых сроков зависят сроки большие, то есть уже стратегические. Предусмотренное ими должно быть выполнено более-менее полностью, передвижки возможны лишь во времени. Не касается это Планов Космического характера; их сроки непреложны, так как они связаны с эволюцией иных планет.

Большие сроки Плана выдаются гораздо реже и лишь в общих чертах, ибо их выполнение требует особых знаний и особенной преданности. Требуется при этом и мужество, так как надо не дрогнуть духом, наблюдая, как рушатся малые сроки, и менять тактику наступления.

Для этого необходим уже не спонтанный контакт с Миром Тонким, а закономерный, основанный на приближениях во многих воплощениях. «Для важных поручений Мы соединяем гармонических людей — их батарея особенно сильна».

(ЛСМ, книга 1, 1921, авг. 20.).

Так Рерихи были соединены Учителем в единую семью, чтобы на большом отрезке времени показать людям План Владык в действии. Они не только знали малые и большие сроки, но и соотношение между ними, взаимосвязь большого и малого. Все изменения малых сроков ими учитывались и срок большой выполнялся с учетом этих изменений. Они являли пример Живой Жизни, а не мертвых догм. В связи с этим хочется напомнить о неразумности попыток разъединить то, что было соединено самим Владыкой. Такие попытки уже делаются — начинаются обсуждения «главенства» среди Рерихов. Теперь, когда трое из них уже покинули наш мир, а на четвертого ложится задача продолжить их дело, среди «рериховцев» находятся любители указывать, что и как надо делать, дабы достойным образом Учение Живой Этики входило в жизнь. Мы уже затрагивали вопрос «старшинства» и сейчас скажем только, что Елена Ивановна одна не смогла бы выполнить порученное Ей, если бы не было Николая Константиновича и ее сыновей. На всем протяжении их жизни шла общая работа, общее делание того, что можем назвать претворением Плана Владык. А следовать за постоянным изменением, за постоянно вносимыми коррективами в этот План было нелегко. И эта тяжесть испытывается до сей поры. Мы знаем, как внимательно и с какой ответственностью следила Елена Ивановна за всеми событиями, как она прислушивалась к каждому явлению Тонкого Мира, сопоставляя его с явлениями здесь на Земле. Она знала, что один человек не в состоянии охватить всего происходящего в мире, что для эволюции используются тысячи источников, что во всех странах и на всех языках Земли звучит слово Истины. Знали это и все Рерихи, когда им было поручено распространение Агни Йоги как Учения синтетического, совмещающего в себе все ранее сказанное и не претендующее что-либо зачеркивать. Также Агни Йога оставляет место и для всего нового, что должно еще придти:

«Спросят — почему учение не имеет законченных положений? Отвечайте, ибо в законченности смерть». Яснее и короче нельзя сказать.

Начало записям «Живой Этики» было положено в 1920 году в Лондоне. Первоначально они носили отрывочный характер и лишь в Америке Елена Ивановна приступила к регулярным записям.

Не исключено, что сначала записи делались только для себя и появились в результате специальных сеансов общения с Учителем. Когда записей набралось достаточно, пришло Указание издать их. Первое упоминание об этом имеется в письме Рериха Шибаяеву от 31 мая 1922 года: «Вчера нам было указано М. издать его message отдельной книгой — «Листы Сада Мории» и сделать это через Вас в Риге», — пишет Рерих Шибаяеву, который к этому времени переехал из Лондона в Латвию. Но обстоятельства изменились. Книга была напечатана в Париже и помечена датой 1924 года, хотя 7 марта 1923 года Рерих сообщает Шибаяеву: «Сегодня же была принесена первая корректура Книги. Значит в апреле сможем послать ее Вам, а за лето напечатаем в Берлине», 23-го же сентября 1923 года Рерих пишет Шибаяеву: «Вчера послал Вам Книгу, остальные экземпляры вышлю с "Адамантом". Вышлю и санскритское изречение — выдавая Книгу, наклейте изречения, закрывая им название типографии в Париже». Книга была отпечатана в типографии «Франко-Русская печать». Очевидно, принадлежность типографии к определенной группировке могла быть для кого-то неприемлемой. Впоследствии Рерих указал, чтобы из книги была изъята первая страница с обращением: «В Новую Россию Моя первая весть». Слишком прямолинейно здесь было сказано, куда и через кого Учение дается. Раскрывать это с первой же страницы было преждевременным, а в условиях Запада даже опасно. Кроме всего прочего, это могло отпугнуть многих нужных сотрудников. Не забудем, что в двадцатых годах взгляды всех духовно ищущих людей на Советскую Россию были в основном отрицательные. Между прочим, то же сделал Рерих в своей книге «Цветы Мории», изданной в Нью-Йорке в 1929 году под названием «Огненная чаша». В ней были заменены строки: «Дал ли Рерих из России — примите» — строками: «Дал ли Рерих — примите», а предшествующие предисловию строки:

«Поверх всякой России есть одна незабываемая Россия.

*Поверх всякой любви есть одна
общечеловеческая любовь.*

*Поверх всяких красот есть одна
красота, ведущая к познанию Космоса». —*

вообще в книге «Огненная чаша» отсутствуют.

Таким образом, связь между даваемым Новым Учением и Обновленной Россией на Западе не только до поры не подчеркивалась, но даже замалчивалась.

Книга «Листы Сада Мории», распространенная в западных странах, начиналась с даты: «Лондон, март 24, 1920», с обращения Учителя к ученикам и

Его Указом — оставить все предрассудки, мыслить свободно и не уходить от жизни.

В дальнейшем тексте есть много намеков и прямых указаний на то, какой стране и какому народу дается Учение и что этот народ будет воплощать Его в жизнь. В истории человечества мы наблюдаем, как группа объединенных одной идеей стран несет миру новые, передовые мысли, которым суждено изменить все условия жизни на Земле.

Беда в том, что эволюция человечества протекает очень неравномерно. На Земле сожительствуют люди, далеко ушедшие в своем развитии, с людьми, неизмеримо отставшими интеллектуально. Мало того, могут быть интеллектуально развитые, но безответственные в нравственном отношении ученые, и наоборот, интеллектуальные невежды, но глубоко нравственные люди, хорошо чувствующие, где добро и где зло. И все это соседствует друг с другом и должно как-то уживаться, в чем-то идти друг другу на уступки. Главная трагедия человечества и основная трудность Водительства заключается в грандиозной по своему диапазону шкале различных человеческих сознаний, вырабатывающих непримиримые между собой мировоззрения. И в каждом из таких мировоззрений есть доля правды для определенной ступени эволюции, но нет единой для всех Истины.

Возьмем, например, две основные общественные формации нашего времени — капиталистическую и социалистическую. В теории вторая, безусловно, прогрессивнее первой. Ведь абсурдным будет строить Космические контакты, а время подошло к этому, на сугубо денежных отношениях. Космическая Справедливость и Земная целесообразность не позволяют этого. На практике же, при наличии столь смешанного человеческого материала и достигшего своего расцвета капитализма, преимущества социалистического строя весьма сомнительны и легко опровержимы. Во всяком случае, внедрение его требует средств, ничего общего с высоким понятием истинного гуманизма не имеющими. Если принять во внимание, что необходимо охранить то прогрессивное, что нес с собой капитализм (инициатива, свободное творчество, годами выработанная устойчивость) и одновременно поддерживать то, что содержит в себе социализм (независимость от капитала, коллективизм, социальная справедливость), то становится ясным неизбежность конфликтов и сложность этой задачи. Мало того, выполнение ее приводит к непониманию, ибо, внедряя более высокие понятия, люди поневоле пользуются непозволительно низкими средствами. Злополучная иезуитская формула — «цель оправдывает средства» — во всей своей неприглядности встает перед нами, и мы, чтобы не приписать ее Высшей Силе, отрицаем строительство будущего там, где оно происходит.

Почему же Учение Живой Этики столь явно указывает на Страну Советов, почему, именно, туда оно было направлено и, наконец, почему, несмотря на внешние неудачи и срывы, Учение и Россия теснейшим образом между собою связаны? То, что это, именно, так, подтверждается последними, послевоенными письмами Елены Ивановны:

«Испытания человечества еще не закончились и приуготовляются новые столкновения в мировом масштабе. Но мы твердо знаем о победе нашей страны и о краткости предстоящих столкновений, иначе мир не выдержит. Но Новый Мир грядет в сиянии лучей новых». (16.11.48).

«Тяжкие сроки, тяжкие времена! Но лучшая страна станет страной самой строительной и самой прекрасной. Наша страна узнает яркий расцвет после уявления космических знаков. Космический знак нашей страны сотрудничает со знаком Благоденствия. Мы будем свидетелями многих космических проявлений в Европе и позднее на Востоке...». (17.11.49).

«...Наша страна будет охранена, будет победной страной: так заповедано и начертано в звездных рунах. Все, кто с нею, разделят ее победу. Итак, веги еще раз поставлены и утверждены. Помните всегда о Великом Щите...». (26.08.50).

«...Много еще тормозящих, но остановить "поток Кармы Мира" они не могут. Убеждение в правоте строительства Нового, в эволюцию мира, страстно, сильно вошло в сознание молодых поколений. Ведь, в сущности говоря, происходит битва Света с Тьмою. Битва за Свет, за Общее Благо, за раскрытие истинного Знания и утверждение Красоты». (7.12.54).

«События сложатся неожиданно, не так как мы ожидаем, но как всегда, на пользу лучшей страны. Страшное время пронесется очищающим вихрем. Трудность в том, что многие еще не понимают причину и смысл совершаемого на всей планете. Новые сознания должны полюбить волну нового строительства. Новое строительство должно раскрепостить мышление, отсюда произойдут благие перемены. Накопившаяся злоба в мире разрешится потрясениями. Но не опасайтесь! Щит Света над новыми сознаниями, отказавшимися от злобы, зависти и понявшими, куда устремляется поток эволюции. Распространение зла будет остановлено. Космическая Справедливость приведет в действие новые рычаги — и новая карма мира начнет утверждаться». (18 февраля 1955 г.)

Это было написано Еленой Ивановной в год ухода, уже много после того, как ей было отказано во въезде в Советский Союз. Все у нас происходящее она прекрасно знала и благословила старшего сына — Юрия Николаевича на переезд в Советский Союз. О патриотизме последнего говорить излишне. На вопрос, как он нашел молодое поколение, последовал такой его ответ: «Я сожалею, что современная молодежь часто выказывает меньше патриотизма, чем мы это делали за рубежом, а он еще очень и очень будет нужен».

Святослав Николаевич неоднократно у нас бывал и вполне недвусмысленно высказывался о блестящем будущем, ожидающем нашу страну. Таким образом, все Рерихи, через которых давалось Учение и которые приняли на себя ответственность за его распространение, в продолжение последних 60 лет неизменно подтверждают принятую Живой Этикой концепцию считать Россию оплотом мира и маяком будущего, все они неоднократно высказывались за преимущество социалистического строя и было бы абсурдным утверждать противное. Между тем, подобные попытки делаются. Многие, разделяющие взгляды Рерихов на Восточную философию, не могут согласиться с тем, что России, а точнее — Советскому Союзу отведена главная роль в строительстве будущего, и что победа Революции и выигрыш Великой Отечественной войны являются ничем иным, как началом этого строительства. Многим «восточникам» хочется доказать обратное и обратить Учение на противное. С этой целью пишутся даже различные «комментарии» к Живой Этике, будто бы получаемые от Высоких Иерархов. Например, существуют комментарии к «Миру Огненному». Автор их прямо ссылается на непосредственную связь с Учителем М. и все свои «поправки» и пояснения к Учению вносит от Его Имени. Вот одна из «таких» поправок»: в

§ 197

первой книги «Мира Огненного» сказано: «Новая раса может зарождаться в разных частях Земли. Даже не удивитесь, если отдельные проявления окажутся в самых неожиданных местах... Но одна часть Мира решает судьбу Века. Не буду называть эту часть Мира, но история всех движений достаточно отметила ее». Автор «комментариев» спешит пояснить: «Не думайте, что это, именно, ваша страна, не думайте и не гадайте, какая, именно, из стран решает судьбу Мира. Это не принесет пользы». Уже сам призыв «не думать» не соответствует духу Учения, которое как раз настаивает на работе мысли. Кроме того, эта страна отмечена не только историей общественного движения, но и достаточно ясно самой Живой Этикой и в письмах Елены Ивановны. Впрочем, для автора «комментариев» Она не является авторитетом и сам текст Живой Этики неоднократно «исправляется», якобы из-за «невнимательности» Елены Ивановны к Словам Учителя и возникших в силу этого «неточностей». О характере таких «исправлений» достаточно ясно говорят следующие примеры:

§ 426

— «...Можно не допускать к себе темных, повторяя Мое Имя — Мантрам». Поправка: Описка в рукописи — следует читать «Имя Майтрейи». Автор комментариев, очевидно, не знал, что слово «Мантрам» значит. Оно употреблено в данном случае в смысле «охранительное заклинание».

В

§ 42

— «Вы пишете по небу дымные слова и, может быть, не знаете, что халдеи на зиккуратах писали в пространстве, когда приходили сроки...»

— «комментируется» следующим образом: «Слово зиккураты означает свитки, письма, послания, которые писали халдеи в пространстве, то есть, не имея намерения их обнародовать», тогда как слово «зиккураты» означало до сих пор культовые сооружения в Ассирии и Вавилонии, используемые также для астрономических целей. Кроме того, в «комментариях» совершенно неправильно расшифровано имя Елены Ивановны

(Ур. расшифровано не «Урусвати», а «Урания»)

и имеется еще множество других несуразностей (например, автор «комментариев», имея на руках не оригинал, а машинописную копию, в которой слова Учителя: «Мы можем ручаться» ошибочно перепечатаны — «Мы можем ругаться», и автор «объясняет», что «ничто человеческое не чуждо Учителям» и в том числе человеческая ругань).

Все это показывает настоящую цену различным «комментариям», инспирированным из низших слоев тонкого мира. Пустые оболочки, принимаемые за Учителей, по- своему объясняют происходящее на Земле, в том числе искажают отношение Рерихов к Новому Миру в желательном для принимающих их «откровения».

То, что Россия должна быть охранена от всяких посягательств со стороны Западных капиталистических государств, судорожно охраняющих свое денежное могущество, свидетельствует письмо Елены Ивановны:

«Судьба Запада решена, там нет будущего. Не ищите его ни в одной Европейской стране, но наблюдайте идущий развал. Но Восток возрождается. Невозможно продвигаться и строить путем старой, захватнической политики. Страх перед Новым навевает недругами, боящимися расцвета нашей мощной страны. Но ярая справится со всеми врагами, ибо стремится к Общему Благу. Ярые народы там растут в новом понимании и новых условиях, исправляют свои ошибки и строят Новую страну.

Ярая страна является страной Братской всем существом, стремящимся к Новому Строительству и показала это на ярком примере оказания помощи народам Востока...». (7 декабря 1954 г.)

Но как же все-таки быть с неприемлемого для каждого честного человека формулой — «цель оправдывает средства»? Оставим ее тем, кто ее придумал. Она нужна исключительно людям, ищущим оправдания тому, что никакому оправданию не подлежит и никогда не может быть оправдано. Закон Кармы неизбежно настигнет того, кто, прикрываясь этой формулой будет преследовать свои интересы и свои недальновидные цели. Люди мыслят слишком антропоморфически и часто прилагают к Учителям, действующим по Космическим Законам и Планам, собственные человеческие мерки, как правило, не выходящие за пределы одного воплощения. В частности, говоря о России и о тех несправедливостях, которые мы наблюдали и наблюдаем, люди, твердящие о перевоплощениях, совершенно забывают, что прошло сто с небольшим лет, как в России было отменено крепостное право и кармические хвосты крепостничества распутать не так просто. Старая Карма будет еще долго преследовать заслуживающих кару и ждать перемен в этом отношении можно лишь тогда, когда «Космическая Справедливость приведет в действие новые рычаги, и новая Карма мира начнет утверждаться». Нет сомнения, что и постигшая расплата за старое была бы намного легче, если бы не постоянное сильное сопротивление Новому Миру.

Люди готовы обвинить Учителей в том, что, готовя Новый Мир, Они прибегли к человеческой несправедливости. Но пусть хоть раз обвинители поднимутся до Космического Сознания и посчитаются со Сроками Космическими. Ведь узловые моменты эволюции человечества связаны, именно, с последними, и Учителя, готовя сознание Нового Мира, озабочены только тем, чтобы к нужному сроку было сосредоточено в определенном месте на Земле необходимое для Космического Равновесия количество людей с новым Космическим сознанием. При этом принимаются во внимание те геологические изменения, которые закономерно время от времени происходят. Катаклизмы на земной поверхности были и будут. Их не принято связывать с эволюцией человечества, хоть сплошь и рядом археологические находки ставят ученых перед неразрешимыми проблемами. Задумаемся на минуту перед следующими словами Учения: «Народная Карма напряжена на Западе и Востоке. С Севера идет Новый Свет. Юг трепещет от огня подземного. Так решится Карма народов. На пути к Миру Огненному запомним, что народная Карма разрешается мощными событиями».

Решающими моментами эволюции никогда не были и не будут мировая политика или мировая экономика. Ведь целью эволюции не является создание политически правильно мыслящего человека, а человека, способного мыслить Космическими категориями. Политика, экономика, все созданные ими общественные формации лишь на более мелких и временных примерах учат человека разбираться в сущем. Было бы нелепо думать, что «справедливость» или «несправедливость» этих недолговечных форм общественной жизни человека являются присущими Космическому Разуму мерками. Даже карма отдельных людей и Карма народная — столь разные величины, что не поддаются сопоставлению. Владыки в основном направляют судьбы народов и лишь в исключительных случаях следят за течением кармы того или иного человека. Если Иванов убил Петрова, и если в отместку за это теперь Петров убивает Иванова, то они и в дальнейшем будут убивать друг друга, пока один из них не воздаст добром за зло и не порвет заколдованного круга. Но посевы семян добра, которые требуется самим взрастить и собрать, эволюционные идеи мира, как магниты, рассыпаются в определенных частях света согласно Космическому плану эволюции. В этих же частях света происходит и воплощение людей, способных воспринять эти идеи.

Давно уже Россия намечена как плацдарм для дальнейшего Космического продвижения человечества. Ей суждено меньше пострадать при очередных катаклизмах. В Россию и на русском языке дано Учение Живой Этики, в России же оно получило наибольшее распространение. И то, что Иванов до сих пор убивает Петрова, а Петров «мстит» ему за это тем же, имеет второстепенное значение. Из-за этого План Владык, составленный на основе Космических Законов, не подлежит пересмотру. В силе остается и призыв:

«Помогите строить Мою страну». В свое время еще Вивекананда указывал на Россию, как на страну Будущего, и наметил его признаки. Не может человек из первобытного состояния шагнуть в Космическую Жизнь, как не может осознать Космической Справедливости человек, судорожно цепляющийся за свой бумажник. Между тем, в предуказанном и ожидаемом переустройстве жизни первая же попытка перераспределения материальных благ вызвала ожесточенное сопротивление. Почему это так случилось, мы будем рассматривать не раз по ходу разбора отдельных положений Агни-Йоги. Сейчас же подчеркнем со всей определенностью, что новое Учение, данное широко всему миру, в первую очередь имело ввиду России. И не какую-ни будь отвлеченную Россию далекого будущего, но, именно, ту, которая начала в 1917 году Новую Эру в жизни человечества и продолжает начатое, не взирая на все видимые отклонения и неудачи.

Слишком велики были жертвы революции, гражданской войны, второй мировой войны, и наконец, внутреннего террора, чтобы их перечеркнуть и начать строительство в другом месте, если бы это было возможно. Но кратки сроки, долго велась подготовка и не может быть нарушено Космическое Веление. Именно, последнее играет решающую роль. И в то время, когда на Земле ведутся споры между политическими партиями, решаются судьбы планеты и народов совсем в другом плане. Очередная ступень эволюции — Космическая. И в первую очередь — Космическое сознание. К нему-то и готовит людей Учение Живой Этики или Агни-Йога.

Но вернемся к первой книге Учения «Листы Сада Мории». Она во многом отличается от последующих. Во-первых, в своем названии она раскрывает Имя Учителя. В дальнейших книгах, как в заголовке, так и в самом тексте употреблялась только одна буква «М». Во-вторых, в ней указаны точные даты получения сообщений. В-третьих, она сильно отличается от остальных по стилю. Стилль больше напоминает манеру изложения Николая Константиновича, чем Елены Ивановны. В-четвертых, в Книге много личных обращений во множественном числе и все они обращены к членам семьи Рерихов. Это дает повод предполагать, что при приеме или присутствовали, или имелись ввиду все четверо Рерихов. Такое предположение подтверждается следующими строчками из письма Рериха Шибаеву от 25 июня 1921 года: «Вы уже знаете, что Аллал Минг — Это Мастер Мория. Он руководит мною и моей семьей». Характерны слова Учения: «Карма важна, но еще важнее избрание. Карма только условие избрания, но только избранный поручение несет».

(ЛСМ, ч. 1, стр. 81).

О том же, кто был избран, достаточно ясно говорят уже цитированные слова: «Четыре стража, кубок Архангела храните. Наполнен вином Новым явленный вам ковчег. Устам времен Я заповедал привести вас на путь Мой».

(ЛСМ, кн. 1, 1922, май 25)

Ввиду того, что ко времени приема Первой Книги Николай Константинович имел большую практику в письме, его стиль письма и давал себя знать при изложении принятого. У Елены Ивановны выявлялся стиль постепенно и стал вполне самостоятельным начиная с Книги «Агни-Йога». Вообще «Агни-Йога» — качественно новая страница Учения. Она дана уже после Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов и учитывает, как ее результаты, так и полное раскрытие центров у Елены Ивановны.

К этому времени окончательно определился и метод подачи Учения отдельными параграфами, каждый из которых заключает в себе одну или несколько смежных мыслей. В первых книгах этого еще нет, что, конечно, нисколько не умаляет их значения. Наоборот, в Первой Книге в очень зашифрованном, символическом виде, дается кратко уже почти вся проблематика, которая в дальнейшем разворачивается на многих страницах, приобретая конкретность и нужный для современности язык изложения. Первая Книга облечена в одежды духовности, ближе всего присущие Рерихам, из чего следует, что она предназначалась в основном для них. Это начальная, но необходимая ступень восхождения, ступень, на которой дается очень много, так как должны быть зажжены все огни. Многие просто не способны понять Первую Книгу, а для многих она будет неприемлемой из-за ее языка, насыщенного словами Бог, Владыко, Христос и выражениями высокой любви и духовности. В книге встречаются некоторые обращения, ранее употребленные Рерихом в своих стихах. Например: «Мой ученик, позванный трижды, неси Слово Мое в творениях счастливых на радость сердец мира. Ловец, иди победителем».

(кн. 1, 1921, июль 10.).

Многие строки прямо напоминают стихотворения из книги «Цветы Мории». Например, «...Не уйди, явленный Владыко! Не покинь Ты нашего Сада! Звездами путь Твой украшен. Я найду по ним след Твой. За Тобою пойду, мой Владыко! Если солнце земное сметет Твои звездные знаки, призову вихри и волны, пусть закроют солнце земное! Что в нем? Если оно смело Твои звездные знаки».

(кн. 1, 1921, сент. 4.).

Этот отрывок говорит не об обращении Учителя к ученику, а ученика к Учителю и напоминает своего рода заклинания, утверждения своей преданности, столь часто употребляемые Рерихом в своих стихах.

Имеются в Книге и Указания на чисто человеческие качества, требующие преодоления, на кармические препятствия учеников. Например: «Не надо, чуть Учитель скажет неприятное, волноваться: ученик радуется каждой вести. Думай о духовном руководительстве одного Учителя».

(кн. 1, 1921, окт. 5.),

или: «Мои друзья, пройдите скорее первые ступени и, чистые, восходите во славу родины; и, если Я предложу вам золото, монеты, цветы и камни, — уклонитесь»

(кн. 1, 1921, март 1.)

и еще: «Друзья, у Нас готовы ответы, но пусть протекает река Кармы — запруда часто грозит наводнением».

(кн. 1, 1921, авг. 1.)

О качествах, которые необходимо в себе выработать ученику, говорится в Первой Книге очень много и, хотя эти обращения, главным образом, касаются непосредственно Рерихов, их, конечно, необходимо усвоить каждому, вступающему на путь служения. Вот почему Книга с неизменной пользой предназначена и для других. Но было бы громадной ошибкой считать, что, именно, с этой Книги следует начинать изучение Живой Этики. Первой она является только для самих Рерихов, прошедших уже длинный подготовительный путь и хорошо знающих смысл стихов «Священные Знаки», «Благословенному», «Мальчику» и «Ловцу, входящему в лес». Например, как понять такую запись в Первой Книге? «Сурово начинаете светлое дело, но свет знамени Моего осенит вас и направит на путь явления Правды Моей. Умейте начать. Учитель умеет послать вам щит. Тут Я чую удачу, которая сопровождает исполнение Воли Моей. И перстнем Соломона Свидетельствую и Знаменую. Я дал, Я даю, Я дам. Не по ничтожеству, но по славе явите рвение».

(кн. 1, 1921, ноябрь 14.)

Можно, конечно, принять это на счет какого-либо собственного начинания, но если знать, что в это время Рерих начал организацию просветительных учреждений в Америке по указанию Учителя, то не останется сомнений, о чем конкретно идет речь. Вообще, конкретность Первой Книги раскрывается только при сопоставлении ее с жизнью и деятельностью самих Рерихов. Вот отрывок из письма Шибаяеву от 25 июля 1921 года: «Теперь Его (Учителя — П. Б.) послание мне — ввести духовность в искусство Америки, основать школу искусства имени Мастера и основать общество «Пылающее Сердце». Общество уже основано. Школа, Бог даст, будет открыта осенью.

А духовность моего искусства здесь глубоко понята и намечается много учеников и последователей. Затем мы должны ехать в Индию, в Адьяр, где надеюсь встретиться с Вами. Теперь, будьте добры, передайте м-ме Безант (и Вадия), что мы идем тем же путем и работаем во имя того же. Расскажите ей о делах, мне порученных, о том, что уже сделано, передайте проспекты «Пылающего Сердца» и просто сообщите ей перевод этого письма, ибо здесь тайны не должно быть и для нее вообще нет тайн. Вы знаете, как мы чтим Блаватскую и ее преемницу Безант».

Это письмо свидетельствует о тесной связи американских дел с записью в Первой Книге. Оно же показывает нам, что вслед за Америкой Рерих намеревался посетить Индию и первоначально предполагал наладить тесные связи с теософским обществом. Поскольку мы коснулись этой темы, то остановимся на ней подробнее. Рерихи отчасти подходили к Востоку через Теософию, а вернее сказать, через Блаватскую. Теософом был и Шибаев. В архиве последнего, оставленном им в Риге, имеется членский билет лондонского теософического общества, подписанный самой Безант. Находясь в Лондоне, Рерихи имели связь с теософскими кругами и, очевидно, сильно рассчитывали на их поддержку и даже на прямое участие. Рерих искренне верил, что теософы поймут его миссию и, хотя бы отчасти присоединятся к ней. В письме от 22 июня 1922 года он пишет Шибаеву: «...Вчера получил Ваше письмо, а вечером был дан Указ. Из него Вы видите, что ложу надо сохранить при Адьяре, что в России ложа займет особое место. Нужны новые элементы. Надо обновлять оперение благих стрел — значит будут битвы и придется отстаивать дело Учителя». А вот и сам Указ, полученный 21 июня: «Ложу сохраните при Адьяре. Дам особое указание на Россию! Новые, новые, новые соберутся. Считайте друзей. Намечайте врата будущего входа. Оперение обновляйте. Стрелы поникают бессильно. Учитесь летать».

Большой интерес представляет письмо Шибаеву от 30 апреля 1922 г. «О битве М. М. предупреждал нас многократно. Будем выдерживать, помня о победе 27 сентября 1931 года. Собирайте друзей, а главное, ищите среди молодежи, чтобы к 1931 году иметь новые кадры. Уже много ранее М. М. сообщил о том, что Россия принята им. Что Россия будет стражем мира. И, значит, Его ложа будет средоточием Его указаний и действий, и поэтому стойте крепко... Получил от Кришнамурти приглашение в Адьяр, там очень ждут. Сейчас начал новую сюиту «Вестники». Думаю, она ляжет в основу фресок в Адьяре.

Вы спрашиваете, как теперь получаются послания? Разными способами — и устно и показывается написанное. По-прежнему многие Указания непонятны в первый момент, но со временем, зато они раскрываются точно. И сейчас было Указание о Школе М. М., данное еще летом, но понятое только сейчас, то есть как раз вовремя.

...Из журнальных вырезок Вы поймете, какая внутренняя борьба идет в Теос. Об-ве. Конечно, очень ценно знать, что Джинарасвадаса, именно, избрал наш путь — через Красоту и Знание. И Кришнамурти даже произнес речь против безобразия помещений Общества и против условностей нарядов членов некоторых лож. Не в покрое хитона, не в звездах в петлице, но в огне сердца все будущее. К нам приходят многие стучащиеся — хорошие души и бережно надо указывать путь им. Конечно, в пределах России будет дан путь новый... Жена моя все время слышит через открытое ухо. Интересно, как ей М. М. показывал написанные письма».

В этом письме затронуты три основные проблемы, занимавшие Рериха в то время и весьма поучительные для нас:

1 — вопрос отношения к теософическому обществу. 2 — вопрос отношения к России. 3 — вопрос общения с Учителем, получения от Него сообщений. Рассмотрим их по отдельности.

1. Рерихи высоко ставили Елену Петровну Блаватскую и считали, что ее незаслуженно оклеветали. В Москве, в квартире Юрия Николаевича, на его письменном столе находился ее портрет. Святослав Николаевич в своих выступлениях в Советском Союзе неоднократно подчеркивал значение Тайной Доктрины, как одного из первоисточников познания Космических тайн и вообще Бытия, поскольку Оно может быть понято нами. Елена Ивановна взяла на себя гигантский труд по переводу на русский язык двух первых томов Тайной Доктрины (третий том ею не переводился, так как он был собран уже после смерти Блаватской, однако на третий том она также подчас ссылалась). Контакты Блаватской с Учителями М., К. и Джул Кулом были для всех Рерихов неопровержимой истиной. В 1925 году вышел перевод выбранных мест из «Писем Махатм Синнетту» под названием «Чаша Востока». Перевод сделан Еленой Ивановной и издан под псевдонимом Искандер Ханум. Переводилась ли книга до или после отбытия Рерихов из Америки, мы сейчас не знаем, но известно, что уже в США Елена Ивановна знала роль Блаватской в передаче Восточной мировоззрительной мысли на Запад и ее новые, необычно смелые для Запада мысли, с которыми она имела смелость выступить. «Смелость изучения мира должна быть близка каждому молодому сердцу.

Помочь и воодушевить эти рассеянные сердца составляет задачу наших изданий» — писала Елена Ивановна в предисловии к «Чаше Востока». Эта книга содержит в себе наиболее философские мировоззрительные тексты из «Писем Махатм Синнетту» и своим содержанием, своей манерой изложения часто входит в противоречие книге «Листы Сада Мории», но, конечно, это лишь видимое противоречие, ибо, исходя из Единого Источника, она только показывает его необозримую широту. И этой нечеловеческой широтой, умеющей вмещать любые противоречия, обладала в полной мере Елена Ивановна уже с самого начала.

На широту сознания и непредвзятость последователей Блаватской, вероятно, рассчитывали Рерихи. Но тут им пришлось разочароваться. Если сама Блаватская и отличалась этими качествами, то ее последователи, в лице руководителей Теософического общества, больше всего были обеспокоены собственной иерархической градацией и сопровождающей ее пышной ритуальностью и им не было никакого дела до задач, стоящих перед Рерихом. Именно, руководство Теософического Общества не понимало, или правильное сказать, не способно было понять всей конкретности и первоочередности этих задач. И 7 августа 1922 года Рерих пишет Шибаяеву: «Если Вы потерпели разочарование в Каменской (руководительница русских теософов — П. Б.), то я потерял то же в Безант. Это печально, но это так. Но, конечно, наша работа на Россию и на Восток и потому мы знаем, что "новые, новые, новые соберутся". И потому каждый новый наполняет сердце радостью».

Отношение Рерихов к теософии определяется их отношением к Блаватской и ее трудам. Теософическую литературу, возникшую после ухода Блаватской, они мало признавали, ибо прямой контакт с Учителем был потерян и не рекомендовали увлекаться ею. Приводим в доказательство отрывок из письма Елены Ивановны к Ф. Д. Лукину (зачинателю Рериховского движения в Риге) от 19 октября 1933 года, достаточно ясно показывающий позицию Рерихов в этом вопросе: «...сообщаю Вам нашу точку зрения. Там, где говорится о 1888 годе, Асеев (издатель журнала «Оккультизм и йога» в Югославии — П. Б.) спрашивает, что действительно ли, как ему сообщил один приятель, Учитель уже тогда отклонился от Т. Общества. Как вы видите, мы ему отвечаем, что это сведение ни для кого не тайна, ибо оно общеизвестно и каждый, кто читал Письма Махатм и другие соответствующие книги, об этом знает. Можно только пожалеть, если какие-то теософы вместо заповеданного Учителем доброжелательства и широкого сотрудничества обнаруживают недоброжелательство и даже зложелательство, приличные, казалось бы, лишь темным. Все это от невежества».

Теософы по-разному восприняли появление книг «Агни- Йоги». Большинство русских теософов признали в них следующий виток спирали Высшего Знания, даваемого Учителем человечеству. Соответственно и в Рерихах они видели посланников Иерархии, причем придали этому чисто теософский налет чинопочитания, совершенно Рерихам чуждый. Теософская же верхушка, охотно печатая статьи Рериха по искусству и используя его имя как принадлежащее теософии, относилась к самому Рериху более чем настороженно, а к его многосторонней деятельности даже подозрительно. Рерих же в свою очередь не стремился в дальнейшем как-то с нею сблизиться, а тем более с теософией, как обществом, слиться. Мы видим, как Рерих под несомненным воздействием теософии вначале воспринял целиком их терминологию. Так, например, Учителя он называл «Мастер», первичную ячейку — «ложа» и т. д. Постепенно Рерихи выработали собственную, отличную от теософов терминологию, скорее более близкую Востоку, нежели Западу. Против всей теософской бутафорности, заимствованной последними от масонов (как, впрочем, и терминологии), Рерихи возражали сразу же. Уж очень театрализована она была, не соответствовала тому понятию Красоты и Простоты, которых они придерживались. Не годилась она и для Нового Мира, которому Рерихи служили. Тем не менее, они не позволяли себе открыто выступать против теософов, и рядовые теософы, не вдаваясь в тонкости и противоречия отношения Рерихов со своим руководством, становились последователями Агни- Йоги. Находя в Живой Этике те же основные мировоззрительные концепции, которых придерживалась и теософия, многие принимали Живую Этику как прямое продолжение последней и не делали между ними никакой разницы.

Но разница, несомненно, существовала. Выражалась она в том, что при почитании Блаватской и ее трудов «Агни- Йогическая» литература не признает такого же авторитета за всей последующей Блаватской теософской литературой. По отношению к ней Елена Ивановна писала: «...я считаю преступным поддерживать сентиментальность, основанную на ложных данных. Насколько умела, я старалась поддерживать их (теософов — П. Б.) дух, но делать это, преподнося им сусальные видения в духе Ледбитера, конечно, я не могла... Вместо сурового строения жизни люди жаждут убаюкивающих их сладких грез и легких достижений в обстановке магов и «окультурных» романов. Но венец Архата достигается лишь сильнейшими, лишь в суровом напряжении подвига, лишь мощными непоколебимыми устремлениями сердца, омытого кровавыми слезами страданий на протяжении многих и многих жизней».

(Письма Е. И. Рерих, т. 2.).

Рерихи отрицали всякую ценность теософской литературы типа Ледбитера, Шюре, Арунделя и т. д. для людей, искренне ищущих и готовых на подвиг продвижения. Пригодная на первых ступенях сознания, чтобы пробуждать интерес, она только наносит вред при дальнейшем сознательном восхождении. Елена Ивановна на собственном опыте знала правду суровой красоты человеческих достижений и несовместимость ее с человеческим стремлением к пышности и приукрашательству, не имеющих ничего общего с действительностью. Поэтому-то Рерихи сразу отказались от выработанной теософами и пошловатой по их взглядам ритуальности, не признавали правомочность их организационной структуры и не присоединились ни к одному из ее подразделений. Живая Этика, признавая истинным учение Блаватской, своих последователей учила, прежде всего, свободе познания, и теософы не пользовались среди них никаким преимуществом. И, наконец, Рерихи имели другую, отличную от теософов, особенно от руководителей теософского движения, конкретную целенаправленность. Их целью было пробуждение духа в России на основе социальных преобразований, вызванных Октябрьской революцией. Как раз этого-то не могли принять многие, особенно обосновавшиеся в Женеве, русские теософы. Для Каменской, Писаревой и их ближайшего окружения большевики являлись жупелом, а советская власть исходила от антихриста. Тут мы подходим уже к разбиравшемуся вопросу — отношению Рерихов и Живой Этики к Русской Революции.

2. В Указе, полученном Рерихами 21 июня 1921 года, было сказано: «Ложу сохраните при Адьяре. Дам особое указание на Россию! Новые, новые, новые соберутся». Следование этому Указу и определяло, на первый взгляд, противоречивое отношение Рерихов к Теософии. Признавая ту Истину, которую открыла Блаватская Западу, и стремясь укрепить эту основу, они не выступали против теософов. Но неся миру другую истину, не противоречащую тому, что дала Блаватская, Рерихи вступали в конфликтную ситуацию с руководством теософии, которое оказалось не способным взглянуть на мироздание шире, а на человеческую эволюцию конкретнее.

Во вполне конкретном вопросе — Россия и Октябрьская революция — Рерихи неизменно оставались на своих позициях и предпочитали иметь дело с людьми знающими, что такое теософия, но хорошо относящимися к Советской России, нежели с теми теософами, которые выступали против нее.

Имея на руках и доверяя ближайшим сотрудникам Сроки, Рерихи знали, что в Срок может произойти, а может и не произойти предвещенное: «Почему нахождение знаков будущего подобно тканью? В ткацкой работе основы определенного цвета и нитей распределены по краскам. Легко можно определить основу, легко можно найти группу нитей, но рисунок этой группы позволяет различные сочетания в зависимости от тысячи текущих обстоятельств. Конечно, внутреннее отношение самого субъекта будет главным обстоятельством. Но если его аура будет слишком колебаться, то прогноз будет относительным».

(Е. Рерих. «Оккультизм и йога», т. 8, стр. 139).

То же самое происходит и с предрекаемыми историческими событиями. От того, как отнесутся люди к назревшему сроку, всегда предусматривающему максимальный вариант, зависит исполнение или неисполнение его. В последнем случае что-то откладывается в тонком мире, потому что сама идея не отбрасывается как вообще не выполнимая. Просто неразумие человеческое не воспользовалось лучшими возможностями, чем усложнило и без того тяжелую народную карму. Рерихи отлично знали это и потому отодвижение малых сроков никогда не смущало их. Так и упомянутые в письме к Шибаеву события были отодвинуты и приняли совсем другие формы. При близости Сроков Космических это обстоятельство вызвало ускорение изжития кармы. То, что было изжито гораздо легче при принятии возвещенного срока, изживается гораздо труднее в короткий промежуток времени. А это неизбежно связано в человеческом обществе с войнами и прочими потрясениями. Прекрасно зная о такой подвижности Плана, Рерихи, тем не менее, ориентировались на максимальный вариант. И это не было ошибкой, во всяком случае их ошибкой, вызванной желанием меньших страданий и потерь. В таких ошибках винить приходится людей, по-своему распорядившихся правом своей свободной воли. Ведет человечество к светлому будущему не чудо, а целесообразность, не сам План Владык, а его подвижность, спасающая людей от непоправимых, катастрофических результатов проявления неразумной воли.

3. Наконец, в письме к Шибаеву от 30 апреля 1922 года затронут еще один вопрос. А именно: о способах получения Указаний, легших в основание записей книг серии Живой Этики. Вспомним слова из Первой Книги «Листы Сада Мории»: «Даю Вам Учение, кармические сообщения, Указы. Учение пригодно для всего мира и для всех сущих. Чем обширнее поймете, тем вернее для вас. Кармические сообщения в заботе и любви о вас.

Мы даем предупреждения и позволяем вам встретить волну кармы со знанием. Потому не удивляйтесь, если знаки о карме не всегда вам понятны. Указы всегда понятны и должны исполняться без промедления».

(кн. 1, 1923, март 10.).

Непосредственно эта запись дополнена в рукописи Елены Ивановны следующей фразой, не вошедшей в опубликованную Книгу: «Также в видениях, имеете все три рода указаний, но кроме них еще знаки личного сознания, объединенного. Этот род видений подлежит изучению и вниманию».

В рукописи Книг Живой Этики включено много записей, исключенных Еленой Ивановной из самих книг. При приеме записывалось каждое Слово Учителя, а затем Елена Ивановна уже сама решала, что следует обнародовать и что выпустить. В первую очередь исключались все указания сроков. Они не подлежали огласке, так как в силу вышесказанного могли быть отодвинуты и намеченное ими событие могло принять другие формы. Ориентируясь на их соблюдение, Рерихи готовы были принять все коррективы к ним.

Затем шла фильтрация личных Указов. Многое, что касалось лично Рерихов, до известной степени было полезно знать и другим, вступающим на Путь Познания. Эти места оставались, претерпев иногда незначительные изменения. Места, затрагивающие как-то личные их действия, личную Карму, при подготовке Книг к печати, выпускались. Также выпускались наиболее сокровенные места, трактующие некоторые вопросы об Учителях, о прошлых воплощениях, о предметах, могущих вызвать нежелательную реакцию отчасти противников, а отчасти и последователей Учения. Заметно, как по мере приобретения опыта, в книгах Живой Этики появляется все больше нужного для всех и меньше нужного лично Рерихам. Они становятся более общими, чем Первая Книга, более понятными и приемлемыми для любого сознания. Это одна из причин, почему начинать изучение с Первой Книги не обязательно; для такого начала требуется очень хорошо знать личную жизнь и все трудности Пути Рерихов.

Выборка, что следует поместить в ту или иную Книгу Живой Этики и что нужно изъять из нее, проводилась вполне сознательно, с полной ответственностью за проведенную работу. Вообще, что отличает Книги Живой Этики от других работ, в том числе и многочисленных подражаний, появившихся в последнее время, это высокая степень сознательности. Через сознание пропускалось все полученное, ни одна запись не делалась механически, по любому затронутому в Книгах вопросу могли быть даны разъяснения. Конечно, это не касалось прогнозов на будущее. Во что оно выльется, не могли ответить и Учителя.

Личная Карма Рерихов, конечно, тоже играла немаловажную роль в их деятельности. Особенно, если принять во внимание, что они были объединены Учителем для общего дела. «Устами времен Я заповедал привести вас на путь Мой».

(ЛСМ, кн. 1, 1922, апр. 23.)

Учитель также не раз упоминает об их «личном сознании, объединенном». Это говорит о сложной личной и групповой карме. Неразумно думать, что Елена Ивановна не имела своей Кармы. Каждый, даже самый высокий дух, имеет таковую. Мало того, он добровольно принимает на себя узы новой кармы, в зависимости от выполнения своей миссии. Он жертвует собою ради других и частично связывает себя их кармой. Каждое искажение провозглашенной им истины, каждое неправильное действие его последователей, произведенное его Именем, тяжелым бременем ложится на его плечи. Вот почему сказано, что власть есть Жертва, вот почему говорится, что мы до сих пор распинаем Христа. Он принял на себя ответственность, которую мы до сих пор не оправдали и, тем самым, связываем Его с кармой человечества. Безусловно, что карма эта не обычная человеческая, но все-таки Карма и другого названия у нее нет.

Конечно, и у каждого из Рерихов была своя Карма, связывающая их с определенными людьми, которые подходили к ним когда-то и, в настоящем воплощении могли помочь им в их задачах или, наоборот, препятствовать им в несении своей миссии. Тут все решала свободная воля человека; могло случиться, что прежний недруг становился самым близким помощником, а прежний друг — врагом. И Рерихи получали предупреждение при подходе этих людей, но, именно, только предупреждение, которое должно было их насторожить, дальше же им надлежало самим разбираться в подходящих людях и, по возможности, из врагов сделать друзей. Также они имели предупреждения или подтверждения правильности своим действиям, но опять-таки без нарушения законов Кармы. Вот почему многие из Указаний требовали расшифровки или оставались до поры непонятными.

Не забудем также и того, что в начале служения происходит «сосредоточение земное», при котором преобладают чисто земные проблемы и тонкий мир проявляет себя феноменами, подтверждающими или опровергающими те или иные догадки. Например, Рерих сообщает Шибаету в письме от 7 апреля 1921 года: «Аллал Минг отрицает Ваше сведение о Конст. Конст. Верно здесь замешалась неточность передачи.

Нас Они всячески предупреждают об ошибках и неточностях передачи, производимых элементами. На днях у нас был изумительный эпизод. На утро после сеанса я нашел у себя на постели разложенными все мои мелкие вещи: цепочки, брелоки, кольцо, запонки. Все вещи лежали на одинаковом расстоянии по самому краю постели».

Вообще, первое время происходило много всяких «феноменов», тонкие явления как бы вторгались в плотный мир, доказывая всячески свою реальность. При этом использовались различные каналы связи. 25 сентября 1921 года Рерих пишет Шибаеву: «Изучайте, дорогой мой, и восходите и сумеите принять феномены так же просто, как бесконечное величие Творца, и, если через «политику», через пыль сумеете увидеть свет, сужденный каждому человеческому духу, тогда, как Вы знаете, жизнь наполняется особым смыслом и все наши будни получают особое освещение и разрешение».

Обилие феноменов объясняется отчасти тем, что центры у Елены Ивановны не были еще полностью раскрыты. Это ошибочное мнение, что феномены — главное достижение при раскрытии центров. Как раз наоборот. К ним прибегают и их используют Высшие Силы в силу необходимости. Естественный путь Общения значительно надежнее. Только он гарантирует передачу без искажений. Но человеку необходимо потратить годы и годы упорной работы над собой, чтобы раскрыть центры. Сказано: «Каждая оболочка есть искажитель действительности. Можно напрягать всю зоркость, чтобы достичь меньшей степени ложного представления».

(А. Й, § 74).

Особенно это касается астральных оболочек, которыми очень редко, но должны пользоваться и Высшие Силы, когда другие пути общения еще закрыты. Чтобы искажения, возникающие при таких передачах, не попадали в книги Учения, Елена Ивановна тщательно проверяла все сообщения. Подобные проверки помогали проводить разные пути общения — ясновидение, ясновыслушивание, письменные доказательства. Но если искажения и не попадали в Учение, то первые книги носят все же больше следов личных Указаний Рерихам; мы в них находим Указания, какими качествами следует овладеть ученикам, чтобы достойным образом пройти весь путь. Елена Ивановна вполне сознательно оставляла большинство таких мест, ибо они показывали все трудности пути, все препятствия, ожидающие готовых пойти по нему. Не случайно эти книги выделялись из общей серии книг «Агни Йоги», как предшествующие ей. Но, повторяем, предшествующие — не значит более легкие для понимания.

В них затронута вся дальнейшая проблематика Учения, причем многое сказано лишь догадками, намеками, так как центры Елены Ивановны полностью были раскрыты лишь в 1924 году. Весь личный опыт, сопровождавшийся весьма мучительными явлениями, полностью, со всеми подробностями записан Еленой Ивановной, и со временем эти записи будут опубликованы. В «Письмах Е. И.»

(письмо от 2 сентября 1937 года т. II.)

сказано: «...все описания достижений высших способностей через открытие центров на бумаге и кажутся легкими, но на самом деле нет ничего более трудного. Проходит много жизней в постоянном, несломимом устремлении к расширению сознания и утончению восприятий; прежде чем начинается не частичное раскрытие того или иного центра и работа их на всех семи кругах и планах. Все насильственные механические упражнения ни к чему высокому не приведут...».

На этом кончим разбор письма к Шибаеву от 30 апреля 1922 года и перейдем к некоторым положениям Первой Книги Учения.

Как мы уже упоминали, в Первой Книге Учения затронуты почти все основные вопросы, рассматриваемые далее подробно с самых разных позиций. Затронут и самый главный вопрос, самый насущный, ради которого необходимо было дать миру Новое Учение. Этот главный вопрос сформулирован Рерихом уже раньше в предпосланном к книге «Цветы Мории» стихотворении: «Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса». В книге «Пути Благословения» Рерих также указывает: «...Если простота выражения, ясность желания будут соответствовать неизмеримости величия Космоса, то это путь истинный. И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры — звезды на всех неисчисленных планах...».

Еще в 1917 году в Карелии в черновике к статье «Единство» Рерих записывал строки, почти без изменения вошедшие в его очерк «Адамант», включенный им в книгу «Пути Благословения» и «Адамант» на английском языке: «Сейчас на очереди вопрос знаний, вопрос искусства — этих объединенных факторов культуры. Вопрос относительности человеческих знаний всегда был болезненным вопросом человечества... В погоне за тем, что еще не суждено человечеству, разрушены ступени восхождения. Незаслуженно человечество пыталось овладеть сокровищем, ему еще не принадлежащим, и порвало паутину благого покрывала Лакшми.

Конечно, то, чего не достигло теперь человечество, ему суждено, но сколько испытаний придется ему опять перенести, чтобы искупить разрушение запретных врат. Каким трудом и самоотверженностью придется опять исправить потрясения и бреши культуры. Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно еще носит европейский костюм и по инерции произносит особенные слова, но смысл этих слов, часто великих и трогательных, и объединяющих, уже затемнен. Пропадает руководящее знание».

Что Рерих подразумевал под относительностью человеческих знаний, неизбежностью расплаты за овладение не принадлежащим сокровищем и руководящим знанием, которое пропало в каждодневной жизни человека? На все эти вопросы существует один ответ — отношение человека к Космосу, как к сфере своего обитания. Дела человеческие давно уже не соответствуют человеческим знаниям о Космосе. Овладение односторонними закономерностями Космического знания только утяжелили карму человеческую. Мы пользуемся ими незаконно, ибо не подготовили себя этически. И, наконец, мы преступно пренебрегали тем знанием, которым должны были бы руководствоваться во всех своих действиях. Знанием того, что человек живет в Космосе, находится в зависимости от его закономерностей и не в состоянии никуда от них скрыться.

Если в прошлом религия давала какие-то представления о нечто высшем, чем человек (а в этом и заключалась ее задача и оправдание), то с того времени, как человек был провозглашен «царем природы», наступил век утилитарного отношения ко всему, человека окружающему. Новые научные открытия принесли человеку больше горя и страданий, нежели радостей. Дошло до того, что этот «царь природы» стал уже спасаться от того, что перед ним открылось. Мы столкнулись с тем, что из-за политических разногласий способны к самоуничтожению, и это в то время, когда перед нами открываются необозримые дали Космического пространства. Человечеству стало тесно, и оно не может ужиться в... Беспредельности. Таков парадокс, рожденный полетом человеческой мысли и тем, что человек делает.

Руководящее знание должно было бы подсказать весь абсурд создавшегося положения. В наше время нельзя уже отговариваться просто незнанием. Незнания не существует. Есть плодотворный индивидуализм, превращенный в губительный эгоизм, а затем во все забывающую самость. «Я», «Мне», «Мое» способны погубить мир.

Современная наука в области Космоведения давно встала на рубежи, с которых требуется пересмотр смысла всей человеческой жизни. Опровергнув веру в «бога с седой бородой», она указала на неразрывную связь человека и всего бытующего на Земле с Космосом. Оставим рьяных атеистов препираться с «божьиими старушками» относительно местопребывания бога. Эти войны с картонными мечами могут сколько угодно доказывать, что они не в состоянии указать места в Космосе, где обновлялись чертоги «царя небесного». Это равносильно тому, что опровергать значение сказок, в которых звери говорят человеческими голосами, а люди превращаются в зверей. Если трезво посмотреть на вещи, то можно присоединиться к мнению нашего ученого В. И. Вернадского, выдвинувшего широкую идею Жизни как таковой, Жизни всего сущего, а не изолированного человеческого существования на маленьком кусочке тверди в Беспредельном пространстве. В «Размышлениях натуралиста» В. И. Вернадский писал: «Положение жизни в научном мироздании нам совсем не ясно. Установилась в научной литературе традиция обходить этот вопрос и предоставлять его всецело философским и религиозным построениям, сейчас слабо связанным с научными и оторванными от реальных, научно достоверных построений науки нашего времени или даже им противоречащим... Вопрос о жизни в Космосе должен сейчас быть поставлен в науке. К этому приводит ряд эмпирических данных, на которых строится биогеохимия, ряд фактов, которые как будто указывают на принадлежность жизни к таким же общим проявлениям реальности, как материя, энергия, пространство, время».

(«Размышления натуралиста. Научная мысль, как планетные явления», кн. 2, стр. 112 — 113)

Сказано просто и исключительно с позиции научного мышления. Сказано так, что понятно любому школьнику и тем более должно быть понятным любому государственному деятелю, вершителю судеб народов. Но где те деятели, которые считались бы со сказанным? Как и тысячи лет тому назад, в решении дел государственных принимается во внимание все, за исключением наступления Космической эры. В 1938 году тот же Вернадский писал: «Наука не отвечает в современном социальном и государственном плане жизни человечества тому значению, которое она имеет в ней реально уже сейчас. Это сказывается и на положении людей науки в обществе, и на их влиянии на государственные мероприятия человечества, и на их участии в государственной власти, а главным образом на оценке господствующими группами и сознательными гражданами — "общественным мнением" страны — реальной силы науки и особого значения в жизни ее утверждений и достижений».

(там же стр. 65)

Это же можно повторить и сейчас. С наукой и с людьми науки считаются лишь постольку, поскольку их можно использовать в своих эгоистических целях или ограниченных государственных интересах. Объявив научные данные объективными и ссылаясь на эту объективность, каждый норовит использовать их исключительно с субъективных позиций. Мы наблюдаем нежелание или неумение, а скорее всего, отсутствие готовности, решить основную проблему, а именно: вопрос отношения личной собственности и стоящей на пороге Космической жизни человечества. «Пониманием этого решается труднейший вопрос. Говорю для мира, ибо главная гибель мира от привязанности к несуществующей собственности. Поведать это народу новому значит излечить страх старости. Явление владения без собственности откроет путь всем без условного наследия. Кто может улучшить, тот и владеет. Это касается и земли, и лесов, и воды — все достижения механики и разных видов изобретений подлежат тому же».

(ЛСМ кн. 2, ч. 2, I, 9.).

Вопрос собственности в Космическую эпоху и в эпоху Римского права, провозгласившего ее «священной», надо решать по-разному. Право ограниченной Земли и Беспредельности не равнозначны. Если мы научимся смотреть на Космос, как на «великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры на всех планах», и при этом оставим тщетные помыслы претендовать на звание «царя природы», то различие между «моим» и «всеобщим» сотрется и ореол «священной собственности» погаснет. Коренная ломка человеческого сознания необходима и, именно, с этой целью дана миру Новая Йога: «Посмотрим, в чем разница и сходство Агни Йоги с прочими Йогами. Карма Йога имеет много сходства, когда она имеет действие с земными элементами, но когда Агни Йога овладевает путями к осознанию дальних миров, то различие становится очевидным. Раджа Йога, Жнана Йога, Бхакти Йога — все они оберегаются от действительности и тем не могут проходить в эволюцию будущего. Конечно, Агни Йог должен быть Жнани и Бхакти, и развитие сил духа делает его Раджа Йогом. Как красива возможность отвечать задачам будущей эволюции, не отвергая завоеваний духа прошлого! Можно не кичиться новизной, ибо лишь сочетание элементов обновляет возможности».

(А. Й. § 161)

В жизнь человечества вошла реальность Космоса, он перестал быть «недостигаемым», а, следовательно, и «сказочным», и эту реальность необходимо осознать, и «дела человеческие» направить сообразно этому. В противном случае еще одна, возможно непоправимая катастрофа переступит порог Сроков.

О новом, космическом сознании напоминает Первая Книга Учения: «Час понимания Космоса пробьет»

(кн. 1, 1921, нояб. 8.),

в Ней дано обращение: «Мои дети, учение жизни, направленное Мной — кратчайший путь для достижения явления понимания Космоса».

(кн. 1, 1921, нояб. 20.)

Но, конечно, до того, как понять явления Космической масштабности, необходимо перебороть в себе многие предрассудки Земли. Об этой неотложной работе в основном и изложено в книге «Листы Сада Мории», часть 1. Повторяем, что большая часть советов и Указов в ней дана лично для Рерихов и конкретно касается только их. Но каждый может извлечь из этих советов и Указов полезное и для себя, и в меру своих сил помочь выполнению Плана Владык, ибо «Постыдно не чуют грань Нового Мира. Постыдно влачить концы веревки повешенного».

(кн. 1, 1923, янв. 29.)

Первая Книга заканчивается записью, сделанной 28 апреля 1923 года, а 8 мая этого года Рерихи уже покинули Америку. Вторая Книга «Листов Сада Мории» имеет несколько другое построение. Начинается она с введения, и за ним следует цифра 1, и сразу же часть V. Дальше идет разбивка на параграфы. Даты полностью отсутствуют. Мы ничего не знаем о пропущенных местах. Возможно, что они не существуют, и если считать 1920, 1921, 1922 и 1923 годы частями написания Первой Книги, то с исчезновением дат приема цифра V будет на месте и указывает она на хронологическую непрерывность записей. Но это только догадка. Возможно, есть какой-то пропуск, так как далеко не все включено в книги, и были какие-то структурные для них поиски. Так, например, 11 октября 1922 года Рерих писал Шибяеву: «Сейчас нам дано троекнижие: 1. Книга о власти — жертве, 2. Книга о радости, 3. Книга о молитве — подвиге. Вероятно, эти книги войдут во вторую книгу издания. Рукопись первой книги пошлем Вам скоро.

Этот список книги не для печати, а для Вас — для ложи». Но троекнижие, о котором упоминает Рерих, было включено в первую Книгу. Также, судя по рукописи, которая не предназначалась к печати, видно, что многие ее записи распределены между первой и второй книгами, а многие, о чем говорилось выше, вообще выпущены. Кроме того, существует какой-то вариант Книги, в которой страницы текста не сходятся с имеющейся в общем пользовании Книгой. Все это подтверждает наличие у Рерихов неопубликованных записей, начиная с самых первых Книг.

Вторая Книга собиралась уже в Индии в промежуток между 1924—1925 годами, до отбытия Рерихов в экспедицию. 18 мая 1925 года Рерих писал Шибаяву: «Нам разрешен выезд в Малый Тибет. Шли львами и рычали во благо. Скоро кончится вторая книга и будет отослана печататься в Америку. В ней Вы найдете много практических Указаний. Она Вам даст пищу Духа надолго. Эту книгу раздавайте деятельно и чужим и родственникам за границей. Каю (С. Митусову — П. Б.) и в Харбин отошлите. И Ремизову (два экземпляра)».

Но прежде, чем приступить к разбору Второй Книги Учения, необходимо рассказать с некоторых событий в жизни Рерихов, не получивших достаточного освещения в официальных биографиях. В очерке «Вехи» Николай Константинович так описывает это событие: «Было указано, что получится очень ценная посылка. Время шло. Друзья наши как бы забыли об этом обстоятельстве, приехали в Париж. Однажды из банка "Банверстрест" приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим наиобыкновеннейшим путем была доставлена самая необычная посылка. Как видите, и так бывает».

Это произошло 5 октября 1923 года, когда Рерихи съехались в Париже по пути в Индию. Как уже упоминалось, впервые мы находим намек о Камне в стихотворении Рериха 1911 года «Заклятье»:

*Камень знай. Камень храни. Огонь сокрой.
Огнем зажгися. Красным смелым.
Синим спокойным.
Зеленым мудрым.
Знай один. Камень храни. Фу, Ло, Хо,
Камень несите. Воздайте сильным.
Отдайте верным. Иенно
Гуйю Дья —
прямо иди!*

Возможно, что это было одно из Указаний Владыки, принятое, но далеко не сразу расшифрованное. Говорится в нем не только о Камне, но и четырех Его будущих носителях, которые скрыты под именами, очевидно, прошлых воплощений. О том, что, именно, им суждено быть очередными носителями Камня и что, именно, с этим связано, Рерихи получили подробные сведения позже. В неопубликованных записях, сделанных к «Листам Сада Мории» имеются следующие строки: «История Ковчега. Когда ковалась возможность получить Сокровище, в Германии приготовлен был Ковчег. Для него найден был пергамент с древним изображением магических знаков; по приказанию Голоса и заклинаний — написаны четыре буквы, являющие смысл, лишь теперь понятый. Но справедливо вернуть Ковчег хозяйке, когда путь идет на спасение человечества. Часть кожи принадлежала Соломону и могла заключать заклинание зла. ...Часть К. (Камня — П. Б.) лежит у Нас; когда К. соединится, то принесенный осколок завершит победу. Получите часть, блуждающую в мире».

В письме Н. Рериха от 2 сентября 1923 года из Парижа Шибаяеву есть такое упоминание: «Нам сейчас дается Легенда о Камне». Таким образом, Легенда, в которой содержатся подробности истории появления Камня на Земле, была получена Рерихами незадолго до самого Камня. Впоследствии она вошла в книгу Елены Ивановны «Криптограммы Востока», где Е. И. выступает под псевдонимом Ж. Сент-Илер.

10 января 1924 года Рерих пишет Шибаяеву уже из Индии: «Подготовьте Легенду в печати ровно через год», а 14 февраля этого же года: «Из Нью-Йорка получите последний текст Легенды и напечатайте в газете». Затем в письме без даты за 1924 год: «Легенду, конечно, Вы дали совершенно анонимно, чтобы и намек на нас не было. Поторопите "Рижский Вестник" о легенде. Укажите, как книга Осендовского широко идет, — значит, публике сведения о Востоке очень близки».

Была ли Легенда опубликована в газете, нам сейчас не известно. Видимо, первоначальный текст ее отличался сколько-то от окончательного, который был послан Рерихами сначала в Нью-Йорк. Полностью с текстом можно ознакомиться в книге «Криптограммы Востока».

Елена Ивановна, посылая Р. Рудзитису снимок с Камня, писала 1 октября 1935 года: «...прилагаю снимок с одной такой посылки».

Вы можете прочесть о ней в "Криптограммах Востока" — Легенда о камне. Так, на снимке Камень покоится в ковчеге на древней ткани, на которой вышита в сиянии лучей древняя надпись: "Сим победим". Храните этот снимок у себя, покажите и расскажите лишь самым ближайшим.

С удовольствием отвечу на Ваши вопросы о Камне, в связи с легендой, если такие появятся у Вас». В письме от 19 января 1939 года есть такие дополнительные сведения: «По всей истории человечества проходит эта вера в Св. Камень, охраняющий страну, в которой он находится. Братство Грааля хранит Камень, посланный с Ориона, и принят Он был Вел. Учит. Ясоном, который положил его в основание Братской Общины. Сам Камень хранится в Общине, но осколки его посылаются в мир, чтобы сопутствовать великим событиям».

Мы знаем, что Камень этот сопровождал Рерихов в их Среднеазиатской экспедиции. Куда же он девался? На этот счет строилось много догадок. Среди них были и такие: Юрий Николаевич привез Камень в 1957 году в Москву, где он и находится; Камень был привезен в Кулу, находится там и за ним «охотятся» теперь определенные элементы; Камень хранится у Святослава Николаевича в Бангалоре. Все эти догадки из области человеческой фантазии. На самом деле судьба Камня была predetermined гораздо раньше, и она не зависит от человеческих желаний владеть им. 13 мая 1924 года Еленой Ивановной была сделана следующая запись, не вошедшая в опубликованную книгу «Листы Сада Мории», часть 2: «После станет ясно, как строить Зв... Вы уже имеете размеры высот и как расположить ступени. Перед вами пример — вы живете приблизительно на высоте 7000 футов — эта высота удобна для Храма. Над ним, на высоте 12000 футов удобно место для Встреч. Итак, вы имеете ступени жизни. Внизу город новой эпохи, над ним Храм человеческих достижений и место встречи земли с духом. Камень положим во Храм. Л. (С. Н.—П. Б.) будет знать это место, ибо, когда Вы уйдете, он может быть охранен по тому же каналу. Ясон Иерофант принял Дар Ориона в Азии. Ясон — среди братьев. Накопленное за несколько воплощений упрощает приближение к Основному телу».

О каком Звенигороде идет речь? О каком примере, который имели перед собой Рерихи в то время? Какой Храм надлежало построить и где? Некоторую ясность вносит Послание, полученное в это же время. Оно было материализовано на коре Гималайской березы, не растущей вблизи Дарджилинга. На ней было написано санскритским языком: «Надлежит построить храм (ашрам, школу) наставников для продолжения работы над Учением на том месте «в той стране». Дело в том, что на санскрите «на том месте» и «в той стране» пишется одинаково. Послание и вышеприведенная запись получены в 1924 году, когда Рерихи находились в Дарджилинге, еще до Среднеазиатской экспедиции, то есть до посещения ими Советского Союза. И вопрос, где построить ашрам, так и остался открытым.

Во всяком случае в России, на Алтае построить его тогда не было возможности. Наггар, где поселились Рерихи после экспедиции, находился на высоте примерно 5000 футов и поблизости там есть высоты, достигающие до 14000 футов и даже до 27000 футов. Институт «Урусвати» соответствует данным высотам (примерно 6000 футов). Размеры высот были даны лишь примерно по Дарджилингу. Возможно, что Рерихи пытались реализовать Указ в Наггаре, где есть сообщение с Тибетом. Однако, ввиду того, что миссия Н. К. не была принята, вопрос места Ашрама мог быть до благоприятного времени вообще отодвинут. Во всяком случае, уточнения к приведенному Посланию на бересте так и не последовало. До сих пор место будущей «Школы наставников» не известно. Что же касается Камня, то, по достоверным сведениям, Его Рерихи не хранили в своем доме. Частичный ответ о Его местонахождении дает послесловие к «Агни Йоге»: «Я утвердил Агни Йогу столбами ступней Моих и в руки принял Камня огонь. Я дал огненный Камень той, которая по решению Нашему будет именоваться Матерью Агни Йоги, ибо она предоставила себя на испытание пространственному Огню. Струи этого Огня запечатлелись на Камне при великом полете перед ликом солнца. Туман искр закрыл вершины Хранительницы Снегов, когда Камень совершил огненный путь с юга на север в Хранимую Долину».

Как уже отмечалось выше, Рерихи не хранили Камень у Себя дома. Ларец Камня запечатлен Святославом Николаевичем в портретах Елены Ивановны, Николая Константиновича и на отдельной картине. Николай Константинович изобразит Его на полотнах «Сокровище мира», «Чинтамани», «Держательница Мира». В триптихе «Фиат Реке» изображен сам Камень в Руках Владыки.

Имеется фотография открытого Ларца с покоящимся на вышитой ткани Камнем. Она относится к 1923—24 годам. Наличие более поздних снимков автору не известно.

Во многих литературных произведениях Рерих упоминает о Камне. Так, в «Шамбале Сияющей», в диалоге с ламой есть такое место: «Знаете ли вы на Западе что-нибудь о Великом Камне, в котором сосредоточены магические силы? И знаете ли вы, с какой планеты пришел этот Камень? И кому принадлежит это сокровище?» «Лама, о Великом Камне у нас столько же легенд, сколько у вас изображений Чинтамани. Со времени друидов многие народы помнят эти правдивые легенды о естественных энергиях, скрытых в странном госте нашей планеты. Очень часто в таких упавших камнях скрыты алмазы, но это ничто по сравнению с некоторыми неизвестными металлами и энергиями, которые ежедневно находят в камнях, многочисленных токах и космических лучах.

"Лапис Эксилис" называется камень, который упоминается старыми мастерзингерами. Видно, что Запад и Восток сотрудничают во многих вопросах. Вам не надо идти в пустыню, чтобы слышать о Камне». В «Сердце Азии» Рерих пишет: «Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого Камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным Камнем. Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом Камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напомнили Лапис Эксилис — Блуждающий Камень, воспетый знаменитым мастерзингером Вольфрамом фон Эшенбахом, заключившим свою песню словами: "И этот камень называется Грааль"».

С различных сторон отражена Рерихом Легенда о Камне в очерках «Камень», «Держатели»

(«Врата в Будущее»),

«Тайны»

(«Нерушимое»),

«Свет пустыни»

(«Держава Света», стр. 258).

В книге «Твердыня Пламенная» — стр. 10, 235, 250. Рерих, с одной стороны, упоминая о Камне, пишет о нем как о факте, не вызывающем никакого сомнения. Да и какие сомнения могут быть у него, державшего этот Камень в руках и испытывавшего Его силу и могущество. Но, с другой стороны, все, что касается Камня, он относит как бы в область «легенд», причем Елена Ивановна в «Криптограммах Востока», где даются наиболее подробные сведения, весь раздел книги назвала, именно, «Легендой о Камне». Несмотря на обилие исторических фактов, она вполне сознательно прикрывает их покрывалом некой Тайны, которая не вполне до конца дается в руки человеку.

«Явление будет ясно, когда Я произнесу — путь четверых на Восток. Ничто не убавит Заповедь. Уступите сужденному часу».

(«Криптограммы Востока», стр. 121)

Явление стало ясным для самих четверых Рерихов, и они позволили разобраться в нем каждому по его сознанию, но не больше. Все неосознанное благоразумно передвинуто в область легенд, как это всегда и делалось.

Излишняя конкретизация приводит почти всегда к нежелательным результатам. Возьмем, например, получившую широкую известность и не менее широкое распространение за рубежом и у нас книгу Эндрю Томаса (А. П. Томашевского) «Шамбала, Оазис Света». Предупреждаем, что мы ничего не имеем против автора и верим в искренность его «желаний поставить все на свое место», то есть досказать до конца там, где почему-то не договорил Рерих. Но Рерих никогда не договаривал «до конца» там, где его нет и не может быть. Это, прежде всего, касается наших представлений о Бытии и о «Подвижности Плана» человеческой эволюции, слагаемого из свободной воли человека и Высшего предначертания. Поэтому-то Рерих никогда и не смешивал реального воздействия Великих Символов, ведущих человечество вперед, с действительностью, в которой эти символы претворяются в жизнь в той степени, в какой они смогли быть усвоены большинством людей. Для Рериха величайшей реальностью было «Сокровенное», заключавшееся в понятии «Беспредельность». В книге «Твердыня Пламенная» Николай Константинович пишет:

«Вспоминаю, как один из моих друзей, прекрасный поэт Блок однажды перестал ходить на Религиозно-философские Собрания. Когда же его спросили о причине отсутствия, он сказал: "Потому что они говорят там о Несказуемом". Это великое Несказуемое было для него полной Реальностью. Поистине, всем тонким чутьем поэта он чувствовал словесную грубость суждений о таком Высоком, о таком Тонком, о таком Беспредельном, которое звучит в сердце. Каждое слово о Высочайшем уже наносит какой-то кощунственный предел этому Величию».

(стр. 7—8)

Сокровенное раскрывается лишь в строгих рамках соизмеримости, соответственно общему уровню человеческого сознания. Где нарушена мера соизмеримости, там страдает и мера Истинности. Томашевский, движимый лучшими намерениями, потеряв соизмеримость, потерял и правду там, где не должно быть ни слова выдумки, ни малейшего намека на придумывание фактов, которых на самом деле не было.

Так, например, он пишет о Камне: «Экспедиция Рериха, возвращая Чинтамани в Шамбалу, испытывала много трудностей в Центральной Азии. Исследователь рассказывает о них в одной из своих книг, где в стихах даже упомянуты имена его китайских и тибетских носильщиков»

(Прим. Н. Рерих, «Огонь в Чаше», Нью-Йорк, 1929):

*«Фу, Ло, Хо несли Камень, Йенно,
Гюйо, Джа Усердно им помогали».*

Не будем придирааться к неизбежным неточностям при двойном переводе (с русского на английский и обратно на русский), укажем лишь на то, что стихотворение это написано задолго до путешествия Рериха в Центральную Азию (в 1911 году) и его неискаженный текст мы уже приводили выше. Там же было упомянуто и о его значении в связи с первым известием о Камне. Томашевский, не дав себе труда ознакомиться с русским оригинальным текстом и датой написания, превращает четырех Носителей Камня в носильщиков, не задумываясь над тем, что вряд ли Он доверялся посторонним и для Него требовалось столько носильщиков.

Допустим, что здесь имело место невнимательность, а дата отсутствовала в английском переводе (ее там действительно нет). Но дело в том, что в других местах так же, текстам Рериха даны произвольные, ничем не обоснованные толкования, причем везде ставятся точки над «и». Например, американский вице-президент Уоллес представлен сторонником Рериха, влиявшим на всю политику США в сторону ее благоприятного расположения к СССР. Между тем, этот благорасположенный политик заявил после заключения Мюнхенского соглашения: «Война желательна и в первую очередь между Советским Союзом и Германией, так как она приведет к уничтожению коммунизма».

(Из донесения посла СССР в США).

И вот что пишет об Уоллесе З. Г. Фосдик в связи с ограблением Нью-Йоркского Музея им. Н. Рериха: «Во время судебного процесса стало очевидным, что Генри Уоллес, вице-президент США, пригласивший Рериха в экспедицию в Монголию и Китай, действовал заодно с Хоршем, хотя в течение многих лет, до сближения с Хоршем, он был сторонником идей Рериха и почитателем его искусства и называл себя его учеником...

Со стороны Уоллеса, пользовавшегося своим положением, следовали нажимы на судей в пользу Хорша и его адвокатов».

(Н. Рерих. Жизнь и творчество. М., 1978, стр. 198)

О предательстве Уоллеса, представителя американских капиталистов, неоднократно упоминает в своих очерках и сам Рерих. Так что если Уоллес и состоял когда-то в «учениках» Николая Константиновича, то лишь в незавидной роли «иуды», и представлять его соратником Рериха, да еще пламенным проводником его прогрессивных идей — в высшей степени абсурдно. Между тем, под несомненным влиянием Томашевского, эту же мысль повторяет В. Сидоров в предисловии к книге «Н. К. Рерих. Избранное», В., 1979. Так одна неправильная информация, придуманная для «доказательства» собственных концепций, родит другую, проникающую в печать, которой верит советский массовый читатель.

Повторяем, что мы не имеем ничего против автора «Шамбала, Оазис Света». В книге много правильного, и намерения автора находятся вне подозрений. Но это не та книга, из которой можно черпать достоверные сведения; и все, кто вздумает на нее ссылаться, могут оказаться в незавидном положении. Им только можно рекомендовать взять билет до станции «Шамбала» и лично убедиться, что все обстоит не так просто. Где же продают билеты до указанной станции, мы к сожалению, не знаем, и этого секрета не открывает Томашевский, чья книга сплошь состоит из цитат, в которых перепутаны были с небылицами, факты с легендами так, что их не отличить друг от друга. И все это делается ради того, чтобы доказать существование Шамбалы. Но кто верит в ее существование, тот не нуждается в таких доказательствах, а кто не верит, того они заставят еще больше усомниться. Не всякая «ложь во спасение» действительно спасает; суровая правда все-таки лучше подслащенного домысла. Николай Константинович писал 18 января 1939 года в Прибалтику: «Надеюсь, что читатели не примут всерьез некоторые громогласные утверждения г. Бонча»

(под таким псевдонимом писал тогда А. П. Томашевский — П. Б.)

Это самая справедливая характеристика писаний Томашевского — Бонча — Эндрю Томаса. Именно нельзя относиться ко всему им написанному с полной серьезностью. Достаточно сравнить «Шамбалу» Рериха и «Шамбалу» Томашевского, чтобы почувствовать громадное различие между ними, и различие пройдет как раз по линии «серьезности» трактовки этой неисчерпаемой темы. В то время как Рерих, знающий о Шамбале гораздо больше Томашевского и лично встречавший Махатм, пишет:

«Конечно, мы знаем, как по всей Азии ожидается наступление новой эры. Каждый толкует по-своему, кто ближе, кто дальше; кто прекрасно, кто извращенно, но все об одном и том же сужденном сроке...»

(«Алтай-Гималаи», стр. 325).

Томашевский смешивает вместе «Близкое» с «далеким». Если Рерих, подводя итоги сказанного о Шамбале, пишет: «Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же, как вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко очувствованная, если и недосказанная»

(«Сердце Азии», стр. 127),

то Томашевский стремится «все досказать», и этим только дискредитирует высокое понятие Шамбалы и Махатм. В «Надземном»,

§ 70

записано: «Урусвати справедливо негодует на неправды, которые пишут о Нас. Действительно, если бы собрать в одну книгу все небылицы о Нас, то получится небывалое собрание лжи. Символические выражения, создававшиеся веками, обратились в неправдоподобные нагромождения о каких-то сокровищах, на которых восседают Владыки Шамбалы. Среди приукрашенных повествований Тибета трудно усмотреть, как нарастали самые ужасные преувеличения, но там народ хотел приукрасить место Мирового Сосредоточения. Воины Шамбалы непобедимы и бесчисленны. Предводитель поражает все зло и утверждает царство Добра — так мыслит Восток и бережет у Сердца сказание о Победе Света. Каждое приукрашение во славу Света простительно, но Запад мыслит наоборот. Он желает все разоблачить, снимать все покровы до тех пор, пока не дойдет до безобразного умаления... Можно привести много примеров, как самовольно распоряжаются люди Нами, и при этом называя себя, в лучшем случае, посвященными, и в худшем, Махакоганами.

Невежды наполняют книги сообщениями о распределении Нашего влияния, но Указы Наши передаются, как личные желания. Так можно представить, насколько Наша жизнь усложняется такими вымыслами».

Книга Томашевского, против его желания, как раз являет пример такого «снятия покровов», причем во многих местах «до безобразного умаления».

В 1929 году в Париже вышла книга «Криптограммы Востока» под именем Ж. Сент-Илер. Это один из псевдонимов Елены Ивановны. Хотя книга эта появилась только по возвращении Рерихов из экспедиции, начало ей было положено гораздо раньше и часть заключенных в ней притч входит во 2 книгу «Листов Сада М.». Это показывает, что она дана из того же Источника, что и Учение в целом. Кстати заметим, что Томашевский широко использовал ее для своей «Шамбалы», вложив высказанные там мысли в уста ламы, с которым якобы имел сокровенные беседы. То, что так просто европеец может достичь высоких лам, уже само по себе вызывает сомнения, а когда «лама» начинает повторять чуть ли не дословно легенду о Люцифере, то эти сомнения превращаются в уверенность о «мифическом происхождении» указанного «ламы».

Но вернемся к «Криптограммам Востока». По существу, книгу эту следует также отнести к серии «Живой Этики». В ней изложены в виде легенд, имевшие место, исторические события и прогнозируется в весьма завуалированном виде будущее, которое суждено человечеству и которого оно может достичь или не достичь — по выбору своей свободной воли. С одной стороны, с исторических фактов снимается налет неправдоподобностей, напластовавшийся вокруг них с веками, а с другой стороны оставлено достаточно места о той «недосказанности», о которой всегда так заботился Рерих. Эта недосказанность особенно нужна бывает в предсказаниях, ибо досказывает сам человек. Нужна она бывает и о минувшем, где сбывшиеся и несбывшиеся пророчества так тесно между собой переплетаются, что составляют одно монолитное целое — Легенду. Но не просто Легенду, а Творящую Легенду, утверждающую то, что еще должно свершиться.

Так, например, на странице 14 книги «Криптограммы Востока» мы читаем: «Сказанное так же верно, как на месте прославления Учителя воздвигнется Храм Знания. Сказанное так же верно, как ученица Благословенного отдаст имя свое Храму Знания. Основание явления Истины закреплено трудами жизни. Дано в Чёртен Карпо».

Первая часть пророчества уже исполнена. Благодаря неустанным трудам Рерихов, преодолевших все чинимые им препятствия, институт «Урусвати» был заложен и в нем проводились нужные изыскательские работы. Сейчас прилагаются все усилия к возобновлению его деятельности, но будущее института, конечно, зависит от готовности людей продолжить начатую Рерихами деятельность.

Во многих местах «Криптограмм Востока» мы находим также намеки, вернее сказать, даже «наметки» будущего. Далеко не все они выполняются нами так, как их следовало бы выполнять, как их выполнила до конца Елена Ивановна, которой было Завещано «без зова, своею поступью нести Учение».

(стр. 15—16)

В «Криптограммах Востока» сказано уже о «Четырех Законах», разбираемых подробнее в книге «Листы Сада М.». Это «Закон Вмещения, Закон Близости, Закон Бесстрашия и Закон Блага», нарушаемые нами на каждом шагу. Утверждается о вредности «чудес»

(стр. 22, 31),

к которым все тянутся, «чтобы уверовать». Дана заповедь «руками человеческими», когда мы по привычке уповаем на «Волю Божию». Сказано, что «Уважая деда, не пьют из его чаши», в то же время как люди в повторении старых обычаев видят верность Извечно Меняющемуся.

Специальный раздел посвящен в книге Великому Понятию Женского Начала — Матери Мира. Приводятся неизвестные данные из жизни Христа, Апполония Тианского, Акбара Великого, Сергия Радонежского. В них есть и намеки на настоящее и будущее. Например, в разделе «Акбар Великий» записано: «Некогда придет час открыть следующие Врата, то жена твоя, данная господом, услышит стук Мой и скажет — Он у ворот. Ты же увидишь Меня, лишь перейдя черту. Но когда жена вступит на последний путь, она увидит тебя в образе Моем»

(стр. 75).

Тут явный намек на Елену Ивановну, но намек этот останется незамеченным теми, кто не догадается, о чем идет речь.

В книге приводится много притч, указывающих на необходимость развивать в себе те или иные скрытые свойства человека, столь нужные в будущем общей эволюции.

В конце книги «Криптограммы Востока» помещены Сказания о Люцифере и Легенда о Камне. В сказании о Люцифере открывается главная причина его «падения», именно — нежелание сотрудничать с другими планетами: «В то время, когда Люцифер превозносит свет земли, Христос указывает на красоту Мироздания.

Мы говорим: «Пусть горит свет Люцифера, но за ним не скроется величие других огней».

(стр. 108).

Из этого исходят все виды человеческого эгоизма, в том числе и привязанность к собственности, стяжательство, так задерживающие эволюцию.

О «Легенде о Камне» мы уже говорили. Она заканчивается словами: «Рок сужденный записан, когда с Запада добровольно Камень придет. Утверждаем понять сужденных носителей Камня, идущих домой. Корабль готов! Новая Страна пойдет навстречу Семи Звездам под знаком Трех Звезд, пославших Камень миру. Сокровище готово, и враг не возьмет золотом покрытый щит. Ждите Камень!»

Для кого-то «Криптограммы Востока» остаются лишь в области легенд и красивых сказок. Кто-то считает эту книгу «Тайнописью», доступной пониманию лишь «посвященных». Кто-то находит в них ответы на свои вопросы, не возникающие у тех, кто видит в «Криптограммах Востока» сказки или тайны за семью печатями.

Точная дата записей «Криптограмм Востока» не известна. Приблизительно можно установить дату «Легенд о Камне» и «Завещание Майтрейи» (дано в Чертен Карпо). Это говорит о том, что Криптограммы записывались Еленой Ивановной продолжительное время, и мы не знаем сейчас, все ли они опубликованы. Значение этой книги громадно, и черпать из нее может каждый в меру своего сознания.

Кроме получения Камня произошло еще одно событие уже в Индии, которое оказало на всех Рерихов огромное влияние. Мы знаем из переписки с Шибаевым, что сначала Рерихи намеревались посетить Адьяр и наладить связи с теософским движением. Но по приезду в Индию они изменили свое решение и поехали в Сикким. В Сиккиме состоялась встреча с Учителем и сопровождавшим Его Джул-Кулом. Произошла она в окрестностях Дарджилинга, в храме, с которого сделана фотография. Место это довольно людное. О самой встрече мы находим следующие подробности в «Надземном»

(§ 40)

: «Мы не уходим из жизни, когда Мы появлялись, Мы не отличались от остальных обывателей. Вы сами можете свидетельствовать, что Джул-Кул, когда появился встретить Вас, не отличался от лам.

Урусвати немедленно почуяла необычность, но явление могло быть отнесено и к настоящему монастырю. Так и все Собратья, и сотрудники несут обычные земные облики. Но даже при условностях обликов сердечность будет сквозить и в каждом взгляде и улыбке. Можно назвать это качество сердечности и другим именем, более научным, но Мы желаем установить наиболее человеческий взгляд на Нашу Общину», и еще: «Урусвати помнит, как при первой встрече с Нами остальные прохожие как бы рассеялись. Справедливо предположить, что это было следствием Нашего мысленного приказа».

(§ 127).

О том, что встреча эта состоялась непосредственно после появления Рерихов в Индии, свидетельствуют следующие тексты Николая Константиновича:

В «Алтай-Гималаях» имеется многозначительная приписка, пропущенная при последнем издании книги у нас, в России. На

стр. 255

после слов: «Направление с северо- востока на юг» в рукописи следовало «Энергия А. Брат Д. К.» В данном случае описывается наблюдение экспедицией шаровидного аппарата 5 августа 1927 года. Упоминание о Джул-Куле показывает, что свидание с Ним уже состоялось и при этом было рассказано об энергиях, которые могли исходить из Братства. Очевидно, об этом и вспомнил Рерих. Кроме того, в неопубликованном очерке «Бывальщина» перечислены в хронологическом порядке необычные явления и встречи: «Не забудется и встреча в Чикаго. А Лондон в 1920! А Париж в 1923! А Дарджилинг! А Москва в 1926! А Белуха! А Улан-Батор! А Тибет! А Индия! Всюду вехи». Здесь Дарджилинг назван после Парижа (получение Камня) и до Москвы. Рерих пишет и в «Путях Благословения», в очерке «Звезда Матери Мира», датированном 8 мая 1924 года, об Учителях так, как будто с Ними встречался: «Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и как гармоничны и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается Их области».

(стр. 88).

Несомненно, что это касается встречи в Дарджилинге с Учителями М. и Д. К. Если встречи с Посланниками Белого Братства в Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго были неожиданными и кратковременными, то эта встреча была продолжительной и запланированной. При встрече в Дарджилинге были получены инструкции о том, что надлежит сделать в ближайшие годы по Плану Владык, в том числе конкретные задания их главной миссии — поездки в Советскую Россию и передача там «Послания Махатм». Главная цель экспедиции была, именно, — Москва и вообще Советский Союз, с которым надлежало установить связь. С этих пор Рерихи основное внимание уделяли этому.

23 июня 1924 года Рерих пишет Шибаеву, что высылает ему для печатания манускрипт книги «Пути Благословения». В эту книгу вошли не только такие очерки, как «Пламя», но и написанные в Америке и в Индии. Из последних особенного внимания заслуживают «Струны земли» (Мысли о Сиккиме) и «Звезда Матери Мира». В них проскальзывает мысль Рериха о Единстве всех религий, часто приводятся параллели из быта местного населения и русского народа, досконально разбирается положение в Азии. При этом Рерихом затрагивается не только Сикким, в котором он находится, но также, или даже в большей мере, Тибет и Монголия. После самых широких обобщений Рерих указывает: «И, если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины Космоса, какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза».

(стр. 109).

Два экземпляра книги Рерих просит Шибаева переслать Горькому. 15 августа следует письмо с подробным обозначением предстоящей поездки в США. Назначается Шибаеву встреча в Европе, чтобы забрать его на обратном пути в Индию. Рерих запрашивает о местонахождении Горького. Рерих намеревается наладить через Горького связь с советскими дипломатами в Берлине. Характерна запись, не вошедшая в Книги Учения, сделанная 28 июля:

«Можешь принять работу, по пути домой не пропусти Берлина», значит, посещение Советского посла было заранее запланировано, как заранее разработан маршрут экспедиции, посещение Сибири, Москвы, Монголии. Например, в письме от 3 сентября 1924 года Рерих пишет, что в Монголии Кардашевскому предстоит встретиться с делом транспорта. Кардашевский в то время находился в Литве; в 1927 году действительно присоединился к экспедиции Рериха в Монголии в качестве заведующего транспортом.

Но особенно подробные инструкции получил Рерих в Дарджилинге относительно Советского Союза и его роли в эволюции человечества. В первую очередь это были советы очень «дальнего прицела», касающиеся человека, которому следует строить Новый Мир. Не забудем, что Владыки шли на переустройство мира с открытыми глазами, прекрасно зная, что «мука у середины не чиста, но лучшую купить нет денег». Одновременно нужно было строить новую жизнь и создавать нового человека. Нужно было воспользоваться моментом Русской революции, как реальной возможностью закрепить в мировом масштабе новое, интернациональное сознание, и считаться с неготовностью масс это сознание воспринять. Наступило время смело пойти на разрушение основ старой прогнившей морали при отсутствии должного количества носителей этики нового мира. Приходилось приоткрывать перспективы далекого Космического мировосприятия и вместе с тем трактовать обычные земные вопросы, до сих пор не решенные человечеством. Альтруизм Плана Владык наткнулся на своекорыстие людей, личные интересы целых группировок в человеческом обществе входили в противоречие с интересами общими. Никогда еще в мировой истории не обострялись так противоречия, не вступали в бой идеологические факторы. Притом в самих борющихся идеях назрел внутренний кризис. Идеалисты религиозных толков шли на компромиссы со своими идеалами, не гнушаясь прямым обманом своих последователей. Материализм, начисто отрицавший Высшее Начало, выступал за справедливость и равенство. Маркс и Энгельс объявили гедонизм и утилитаризм, не имеющими права претендовать на понимание жизни общества в целом. Идеалисты же тысячами уловок и ссылок на неуловимые «законы жизни», оправдыва существующие несправедливости.

Конечно, как всегда, существовали идеальные идеалисты и логически последовательные материалисты. Но они существовали только сами для себя и не имели выхода в широкие человеческие массы, вставшие с оружием в руках на защиту своих прав. Решали дело не философы, а понимание жизни этими массами, их убеждение и сила.

Александр Блок, увидевший в «Двенадцати» Христа, ведущего за собой революционную, по сути своей разрушительную силу, своим внутренним поэтическим чутьем раскрыл то, чего не увидели политики, делавшие революцию и боровшиеся с нею. Это вполне понятно. Последние видели только два цвета — красный и белый, всех цветов радуги для них просто не существовало, они им мешали бы делать свое дело.

Существует мнение, что революции со всеми их кровавыми неизбежностями делают Владыки. Это мнение глубоко ошибочное. К революционному взрыву приводит людей Карма, и делают революции исключительно сами люди. А вот Христа «в белом венчике из роз» посылают Владыки. В этом оправдание кровавых дел. И оправдываются они отнюдь не иезуитской формулой — «цель оправдывает средства», а тем «восстанием здоровых клеток на защиту всего организма»

(письмо Е. И. Р. от 10.90.38),

о котором писала Елена Ивановна. Усмотреть это с чисто человеческих позиций было почти невозможно. Эта Высшая справедливость находится вне человеческой логики, в ином, учитывающем все факторы жизни, измерении. Но в этом измерении как раз и находится План Владык. Он возводит случай в ранг закономерностей и руководит историей человечества, не вмешиваясь в свободу воли людей. Повторяем, только люди делали революцию и только от них зависело рано или поздно заметить, что

*«Впереди — с кровавым флагом, И за вьюгой
невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью над вьюжной, Снежной
россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз — Впереди — Иисус
Христос».*

Именно впереди, а не рядом, не вместе с ними. Им, людям, представлялась свободная воля вершить свои земные дела и земные расчеты. Они подчинялись только своей Карме, руководясь своим сознанием, творили новую карму человечества. По непреложным Космическим законам, воздействовать можно было только на человеческое сознание. Скоро или нескоро оно отреагирует на такое Высшее воздействие, опять-таки зависело от самих людей, в какие формы выльется это воздействие опять-таки решали люди. Вот почему первая книга Нового Учения носила название «Зов». Она звала человечество взглянуть на мир по-новому, без предрассудков, как бы с «нулевого цикла», хотя и с кармическим грузом всевозможных накоплений, которые предстояло **изжить**. Вторая же книга была названа «Озарение». Она открывала перед людьми небывалое разнообразие мира и учила вместить его.

Упоминание на одних и тех же страницах Христа и Будды, Космоса и чисто земной этики, механики йогического сосредоточения и активного участия в жизни, идеалистических позиций и материалистического, предельно трезвого подхода к проблемам, терзающим человечество, одним словом, всего, что люди считают несовместимым, говорит само за себя. Предлагалось отнюдь не эклектическое смешение всего, что уже не раз бывало, а сложное построение, которое каждый достигал собственными усилиями. Творческий подход к даваемому Учению был обязательным условием, «лучше свой челнок, чем чужая ладья» — сказано не напрасно. Впервые давалась свобода инициативе и отсутствие в Учении готовой, законченной системы предполагало вечное становление мира. На странице 102 книги «Озарение» приводится притча о Вопросавшем: «...Устремившийся ученик задал вопрос, и Учитель кивнул головой. Ученик задал два вопроса, и Учитель кивнул дважды. Скоро ученик задавал непрерывно вопросы, и Учитель непрерывно кивал. Три года продолжалось вопрошание, и три года кивал Учитель. "Значит, по опыту Твоему, все бывает?" И Учитель не только кивнул, но и поклонился в землю, открыв на груди изображение Благословенного, дающего обеими руками. Так была утверждена мудрость и было возвеличено творчество жизни...».

Это «все» зависело только от заданного вопроса. Если не было вопроса, то и предмет или проблема переставала существовать для нерадивого ученика. Вот почему сказано:

«Шире широкого сейте. Назначьте в школе награду за количество предложенных вопросов. Прежде платили за ответы, теперь за вопросы»

(«Озарение», ч. 2, VI, 5.)

Наибольшая вместимость — это то, что, прежде всего, должен усвоить человек Новой Эпохи. Через сито вместимости просеивалась «нечистая мука», положенная в закваску теста страны, которой было суждено дать основание новому миру. Это оказалось серьезным препятствием и испытанием для первых сторонников Учения, привыкших к тому, чтобы в любой даваемой доктрине была бы законченность. Они с большим трудом воспринимали ту истину, что каждый вновь заданный вопрос создает и новую ситуацию. Они вообще не задавали вопросов или задавали только такие, на которые уже давно есть ответы. А кто знает, может быть, в незаданном вопросе заключалось главное для текущего момента и время было упущено? Вспомним еще одну притчу из «Криптограмм Востока»: «Отчего началось разногласие между Буддой и Девадатой? Девадата спросил: "С чего начинать каждое действие?" Благословенный отвечал:

"С самого необходимого, ибо каждое мгновение имеет свою необходимость, и это называется справедливостью действия". Девадата настаивал: "Как возникает очевидность необходимости?" Благословенный отвечал: "Нить необходимости проходит через все миры. Но не понявший ее останется в опасном ущелье и незащищенным от камней". Так и не мог Девадата отличить черту необходимости, и эта тьма заслонила путь ему»

(стр. 29)

Очевидно, среди задаваемых вопросов исключен один — о чем спрашивать? Это решает каждый самостоятельно. Каждый должен почувствовать «необходимость момента», а она в одно и то же время, но в разных местах и разных ситуациях бывает тоже различной.

Допустить все и не заблудиться во всем, это значит понять непреложность Плана и подвижность в его осуществлении. Именно, к этому призывает «Озарение»:

«Под одним кровом живут непреложность и подвижность — две сестры подвига»

(«Озарение», ч. 2, VI, 17.).

Осознание такой непреложности дает право действовать уверенно, не уподобляясь флюгеру и не стоя столбом при дороге. Надо верить так, как верили Елена Ивановна, Николай Константинович и их сыновья в то, что делается нужное, эволюционное дело, порученное Владыками. Ради этого дела можно съесть кусок мяса, но нельзя свернуть с пути. На этом пути повстречается много иначе думающих и иначе действующих попутчиков. В чем-то они дополняют друг друга, а в чем-то исключают, но мыслят тоже эволюционно, и надо знать, что движение вперед всегда идет дополнениями, а не исключениями. В обширном опыте строительства Мировой Общины «все бывает». «Избегайте однообразия как в месте, так и в труде. Именно однообразие соответствует величайшему заблуждению — понятию собственности. Раб собственности теряет, прежде всего, подвижность духа. Такой раб перестает понимать, что каждый день труда должен быть окрашен особым качеством духа. Такой раб не может переменить место, ибо дух его безвыездно в своем доме земном...»

(«Озарение», ч. 3, V, 6.).

Очередное упоминание о собственности, главным образом, имеет ввиду психологический аспект. Самое страшное для человека — это те «собственные убеждения», которые легко превращаются в предубеждения и претендуют на исключительное познание «всей истины». Такая закоснелость человеческого сознания давно не дает возможности взглянуть человеку дальше «дома земного», если даже он говорит о «небесном». Все «небесные» дела он мыслит поставить к решению со своих, чисто земных позиций, все возможные их вариации он представляет со своей точки зрения, не допуская иных. Один средневековый богослов как-то изрек: «Бог един, и путь к нему тоже должен быть единым. Лишь одна лестница ведет на небо». Многие придерживаются такой точки зрения, забывая, что подниматься-то к Богу надо с Земли, и лестница, поставленная в низине, не будет равнозначна лестнице, поставленной в горах. Не нужно ли дойти земным путем до самой горной вершины и только тогда рекомендовать пользоваться «единой» лестницей, ведущей на небо?

Сожаление расстаться со своим земным существованием, со своей земной формой бытия, не есть любовь к нашей планете, а лишь боязнь нового, неизведанного. Равно как готовность покинуть Землю не будет пренебрежением к ней. У человека имеется своя Космическая задача, свой великий долг перед земной жизнью. Если говорить о собственности, то, именно, выполнение этой задачи и будет единственным «своим» человека, связывающим его с Землей. В зависимости от выполнения этой задачи человек волен покинуть или остаться на земле, чтобы помочь другим в ее выполнении. Все иное служит лишь средством для выполнения этой Космической задачи и перестает для человека существовать по мере выполнения своего долга.

Чувство собственности порождено самым обычным страхом. Миллионер, прибавляющий к накопленному богатству новые миллионы, и проповедник, стремящийся к своим идеям привлечь как можно больше доказательств, одинаково движимы страхом. Зависть первого и неудовлетворенность второго произрастают из одного корня — из боязни, что кто-то имеет больше, чем он, или кто-то думает иначе, чем он. В

«Озарении» (ч. 3, V, 6.)

записано:

«Зародыш чувства собственности — тоже страх. Хотя бы чем-нибудь прикрепиться к земле. Точно жалкая лачуга может явиться достаточным якорем для духа!.. Периодически вредные игрушки собственности отнимались от человечества, но отец лжи, страх опять тклет свою паутину и опять боязни измышления. Потому отменим страх. С ним уйдет собственность и скука...».

Бесстрашие — вот что ведет вперед человека, что ему необходимо в себе воспитывать. Безбоязненность отказаться от вчерашних игрушек и представлений, чтобы заменить их новыми, тоже далеко не вечными, но дающими движение вперед, — этого как раз и не хватает. Безрассудства много. Мы готовы от всего отказаться, чтобы ничего не принять и ни за что не отвечать. А вот бесстрашия, сознательно увеличивающего груз ответственности, явно недостает. Между тем, только оно способно превращать веру в непреложное знание. Такое бесстрашие должно стать нормой поведения человека, его нельзя рассматривать как нечто исключительное, а тем более героическое. Не может быть героизма в отказе от трусости. «...Пора научиться культурно подходить к очевидным явлениям. Иначе будущие достижения окажутся электронами в люльке младенцев. Ваши мундиры и тоги не закрывают вашего боязливого младенчества».

(«Озарение», ч. 3, V, 3.).

Ничто не задерживало так эволюцию и не сковывало сознание, как боязнь отказаться от общепризнанного и погрузиться в Великое море Неизведанного. Этот страх порождает даже бесстрашие в защите старого. Чтобы защитить себя от новых веяний, люди охотно поднимают меч и героически его отстаивают. Но подлинный герой идет впереди своей эпохи, а защитники бастионов изживших себя идей бесславно погибают вместе с ними.

В книге «Озарение» приводятся необходимые ученику качества, без которых он не продвинется на пути. Это, отнюдь, не какие-то оккультные свойства, которых добиваются последователи различных «школ», сулящих высшие достижения. Нет, это чисто человеческие, жизненно необходимые свойства, и они дадут больше, чем все оккультные школы вместе взятые. Вот они: «Укажу качества, взыскующие общего блага. Первое — постоянство устремления. Второе — способность вмещения, ибо плох коммунист отрицающий, но ищущий правды достоин общего блага. Третье — умение трудиться, ибо большинство не знает ценности времени. Четвертое — желание помочь без предрассудков и присвоения. Пятое — отказ от собственности и принятие на хранение плодов творчества других. Шестое — изгнание страха. Седьмое — бодрствование явить среди тьмы. Так нужно сказать тем, кто обуянный страхом, покрывается Отрицанием».

(«Озарение», ч. 3, IV, 6.).

Бывает, что человек, согласившийся со всем этим, споткнется только на слове «коммунист», а споткнувшись на нем, отринет постепенно и другое. Как будто слова имеют значение, а не содержание, в них вложенное. Отбросить слово, или заменить его другим, конечно, можно, но ту суть, которую слово содержало, — нельзя. До тех пор, покамест она не будет освоена людьми, вряд ли можно говорить об эволюции человеческого общества в целом. Во всяком случае, знания оккультных наук не спасут его от очередных катастроф, если простые этические истины не будут приняты. И «учителя», и «пророки», и «ясновидцы» и иже с ними до тех пор ничему не научат людей, пока сами не научатся действовать соизмеримо, соотнося мир тонкий к явлениям мира физического во всей сложности их взаимосочетания, взаимозависимости. Не напрасно, именно, о соизмеримости говорится столько во всех без исключения книгах Живой Этики. Ведь без здоровой оценки всех, в данный момент действующих обстоятельств, можно устремиться, но в ложном направлении. Можно много вместить, но дать сильный крен. Можно трудиться до седьмого пота, но без пользы. Можно бескорыстно помогать, но действовать против эволюции. Можно отказаться от собственности и стать паразитом. Можно не знать страха и погубить всех следующих за тобой. Наконец, можно бодрствовать, но глядя в даль, не замечать нужд текущего момента. «Строитель должен знать, как нагрузить столбы дома. От несоизмеримости происходят: разрушения, кощунство, ложь, предательство и все безобразные явления»

(«Озарение», ч. 2, VII, 19.).

Если каждое дело начинать с середины, или, как часто это случается, даже с конца, то все перечисленные хорошие качества нанесут только вред. «Во имя соизмеримости надо найти правильное место людям, иначе мы одинаковым голосом будем говорить о центре планеты и о чернильном пятне».

(«Озарение», ч. 2, VIII, 4.).

Как часто мы груз слона взваливаем на спину осла, а потом удивляемся «не потянул!». Соизмеримость — наиболее часто нарушаемый Закон Космического равновесия. И самое печальное заключается в том, что его нарушителями становятся, как правило, люди активные, убежденные, что действовали они на пользу дела. Переубедить их в этом почти невозможно. Также невозможно дать рецепт соизмеримых и несоизмеримых действий, ибо не существует единого рецепта на все случаи человеческой жизни. Помимо разума и логики, в оценках соизмеримости того или иного действия обязательно участвует и чувство интуиции.

Оно же выковывается в горниле тысячелетий, и есть ни что иное, как опыт прошлых воплощений, дающий человеку чувствознание. Оно есть или его нет у человека, ибо то, что приобретается веками, невозможно заработать за одну жизнь. За этот срок можно постигнуть любую «оккультную науку», можно научиться «стоять на голове», можно стать «великим йогом», но нельзя научиться чувствознанию. Оно делает человека пригодным стать руководителем решительно на всех этапах человеческой деятельности. «В сотрудниках вы цените сообразительность, совершенно так же по всей нити Иерархии. Никакое знание не даст огненную сообразительность, накопленную многими опытами. Нельзя написать, что можно, а что нельзя для всех случаев жизни. Одно знание есть лишь смертельная опасность, но применение его есть искусство огненное. Поэтому так ценим скорую сообразительность, то чувствознание, которое шепнет, когда следует повернуть ключ в замке. Кто накопил такое чувствознание не станет предателем ни сознательно, ни косвенно. Выдать ключи не по сознанию, значит уже предательствовать».

(«Сердце», § 245).

Несвоевременных поворотов ключа в замке делалось, делается и, похоже, будет делаться больше, чем можно было бы ожидать. И винить в этом кого-то после того, как дверь к знанию приоткрыта и гость уже впущен, — значит только усугублять содеянное. Ведь вообще-то он нужен, этот поворот. Это отлично знает и неосторожно повернувший ключ, и предостерегавший от поворота. Но вот где, когда, перед кем были отперты двери, был ли стук, или насильно втащили прохожего — тут мнения расходятся. Впустивший доказывает, что его действия произвели или произведут нужные результаты, его же оппонент утверждает обратное. Причем часто неосторожность выдается за смелость, осмотрительности же приписывается трусость. И обычно обе стороны прибегают к цитатам из Живой Этики, забывая при этом канон: «Господом твоим», — а ведь это ближайшая ступень к познанию соизмеримости. Мы в редких случаях поинтересуемся «Господом» ближнего своего, будучи уверены, что наш собственный «Господь» гораздо лучше и значительно более во всем осведомлен, а, следовательно, его-то обязан принять другой с благодарностью за то, что его направили на путь праведный и спасли от еретичества. А между тем сказано: «Друзья, четыре камня положите в основание ваших действий. Первый — Почитание Иерархии. Второй — Сознание Единения. Третий — Сознание Соизмеримости. Четвертый — Применение Канона «Господом твоим...»

(«Озарение», ч. 2, IX, 9.).

То, что на другого можно воздействовать не своим убеждением, а таким же по силе убеждением собеседника, не принимается во внимание. Убедительное для нас может оказаться неубедительным для другого. Спросим же себя, много ли диалогов мы начинали с того, чтобы узнать о том, что ближе всего, что доказательнее для собеседника. Не слишком ли пренебрежительно мы отнеслись к его «Господу», то есть к убеждениям ближнего своего, и какое право мы имеем, чтобы он вообще в таком случае прислушался к нам? Человек привык считаться и уважать только «свою правду», не задумываясь над тем, что уже одним этим он унижает правду других, часто правду выстраданную, кровную правду, давшуюся нелегко для ближнего нашего. «...Представьте себе всю бесконечность звездного мира. Поистине, у Отца много домов; который из них запятнаем?...»

(«Озарение», ч. 2, IX, 9.).

Беспредельность — мы ее охотно признаем во всем, кроме человеческой мысли, человеческих представлений о Высшем. В области человеческого мышления каждый считает себя достойным роли ментора, знающего последнюю или, в крайнем случае, предпоследнюю истину. А между тем в Учении сказано: «...Именно в незаконченности высшего напряжения лежит нахождение знаний. Нужно найти в себе мужество работать для бесконечности. Можно развить в себе постоянное учение, которое важно не перечислением фактов, но расширением сознания. Неважно, каким путем нарастает сознание, но объем его позволяет вмещать размер великих событий. Какое учение приводит скорее к расширению сознания? Совершенно индивидуально надо пускать людей на этот луг. Каждому своя трава...».

(«Озарение», стр. 231).

Фразу из Учения: «Лишь минуя толпы, вы дойдете к народам»

(«Озарение», стр. 236),

на первый взгляд очень противоречивую, можно понять и так: лишь имея ввиду индивидуальное общение, учитывающее особенности каждой личности, можно рассчитывать, что за вами пойдут многие. Массовые проповеди, массовые лекции никогда не дают тех результатов, которых добиваются, беседуя с глазу на глаз, ибо в первом случае применение канона «Господом твоим» исключено.

Во всей серии книг «Живой Этики» наблюдается определенная последовательность, и вместе с тем любая книга в отдельности содержит основные положения Учения в целом. Так и между первой и второй книгой есть различие, хотя в них трактуются одни и те же проблемы. Но, повторяем, что наблюдаемая последовательность не означает, что книги Учения нужно обязательно читать по порядку и начинать знакомство нужно с первой книги. Скорее всего, что и в данном случае предполагается применение канона «Господом твоим». Книга, в которой разбирается наиболее близкая определенному лицу проблематика, будет для него наиболее убедительной и, конечно, может быть первой, давшей новый толчок его сознанию. Но известная последовательность книг «Живой Этики» этим не снимается. Между первой и второй книгой она формулируется в следующих словах: «Первая книга звала к подвигу красоты, простоты и бесстрашия; вторая книга дает качества и признаки работы, утверждающей расширение сознания»

(«Озарение», стр. 237).

Между тем, Рерихи одновременно с записями Живой Этики продолжали делать дело, завещанное им Учителями. 18 мая 1925 г. Николай Константинович писал Шибяеву в Ригу: «Нам разрешен въезд в Малый Тибет. Шли львами и рычали во благо. Скоро закончится вторая книга и будет отослана печататься в Америку. В ней Вы найдете много практических указаний для себя. Она Вам даст пищу духа... Эту книгу раздавайте деятельно и чужим и родственникам за Границей. Каю (С. Митусову) и в Харбин отошлите. И Ремизову (два экземпляра)».

Письмо это было послано уже из Кашмира, куда Рерихи выехали, чтобы начать Центрально-Азиатскую экспедицию. До этого Николай Константинович побывал в Америке и на обратном пути заехал в Берлин. Горький в то время находился в Италии, так что его посредничество отпало, и Рерих один посетил Советское Посольство. Подробности его посещения описаны в журнале «Международная жизнь» № 1 за 1965 год, поэтому мы лишь коротко напомним о самом главном.

Явившись в конце декабря 1924 года на прием к Советскому послу Н. Н. Крестинскому, Рерих сказал, что, хотя он и возглавляет научную экспедицию под американским флагом, но, тем не менее, просит Советский Союз оказать экспедиции покровительство. Американский флаг — чистая формальность, и все материалы, добытые в экспедиции, он готов предоставить в распоряжение России.

Рерих остановился на политическом положении в Азии, рассказал о проникновении в Тибет англичан и о том, что они ведут там усиленную пропаганду против СССР.

Рерих не скрыл от Советского посла своих философских воззрений, открыто поведал о Махатмах и о целях предпринимаемой экспедиции.

Крестинский внимательно выслушал Рериха, по просьбе последнего запротоколировал услышанное слово в слово и доложил обо всем в Москву, наркому Г. В. Чичерину, который знал Рериха еще со времени занятий в Петербургском университете. Чичерин выразил готовность во всем помочь экспедиции Рериха, но Рерих к тому времени уже покинул Европу и начал свое путешествие. Во всяком случае, Указ Владыки «на обратном пути посетить Берлин» был выполнен, советские руководители поставлены в известность об экспедиции и ее целях, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль в ее судьбе.

Вторая книга была закончена, по-видимому, в Кашмире, и там же была начата или задумана третья книга. В конце второй книги мы находим ее основную ноту и название:

«Часто люди принимают счастье за бедствие и обратно. Расширение сознания утвердит знание духа — это приведет к Нашей Общине. Будет ли Третья книга? Конечно, будет, когда пройдет в жизнь работа, указанная во Второй. Третья книга должна касаться Нашей Общины, но можно ли говорить о Нашей Общине, если сознание не вмещает понятие общины вообще? Потому, если хотите выявить в жизнь Нашу Общину, вы должны ранее выявить вашу собственную. Мы же вам поможем»

(«Озарение», стр. 238).

Сейчас точно не известно, где производились записи для третьей книги — «Община» — в Сиккиме, Кашмире или в самом путешествии. Скорее всего, что для нее были использованы записи разных периодов, включая самый последний — пребывание в Советском Союзе. То, что она была непосредственным продолжением второй книги, показывает сама ее структура, продолжающая вторую книгу. Начинается она с VII главы, следующей за VI главой второй книги. Во втором издании «Общины», о котором речь пойдет позже, структура была изменена, она была разбита по параграфам, что приблизило ее к остальным книгам «Живой Этики».

Сейчас мы будем иметь ввиду только первое издание. Его, по-видимому, предполагалось издать в Москве, и поэтому-то рукопись была взята с собой в экспедицию, в которой и дополнялась новыми записями. Но удалось напечатать лишь в Улан-Баторе, вместе с рукописью Елены Ивановны «Основы Буддизма», которая также была подготовлена раньше.

Но прежде, чем перейти к «Общине», напомним, что Николай Константинович с Еленой Ивановной и Юрием Николаевичем выехали из Сиккима в марте 1925 года. Святослав Николаевич остался в Америке, где продолжал начатые Николаем Константиновичем культурные дела. В Ригу уехал побывавший в Сиккиме по приглашению Рерихов В. Шибает. Из Дарджилинга он увез с собой рукопись книги «Пути Благословения», чтобы опубликовать ее. В апреле — июле Рерих вел переписку с Шибаетым из Кашмира. Эта переписка, как и оставленный в Москве, и позже опубликованный частично в журнале

«Международная жизнь» № 1 за 1965 год,

дневник экспедиции; ясно доказывают то, что уже с самого начала путешествия англичане догадывались, какую цель преследует Рерих, и всеми силами старались ему помешать. В свою очередь Рерих отлично знал о намерениях англичан не пустить его к границам Советского Союза, дабы уберечь от «коммунистической заразы» Индию. Конечно, сокровенной цели Рериха англичане не знали, но достаточно было и того, что кто-то пытается установить прямой контакт между Индией и Россией. Подобный прецедент был для англичан абсолютно неприемлем. Поэтому они тщательно следили за каждым шагом Рериха и его экспедиции, и старались помешать ей, на непосредственно подвластной английской короне территории Кашмира. Преодолевая чинимые английскими колониальными властями препятствия, Рерих должен был делать вид, что он ни о чем не догадывается. Поэтому в публикациях и книгах времен экспедиции он похваливал англичан за якобы оказываемое с их стороны содействие. В то же время, в дневнике экспедиции писалось о истинном положении дела и раскрывалась вся неблагоприятная подоплека этого «содействия». Так, например, 18 сентября 1925 года, перед тем, как покинуть Кашмир, Рерих записывает в дневник: «Наконец можно оставить всю кашмирскую ложь и грязь... Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и полном оцепении. Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать его. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же ранил семь наших слуг?..»

Несколько нападений пришлось выдержать Рериху в Кашмире, и в одном из них принимал участие и был узнан личный шофер английского резидента Джона Вуда.

Преследования продолжались вплоть до самой советской границы, рука английской разведки простиралась дальше, чем Рерих предполагал. Но он вел неукоснительно свой караван к цели, показывая пример, как надо выполнять Указы Владык «руками и ногами человеческими».

Никто не догадывался об истинной цели Рериха — о послании Махатм, которое он вез в Москву, о том, что не политические цели преследуются им, а гораздо более глубокие и дальновидные. Политическая ситуация была лишь одним из средств свержения колониализма, возрождения Востока и духовного преобразования, намеченного Планом Владык во всем мире. Вестником Новой Эры выступал Рерих, и ничто не могло заставить его к отступлению.

Хотя послание Махатм публиковалось у нас уже неоднократно, но мы все-таки приведем его текст еще раз, чтобы читатель задумался над всей программой действий, над коренными преобразованиями общественной жизни, ибо их предстоит еще совершить. План Владык находится еще в процессе претворения в жизнь и далеко не завершен.

«На Гималаях Мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили Землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов Общего Блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии! Знаем, многие построения свершатся в годах 28—31—36. Привет всем, ищущим общего блага!»

(«Международная жизнь» № 1, 1965, стр. 105).

Наивно думать, что Махатмы надеялись, что своим посланием Они моментально преобразят действительность, и еще более наивно считать, что Махатмы не знали реального положения дел и желаемое принимали за действительность. Просто Их послание было тем же впереди идущим «Христом» Блока, который ведет за собою мятущихся в революции людей. Для подавляющего большинства Он был «за выюгой невидим». Оно творило свое кровавое дело, вершило свои земные расчеты, свою неизбежную Карму.

Нам тяжело проследить, где завязывались ее узлы и будут ли они распутаны или разрублены. Также напрасно спрашивать, когда свершится завещанное. Лучшие сроки были указаны, они имели свое значение, как и раньше не понятое людьми. Но людское непонимание не может служить препятствием общей эволюции, связанной с Космической жизнью Планеты. И послание Махатм, привезенное Рерихом, выражало, именно, Космическое предназначение, а не исключительно политический документ. Его утверждающая сила заключается не в магии слов, констатирующих уже достигнутое, а в том направлении, которое отныне будет присутствовать как необходимый этап для продвижения человечества вперед.

Передать послание Махатм было главным для Рериха, и это главное для себя задание он выполнил. Как и когда оно будет принято и какие формы примет применение его в жизни, решал не он, а наша готовность, наше участие в жизненных процессах.

Здесь может возникнуть вопрос: неужели «всесильные» Махатмы не могли передать свое послание иным, менее хлопотливым и более убедительным способом? Если сами Рерихи были свидетелями некоторых феноменов, то таким же методом почему бы не воспользоваться при изъятии воли Владык? Может быть это убедило бы тех, кто вершил судьбами народов в то время?

На такой вопрос можно ответить сказанием об Акбаре из «Криптограмм Востока»

(стр. 81):

«Придворный историк Акбара однажды сказал Правителю: "Среди Правителей наблюдаю неразрешимое явление. Одни Владыки держались недоступно вдали от народа, их свергали за ненужностью. Другие входили в жизнь каждого дня, к ним привыкали и свергали за обычность". Акбар улыбнулся: "Значит Правитель должен оставаться невидимым, входя и направляя все действия". Так решил мудрый Правитель и предрекал будущее. Видимый невидимо!»

Вспомним исторические случаи воздействия Белого Братства на те или иные события общественной жизни человечества. Все они были только «естественного» порядка. Никаких «чудес» не допускалось. Историю складывали только люди и делали это «руками человеческими». Напомним уже раз процитированное высказывание З. Фосдик: «Человеческому уму трудно вместить факт, что «Носитель Истины и Закона» должен одновременно пребывать на двух планах, Высшем и земном, упорно стараясь с гармонизировать столь противоположные условия».

Это касается не только Посланников Белого Братства, но и самих Владык при Их воплощении. На Земле и для Земли, соблюдая Законы Космоса, Они могут действовать не нарушая земных мер и представлений подавляющего большинства человечества о возможном.

Так в случае передачи Послания. Оно должно было быть передано самым естественным, а не «чудесным» путем. Выбор Владык пал на Рериха, как на человека хорошо известного и пользующегося большим авторитетом. Для этого случая было предпринято не имеющее прецедента путешествие из Индии в Москву. Сам по себе этот факт уже предполагал, что Послание не затеряется, что на Него рано или поздно будет обращено внимание. И действительно, пролежав в архиве четыре десятка лет, Оно стало известным благодаря интересу, проявленному к Рериху и его Центрально азиатской экспедиции. Истинные Авторы Послания оставались, как всегда за завесой. Они были высочайшей реальностью для тех, кто доставил Послание, и могли существовать или не существовать для тех, кто его принял.

Существует мнение, что Махатмы добиваются признания со стороны людей. Думается, что мнение — это глубоко ошибочно. Декларировать о Своем существовании Они, конечно, могли бы очень даже убедительно и для всех наглядно. Но к чему бы это привело? Что за этим последовало бы? Предположим, что мы признали руководящую роль Владык над судьбами человечества. Следующим нашим шагом, в таком случае, явилось бы сваливание всех явных несутразностей, всех кровавых трагедий «с больной головы на здоровую». Не задумываясь, свою вину, свои ошибки люди приписали бы Учителям. Иными словами, «благодарное человечество» сняло бы с себя всякую ответственность и постаралось бы свести Учителей до уровня «обычности», чтобы впоследствии было от Них легче избавиться. Кроме того, признавшие руководство Учителей не преминули бы между собой сразу же поссориться из-за степени приближенности к Ним. Каждый посчитал бы себя достойным стать первым одеснью Учителя, потому что правильно понимает и следует Его заветам. Конечно, не избежать было бы споров о «Всемогуществе Владык», которым все доступно и все дозволено. Большинство потребовало бы «чудес». Без «чуда» для них Владыко перестает быть Владыкой и превращается в обычного человека. Они скорее будут слушать «голос» из астрала, нежели разум, который оформился у них благодаря Высшему Руководству, и сам по себе является наибольшим чудом и даром человеку.

Очевидно, все-таки не в «признании» дело, которое ни на йоту не изменило бы людей, а только сняло бы с них всякую ответственность. «Видимый невидимо» будет направлять людей, соблюдая Закон Соизмеримости и Высшей Справедливости.

Есть у Рериха один рождественский рассказ, появившийся 25 декабря 1913 года в газете «Русское Слово» (Москва). Рассказ этот включен в книгу Н. Рериха «Избранное», М., 1979

(стр. 52).

В рассказе описывается ряд чудес, произошедших в Сочельник и повергших всех в страх и трепет. Однако на другой день самые, казалось бы, необъяснимые «чудеса» нашли простое объяснение. Кончает Рерих свой рассказ словами: «После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем. Знамений ждем! Знамений просим!»

«Знамений и знаков!» — вопиет человечество. А между тем их больше чем достаточно. Только они имеют себе самое простое, «естественное» объяснение, а потому люди, ждущие «чудес», не воспринимают их, а люди, отвергающие возможность «чуда», принимают за логический ход событий, хотя их логика всегда осваивает события задним числом.

Одно из «Знамений» нашего времени — это повышенный интерес к Космосу. Второе, не менее значительное, — возросшая мощь человечества. С одной стороны, человечество себя почувствовало жителями не только Земли, но и отдаленных Звезд. С другой, оно созрело до решения проблем глобального масштаба. Всего несколько десятков лет тому назад об этом могли мечтать лишь самые смелые умы и большинство считало их мечтания фантазией. Ныне же эти «Знамения» для нас составляют обычную повседневную полемику, в пылу решения которой мы готовы взорвать Планету и погубить все живущее на ней из-за приоритета той или иной, в конце концов, временной общественной формации. А не даны ли эти «Знамения» одновременно для того, чтобы жить и действовать согласованно от лица всего человечества, как представителя Планеты в Космосе? Мы пускаемся на поиски в дальних мирах разумных собратьев до того, как на Земле воцарился бы разум. В книге

сказано:

«Учение нового мира покрывает все неудобства. Истинно, только щит Общины может осмыслить пребывание на Земле. Как неслыханно красиво мыслить о кооперации с дальними мирами. Эта кооперация, начатая сознательно, вовлечет в орбиту сношения новые миры, и этот небесный кооператив будет бесконечно расширять свои возможности. Учение может сказать чутким: пробуждаясь, помните о дальних мирах; отходя ко сну, помните о дальних мирах. Вы понимаете, что без Общины Земля жить не может. Вы понимаете, что без расширения небесных путей существование становится ничтожным. Новый мир нуждается в новых границах. У ищущих должна быть дорога. Разве она узка по всему небосклону? Счастье в том, что искатели не должны прикипать ухом к Земле, но могут обратить взгляд на духовную высь. Лучу легче искать поднятые головы. И каждое движение мира обусловлено Общиною».

Власть над Землей (быть Планете или не быть), достигнутая человеком, тесно связана с общим ею управлением, а от последнего зависит сношение с дальними мирами. Почему в Учении столько говорится о Единении? — Потому, что эра Космической жизни требует участия Планеты, а не отдельных группировок людей в своей эволюции.

Сношению с Мирами дальними отводится в книге «Община», как и в других книгах Живой Этики, основополагающее место. Вполне очевидно, что это должно происходить одновременно с налаживанием сношений с Тонким Миром, так, как только каналы последнего могут дать нужные результаты. А всему этому должно предшествовать объединение человечества в единое общество.

Как не парадоксально, но, казалось бы, наиболее легко достижимое — объединение на Земле — оказывается камнем преткновения наиболее трудному — пути проникновения в Космос. Человечество не приемлет единения. Оно расчленено сотнею обстоятельств: различием национальностей, государственными границами и интересами, кастовыми или классовыми подразделениями, разными системами управления, и, наконец, эгоизмом в самом широком смысле этого понятия. Поверх всего господствуют взгляды личного порядка: мое мировоззрение самое правильное, владею истиной только я, мое имущество неприкосновенно, и я имею право его умножать всеми доступными средствами; моя свободная воля должна быть не нарушена, а, следовательно, что хочу, то и делаю. И делается все, что идет на пользу себя, за счет ущемления ближнего своего.

Давно уже начата борьба против человеческого эгоизма, этого извращенного понятия индивидуализма. Назовем лишь два Имени, оставивших в истории человечества глубокий след, — Будда и Христос. Их учение — ничто иное, как первый этап пути в Космическое Пространство. Любовь ко всему живому, жертва и подавление личного эгоизма. Кажется, очень просто, но не забудем, что эту простоту предлагают принять людям уже не одну тысячу лет, что на этой простоте споткнулась в свое время Атлантида, что не с Будды и Христа началась эволюция человечества, что к любви надо прибавить разум, к жертве — сознание, а эгоизм разграничить от индивидуальной инициативы, от творчества личности. Почти всегда человек, приобретая что-то в другом теряет, но далеко не всегда, теряя где-то, он в другом выигрывает. Оттого-то процесс его становления столь медлителен и требует громадных усилий и неистощимого терпения.

Так, и давая книгу «Община», Великие Учителя, отнюдь, не рассчитывали на мгновенное преобразование человеческого общества. Но наступило время великих открытий, и старые как мир истины необходимо было показать в новом свете, нужно было показать, что

«Поверх всяких Росий есть одна незабываемая Россия.

*Поверх всякой любви есть одна
общечеловеческая любовь.*

*Поверх всяких красот есть одна
красота, ведущая к познанию Космоса».*

Для этого были избраны четверо Рерихов, для этого через Елену Ивановну было дано Новое Учение, для этого Николай Константинович «руками человеческими» доставил в Москву Послание Махатм.

Правильно ли выполняется Указанная в нем программа? Теми ли методами действуют ее получившие? Приносит ли она нужные для эволюции результаты? На этот счет можно много, очень много спорить. Но спросим себя, какой План Владык выполнен был полностью и правильно? Было Учение Будды, был Христос, была Французская революция. Остались — ламаизм, христианская церковь, буржуазное «свободное предпринимательство». Что же, не надо было Будды, Христа и Французской революции? Этого, пожалуй, никто не скажет. Но каждый подумает про себя, что прав был сказавший «если тебя ударят в правую щеку, то подставь ему и левую», изрекая: «Не мир, но меч принес Я вам на Землю».

Ничто новое не входит в жизнь без борьбы и без ошибок, но оно оставляет в истории свой неизгладимый след и воздействует на общественную мысль человечества. С этим и надо считаться, оценивая очередной шаг Великих Учителей, направляющих внимание людей на неотложные задачи эволюции. Такие шаги делаются независимо от того, претворено ли в жизнь ранее данное, так как все ранее данное приобретает иной оттенок и нуждается в переоценках. Необходимость момента 2000 лет тому назад была совершенно иной, чем теперь. В то время давался максимум того, что нужно было усвоить человечеству; из этого максимума был усвоен минимум. Текущий момент требует не только повторения неусвоенного, но гораздо большего, и большее дается, не взирая на то, что большинством людей оно опять не будет принято. Так образуются своего рода «ножницы» между тем, что нужно, и тем, что есть; но, находясь в постоянном движении, эти ножницы не дают человечеству успокоиться на достигнутом.

Послание Махатм выражало максимум текущего момента. К принятию этого максимума человечество, конечно, не было готово, но его необходимо было утвердить в сознании людей. Отныне этот максимум будет в той или иной мере присутствовать в передовых прогрессивных чаяниях человечества. «Усвойте чистоту мысли и соизмеримость действий». Так наполним дни наши, привыкнем к подвижности и решимости. Также не забудем, что нет на земле выше данного плана Общего Блага. Явим понимание Учений жизни. Как Моисей приносил достоинство человеческое, как Будда устремлял к расширению сознания, как Христос учил полезности отдачи, и как Новый Мир устремлен к мирам дальним! Подумайте, какие сопоставления нас окружают! Подумайте о камне основания. Подумайте о данном пути. Подумайте, как границы Космоса с вами соприкасаются. Припомните шаги чудесных напряжений не в книге, но в жизни. Подумайте, сколько не было поднято и не вмещено, но все-таки Мы стоим на месте. Потому не отчаивайтесь ошибками, но восходите Иерархией Учения»

(«Община», ч. II, 6, § 7).

Бесполезно отчаиваться ошибками и незачем обманывать себя в том, что их больше не будет в истории человечества. Но, несмотря на трагические ошибки, сказанное в середине двадцатых годов нашего столетия осуществляется в наше время. Интерес к Космосу перекочевал со страниц фантастических романов в область науки. Летают космические лаборатории, наши спутники исследуют самые отдаленные планеты. Горизонты науки все расширяются. Множество предположений делается относительно населенности Космоса.

Ведется чисто научная полемика «за» и «против» возможности контактов с инопланетянами. Высоко поднят авторитет таких «первопроходцев» мысли о космическом Разуме, как Циолковский. Идеи Чижевского, Вернадского завоевали прочное место среди наших ученых. Регистрируются многочисленные случаи неопознанных явлений космического происхождения, в том числе появления «тарелочек».

Но, думается, что последнее слово не будет сказано до того, покамест не будет научно признан Тонкий Мир. Исследование Дальних Миров во многом зависит от признания закономерностей последнего. Но и к этому рубежу современная научная мысль приближается.

Хуже обстоит дело с самим человеком. Мы по-прежнему находим на Земле множество «униженных и оскорбленных», множество непримиримо враждующих между собой сторон, столько «мещан», не желающих видеть дальше своего носа, что показаться в Космосе и протянуть кому-то руку со словами: «Мы твои собраты по разуму», — будет величайшей ложью и обманом. Скорее мы — «собраты по неразумию», а таковым в Космосе нечего делать. Неслучайно некоторые фантасты иначе не представляют себе проникновение в Космическое пространство, как «космической войны» с инопланетянами. Похоже, что тысячелетняя история человечества внесла в человеческое сознание сильнейший вывих, если мы распространяем свои бредовые идеи даже за пределы своей планеты.

Впрочем, это не раз уже говорилось. Все согласны с тем, что миллиарды, затрачиваемые на раздоры и разрушения, лучше направить на просвещение и залечивание ран, уже нанесенных дому, где мы сами живем — нашей Планете. Учение Живой Этики, конечно, не преследовало цели ломиться в открытую дверь и повторять уже тысячу раз сказанное. Учителя в высшей степени считаются с человеческим сознанием, со все растущим диапазоном его наибольшего взлета и отсталостью. Давно сказанное и не принятое или искаженное остается таким же, но уже в новых условиях жизни. Они должны не только вернуть первоначальную чистоту Истине, но также внести в нее известную коррективу, ибо Истина остается Истиной до тех пор, покамест она остается открытой для вновь осознанного. Новые ее аспекты учитывают все мировоззрительные и научные изменения современности, дабы не сдерживать полета мысли. Одновременно истинное Учение всегда считается и с наличием косности в человеческом сознании или с односторонностью его развития. Потому, как и прежние Учения, Живая Этика повторяет старое, вносит совершенно новые для человечества понятия и все повторенное рассматривает с новых позиций. Происходит своего рода переосмысление, в котором каждый находит то, что ему надо.

Одни воспримут только старое, другие далеко пойдут в новом, и, наконец, найдутся и такие, кто из старого и нового создадут необходимый эволюции сплав. Пусть их будет немного, но они двигают эволюцией, потому что они являются настоящими творцами, использующими все возможности и не оставляющими за собой длинные хвосты недоделанного. Это и есть тайна творчества, тайна синтеза. «Тайна существовала во все времена. Там, где малое знание, там и тайна. Устрашающе подумать, что известное качество сознания ничем не отличается от уровня каменного века. Чужое мышление, не человеческое, не хочет двинуться, именно, не хочет. Учитель может лить знание, но оно более служит пространственному насыщению. Потому учащий не одинок даже без видимых учеников. Помните это приближающиеся к Общине. Помните тайну — не отчаиваться».

(«Община», ч. II, VIII, § 1).

Происходит то, что происходило и раньше. Новое время приоткрывает новые дали, и основные положения Бытия должны быть повторены в соответствии с новой, Космической эпохой жизни на Земле. Учение было дано заблаговременно, и нет ничего удивительного, что переосмысления в человеческом сознании не произошло, во всяком случае, в массах. Дальние миры, хотя о них говорится с первой книги, были в то время еще так далеки, так недостижимы, что и сообщения о них складывались как-то отвлеченно. Когда выдавалось Учение Живой Этики, были сотни проблем, и никому не приходило в голову, что решение их будет зависеть от того, как будет решено вхождение человечества в Космическую жизнь. Отдельные голоса ученых не принимались в расчет, а «окультиные» науки, несмотря на «Тайную Доктрину» Блаватской, продолжали рассматривать «посвящения» со всеми их человеческими аксессуарами на уровне уходящих в лету времен. Продолжают они делать это и до сей поры, игнорируя новые аспекты Учения и воспринимая только те положения, которые хорошо вписываются в их, не потревоженное Космическим мировосприятием, мировоззрение. Между тем, подобно одной капле нового вещества, введенного в сложный химический состав, Космическое мировосприятие должно изменить человеческое мышление в корне. Особого пересмотра требуют старые, укоренившиеся в «эзотерических учениях» представления о Тонком Мире и его проявлениях. Здесь необходимо добиться четкого деления на воздействия Космического порядка и на вызванные, чисто человеческими психическими факторами, феномены. Кроме того, могут быть феномены и Планетного масштаба, обусловленные эволюцией Земли.

Они меньше связаны с Космосом, так как эволюция Земного человечества несколько отстает от Космической эволюции. Все это имеет свое отражение в Тонких Мирах, и их проявления в земных условиях могут иметь как положительный, так и отрицательный характер, способствовать развитию человеческого сознания и задерживать его. «Эзотерики» же старого толка «молятся» на любые проявления Тонкого Мира, считая все «потустороннее» выше Земного и к Земным методам исследования относятся, в лучшем случае, снисходительно. Мало, очень мало еще людей, для которых земной план является обязательным, равноправным и равнозначимым, Тонким Мирам, планом Бытия. Все они тесно связаны друг с другом, и трагедия не в том, что кто-то признает только материальный план, а кто-то — полный приоритет духовного над материальным. Трагедия заключена в том, что потеряна гармоничная связь между ними, и Мирам Тонким мы приписываем наши Земные законы, а материальный план делаем зависимым от Тонких проявлений «потустороннего». Между тем в разнообразии Бытия часть законов идентична для всех состояний, часть познаваема по аналогии, а часть присуща лишь отдельным планам Бытия и никогда не вторгается в другие планы. Это обстоятельство труднее всего постигается человечеством в его общей массе, потому что она сама по себе очень разнообразна. И в новую, Космическую эпоху разница сознаний человеческих будет давать о себе знать особенно остро. Ведь для сознания «каменного века» прежде необходимо освоить сознание «бронзового века», а затем уже позаботиться об усвоении понятий «века железного» и, наконец, века Космического. Поэтому-то, если в каменный век было достаточно на один вопрос иметь один ответ, то теперь на один и тот же вопрос необходимо иметь в запасе тысячу ответов. Соизмеримость должна подсказать, какой из тысячи в данном случае будет правильным. Эту тысячу ответов и уроки соизмеримости нам и дают книги Живой Этики. Содержа в себе все основы прежних Учений, они вооружают нас совершенно новым методом отношения к людям и к многообразию Бытия. Этот новый метод необходим, если мы признали наличие Космической жизни и причислили к ней нашу Планету. «О дальних мирах опишем в книге "Беспределельность". Здесь же напомним, что врата общины ведут к дальним мирам».

(«Община», ч. II, VII, § 17).

Значит без общины, без единства человечества Космос будет для нас закрыт. Надо обратиться к нему «взглядом новым», а это невозможно сделать с Земли, раздираемой противоречиями, вызванными эгоизмом.

Книга «Община», как уже упоминалось, потребовала двух, значительно отличающихся друг от друга изданий. Монгольское издание было предназначено для России и почти не получило распространения в Западных странах. С ним знаком был Феликс Денисович Лукин, основатель Рижского общества им. Н. Рериха. После его смерти Елена Ивановна писала Р. Рудзитису, избранному председателем после Ф. Д. Лукина: «Среди книг Ф. Д. должно быть несколько копий книги "Община". Очень прошу Вас сохранить эти книги у себя и никому до времени не выдавать их и даже не говорить об их существовании. Будут сделаны многие попытки получить именно эту книгу. Может быть первый натиск придет из Парижа от Шклявера. Скажите ему, что такой книги в продаже не имелось и не имеется».

(Письмо Е. И. от 17.05.1934).

Мы не знаем, была ли «Община» Монгольского издания обнаружена Рудзитисом. Во всяком случае, он не говорил об этой книге до 1940 года, не говорил и позже, когда она уже получила некоторое распространение через лиц, находившихся все время в СССР. В его трудах не было из нее цитат, так что весьма возможно, что книга была крепко «запрятана» Ф. Д. Лукиным.

В 1935 году намечается в Риге издать «Общину» вторым изданием, сохранив при этом на обложке год ее составления (1926). Для книги была одобрена обложка красного цвета, что напоминало о ее целенаправленности. У самой Елены Ивановны существовали сомнения, как книга пройдет в условиях цензуры в Латвии. В письме от 31.12.35 она пишет Рудзитису: «Скоро вышлю Вам и "Общину". Думаю, что, прочтя ее Вы не найдете в ней ничего, что могло бы вызвать возражения в цензуре. Само слово "Община" в своем значении содружества — общины — так прекрасно! Но, во всяком случае, если бы Вы нашли в этой рукописи нечто неприемлемое по существующим теперь настроениям, то не откажите сообщить и можно изменить или изъять. Нужно поддерживать всюду дружелюбные отношения».

Чем же была вызвана необходимость переделки первого издания «Общины»? Исключительно той же самой целесообразностью или, иначе говоря, соизмеримостью, которую Рерихи проявляли в своей зарубежной деятельности. Предназначенное для России издание упоминало о значении для всемирной эволюции некоторых положений марксизма, о неминуемом крахе капитализма, как общественной формации, о великой роли Ленина, о строительстве коммунистического общества, о вреде собственнических настроений.

Со всей определенностью писалось: «Нужно наконец усвоить уявление реального материализма, как его учили Маркс и Ленин. А всякая невежественность должна быть реально обнаружена и удалена из коммуны. Обывательское мифотворчество не присуще коммуне. Олимпы строили империалисты, и золотили их капиталисты. С Нашей Общиной могут идти понявшие реальность и материализм. Нельзя себе представить мистика и метафизика за нашей оградой. Метафизик, получивший удар, кричит — я поражен физически! Мистик протирает глаза от сияния жизни. Зачем вы живете? Чтоб познавать и совершенствоваться. Ничто туманное не удовлетворит вас. Мы называли ваших вождей, теперь назовите Наших, иначе вы дадите Нам преимущество».

(«Община», ч. III, гл. II, § 14).

Аналогичных высказываний очень много и все они благожелательны к тем начинаниям, которые проводились в то время в Советской России. Были, конечно, и ошибочные действия. Они отмечались и против них предупреждали. Но общее направление — расшатывание основ старого мира с его собственническими идеалами — всячески поощрялось. Выдвигались идеалы Нового Мира; не будем повторять их, они нашли место в том же Послании Махатм. Этот начавшийся процесс преобразования человеческого сознания, казалось бы, должен был встретить в первую очередь, покровительство тех, кто ратовал за мировой прогресс. Между тем, он встретил самое враждебное к себе отношение. Среди последователей Рериха на Западе большинство тоже не приняло того, что делалось в Советском Союзе. Книга «Община» не была там понята, и все Учение Живой Этики подверглось бы обвинению в прямой поддержке большевизма. В то время мало кто думал о далеком будущем России и считался лишь с неудобствами и личными потерями, которые нанесла им революция. Потребовалось много вех и событий пореволюционных лет, в том числе вторая мировая война, чтобы признать то положительное и эволюционное, что внесла в мировую историю Советская Россия. И то это далеко не всеми признано и идеологическая война не утихает. Понятно, что, стремясь защитить Учение на первых шагах его распространения, Елена Ивановна должна была написать в Ригу, где политические настроения не благоприятствовали появлению «Общины», следующие строки: «Очень прошу Вас сохранить эти книги у себя и никому до времени не выдавать их и даже не говорить об их существовании». Тем, кто считает, что второе издание «Общины» единственно правильное, и с его появлением изданный в Монголии вариант потерял свою силу, следовало бы обратить внимание на слова Елены Ивановны «сохранить» и «до времени не выдавать».

Если бы второе издание должно было заменить первое, то проще было бы записать, что его следует изъять и уничтожить. Между тем, предписывалось «сохранить и до времени не выдавать». Ведь Монгольское издание способно было погубить начатое в Прибалтике издательское дело, вредно сказаться на всех культурных мероприятиях, задержать вообще распространение Живой Этики. Даже теперь находятся сторонники Учения, в сознании которых никак не укладывается, что Русская революция, как каждый великий эволюционный этап, находилась под защитой Великих Учителей. Что же можно было ждать в тридцатые годы, да еще в Прибалтике, специально поддерживаемой Западом, как барьер от жупела коммунизма? Одно упоминание имен Маркса и Ленина и порицание капитализма вызвало бы самые бурные протесты и нападки на все Учение. Елена Ивановна все это учла, и, предприняв второе издание книги, очень умно убрала из нее все, что могло вызвать протесты, то есть личные имена, коммунизм, социализм, диалектический материализм. Вместе с тем, по своей сущности, книга мало изменилась. Елена Ивановна допустила даже несколько крамольных с точки зрения идеологии Запада выражений. В контексте второго издания «Общины» они прошли незамеченными, но в первоначальном тексте, рядом с именами Маркса и Ленина сразу обратили бы на себя внимание цензуры и неодобрение рядовых последователей Учения. Не случайно она в письме к Рудзитису заметила: «Если бы Вы нашли в этой рукописи нечто неприемлемое по существующим теперь настроениям, то не откажите сообщить и можно изъять или изменить. Нужно поддерживать всюду дружелюбные отношения». Таких «сомнительных» текстов, дословно повторяющих или по существу равнозначных Монгольскому изданию в «Общине» Рижского издания более чем достаточно.

Например: «Никакие старые стены, даже святилища банка, не укрепят сознание общины. Если общинник мечтает хотя бы внешними приемами походить на капиталиста, значит, гнилы ноги его общины».

(§ 218).

Или: «Умейте принять, когда вас назовут материалистами. В действиях и в мышлении мы отделиться от материи не можем. Мы обращаемся к высшим слоям или к грубейшим видам той же материи»

(§ 101).

Слова «Ленин и Маркс предрекали» заменены словами «Социальные пророки предрекали течение событий, значит это понятие не менее реально, нежели медицина и астрономия»

(§ 164).

Повторены выражения Монгольского издания: «Коллективизм и диалективизм — два пособия при мышлении о материализме. Существо материализма являет особую подвижность, не минуя ни одного явления жизни»

(§ 123)

и «Эволюция мира складывается из революций или взрывов материи»

(§ 66).

Готовя Рижское издание, Елена Ивановна стремилась, чтобы по духу оно ничем не отличалось от Монгольского, и только, идя навстречу «существующим настроениям», завуалировала прямые указания на события, происходящие в Советской России. Как в первом, так и во втором изданиях имеется обращение «Привет трудящимся и искателям», в обоих уделено много внимания социально-общественным проблемам. Во втором издании несколько больше места отводится вопросам воспитания с самого раннего детства. Вообще, сравнительное изучение двух изданий «Общины» приводит к выводу, что второе издание несколько не «зачеркивает» первого и было исполнено исключительно в целях дать основы Учения туда, где имеются малейшие намеки на принятие эволюции, хотя сознание и затуманено событиями дня сегодняшнего настолько, что не способно различить в нем начала Нового Мира. Ведь заповедано: «Если встретите на дороге ценный предмет, покрытый грязью, вы не пройдете спесиво. Вы возьмете находку и очистите грязь с нее. Также, когда вы найдете ценного человека, грязью покрытого, вы остановите шаг и будете очищать его. Долг общинника — утвердить справедливость. Учение не может отвергать истинные ценности. Община не может рассуждать — он наш или не наш. Община говорит — он ценен для эволюции или не ценен. Самый суровый отбор, по существу. Суровая целесообразность обязывает сохранить истинные сокровища... Так же как очищаете найденный жалкий алмаз, так же очищайте грязь с лица великих работников».

(§ 254).

Если первое издание «Общины» со всей прямоотой говорит об истинном значении для эволюции Русской революции, материализма, Ленина и Маркса, то второе издания заботится о тех, кто по разным причинам не готов их принять и понять правильно. Ведь среди первых сторонников Живой Этики было много подошедших к Востоку через Теософию. Они искренне почитали все духовное, понятие идеализма превалировало у них над материальным, которое ставилось в противовес духовному; высшему миру.

Конечно, эти люди требовали к себе особенно бережного отношения. Нельзя было отталкивать сторонников духовности только потому, что для них понятия «материалист», «безбожник», «коммунизм» ассоциировались с самым низшим. «Там, где может быть хотя бы задаток сотрудничества, там неуместно отвержение. Трезвый разум четко различает друзей. В наших обычаях положено исчерпать все доводы, прежде чем отсечь».

(§ 266)

— так было сказано в предисловии к Монгольскому изданию «Общины» и то же самое повторено в Рижском. Если бы сторонники того и другого придерживались этого совета, они были бы ближе к истине и явили бы примерное единение, о котором говорится в Учении. Особенно рьяно спорят между собой усвоившие только какую-нибудь часть Живой Этики, обычно соответствующую их Привычному мировоззрению. Они упорно ищут и находят в текстах Учения слова и выражения, подтверждающие их правоту и сыплют цитатами. При этом забывается, что цитат прямо противоположных их утверждениям, можно привести не меньше. Вообще, опираясь только на цитаты из Живой Этики, можно все доказать и, только что доказанное, с таким же успехом опровергнуть. Ведь Учение в целом имеет ввиду эволюцию Планеты и человечества, а в этой эволюции для каждого человека существует своя необходимость, не совпадающая по времени и месту с другими. Поэтому важны не детали, ради которых ломают копья спорщики, а важно общее направление, которому эти детали подчинены. Материалист и идеалист могут спорить до бесконечности, но более близок будет к истине тот, кто воспринимает общину как путь к достижению Космической жизни, потому что в масштабах Планеты важна эволюция космического человечества и не имеет значения вечно колеблющаяся грань между материализмом и идеализмом. «Все равно как войдет Новый Мир — в кафтане, в куртке или в рубашке. Если мы установим космичность значения общины, то все подробности — не более пылинки под подошвой. Можно простить любую нелепость, если она не против Нового Мира»

(§ 50).

Нельзя предполагать, что Владыки, давая Монгольское издание «Общины», ошиблись или чего-то не учли, так что впоследствии им пришлось Самих себя поправлять. Если и была ошибка, то как раз со стороны людей, для которых книга в первую очередь предназначалась. Та «программа максимум», которая дана в первом издании, остается в силе и сейчас.

Как бывало и раньше, неисполнение Указаний, отодвинуло сроки. Но и это было также учтено. За тысячелетия работы над человечеством не было, пожалуй, случая, чтобы люди полностью использовали все открывающиеся для них возможности. Поэтому, неизменно предлагая возможности максимальных достижений человеческого духа, ни одно истинное Учение не забывает отстающих, но способных к дальнейшей эволюции людей. Так и в «Общине» сказано: «Зная несовершенство половины новых явлений, предугадывая хитрость уловок старого мира, Мы всегда остаемся в мире несовершенном и новом. Все знаем, все оцениваем. Вы имеете личное влияние, к вам придут с вопросом: "Как мыслить?" Скажите кратко "С Новым Миром, все ограниченные суждения отбросьте". Подумайте, как можно отойти от старых привычек. Напрягитесь принять полную чашу»

(§ 234).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что книги Учения давались с учетом перспективы будущего развития сознания. Например, когда Елена Ивановна заканчивала «Общину», она уже упоминала о книге «Беспредельность», собранной только в 1930 году. Почти в каждой книге Учения затронута тематика следующих книг. При общей взаимосвязи основной проблематики это означает, что почти все вопросы мироздания и человеческой этики, так или иначе затронуты во всех книгах. Вместе с тем книги отнюдь не просто повторяют уже разобранные темы, а каждый раз разбирают их с новых точек зрения. Это говорит о сложности самой жизни, когда на один вопрос надо иметь тысячу ответов. Это же обстоятельство указывает и на метод подачи материала, при котором каждая книга должна заключать в себе широту Учения в целом. В «Общине» сказано: «Когда слагаете книги, наблюдайте, чтоб каждая книга могла быть принята отдельно. Так же в действии, чтобы каждый отдельно мог выразить всю группу»

(§ 184).

Рерихи твердо придерживались этого указания. Каждый из них являлся полномочным представителем остальных и выражал их внутреннюю сущность, несмотря на яркую индивидуальную особенность своей натуры, являя этим пример единства в многообразии.

Одновременно с «Общиной» была написана Еленой Ивановной и книга «Основы Буддизма». Она вышла в четырех изданиях. Первое, вышедшее в Монголии, было без имени автора, второе на английском языке под псевдонимом Наталии Рокотовой, третье (рижское) в 1940 году было отпечатано шапирографским способом на русском языке под тем же псевдонимом и, наконец, четвертое на английском языке издано в Нью-Йорке в 1971 году под именем Елены Рерих.

Отличается от других лишь первое издание, вышедшее в 1926 году в Улан-Баторе. Различие между ним и последующими изданиями примерно то же, что и между двумя изданиями «Общины». В предисловии к монгольскому изданию написано, что оно дано «высоким лицом буддийского мира». Далее следует: «Великий Готама дал миру законченное учение коммунизма. Всякая попытка сделать из великого революционера бога приводит к нелепости... Современное понимание общины дает прекрасный мост от Будды Готамы до Ленина. Произносим эту формулу не для возвеличивания, не для умаления, но как факт очевидный и непреложный» и, наконец, «Знаем, как Ленин ценил истинный Буддизм. Построим основы Буддизма в его явленных заветах. Учение простое, равное по красоте космосу, удалит всякий намек на идола, недостойный великого Учителя народов».

В изданных на западе текстах «учение коммунизма» заменено «учением жизни», слова «мост от Готамы Будды до Ленина» словами «мост от Будды до наших дней», фраза «Знаем, как ценил Ленин истинный Буддизм» выпущена. То, что такие изменения должны были быть сделаны на западе, вполне понятно. Цель их та же, что и в западных изданиях «Общины».

Интересно будет отметить один факт, произошедший с монгольским изданием «Основ Буддизма». Оно попало в поле зрения советского исследователя К. Герасимовой. В своей работе «Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917—1930 гг.)», Улан-Удэ, 1964 г., она пишет: «Остается спорным авторство предисловия к анонимной брошюре на русском языке "Основы буддизма". По материалам Буробкома КПСС предисловие написал Ц. Жамцарано, по иным сведениям, авторство принадлежит другому лицу. Но так или иначе эта брошюра распространялась обновленцами и содержание ее совпадает с идеями статей и докладов Б. Барадина, Ц. Жамцарано и Агвана Доржиева. Г. Ц. Цыбиков в своем монгольском дневнике говорит об этой брошюре как о попытке сопоставить Учение Будды с новым мировоззрением, отразить «новое веяние — основать социализм на принципах древнего Буддизма».

Возможно, что К. Герасимова знала или догадывалась, кто является «другим лицом», которым написан текст и предисловие к «Основам Буддизма», но по вполне понятным причинам не назвала имя автора. На стр. 167 своей книги она, связывая «Основы Буддизма» с обновленческим движением в Бурятии, пишет: «В обновленчестве мы можем увидеть два явственных момента: вполне естественное практическое стремление части духовенства к лояльности по отношению к Советской власти, и во-вторых, такое философское, интеллигентское приспособление религии к идеологии советского общества, которое объективно не может не расцениваться, как извращение этой идеологии, ведущее к стиранию граней между религией и атеизмом, буржуазным ревизионизмом и марксизмом. Хотели этого или не хотели, но таково значение этих, может быть искренних, субъективных убеждений обновленцев».

Делая такое заключение на основании нескольких цитат из «Основ Буддизма», К. Герасимова упускает из виду, что: 1. «Основы Буддизма» написаны до того, как Рерихи столкнулись с обновленческим движением в Бурятии. Правда, с одним из его лидеров — Агван Доржиевым — они встречались раньше, но это было еще в царское время, когда об обновленческом движении не было и речи. Тогда Агван Доржиев приезжал в Петербург в качестве посланца Далай-Ламы. За заслуги перед Буддизмом (строительство в Петербурге буддийского храма) он привез Рериху дары от Далай-Ламы. Виделся ли Рерих в 1926 году с Агван Доржиевым не известно. Во всяком случае, Агван Доржиев, которого лично знал и поддерживал Г. В. Чичерин, выказал себя искренним сторонником советской власти с самого начала, то есть задолго до появления «Основ Буддизма». Так что связи между этой книгой и обновленчеством нет. 2. Книга «Основы Буддизма» имеет явно против ламаистской тенденции. Само слово «лама» Елена Ивановна трактует как «учитель», а не как «монах», и отнюдь не связывает его с какими-либо церковными ритуалами и религиозными прерогативами. Никакой выгоды для себя при всем своем желании из этой книги институт лам извлечь был не в состоянии. 3. Усмотреть в «Основах Буддизма» даже отдаленных следов «буржуазного ревизионизма» невозможно. Вся книга направлена против буржуазной психологии, против собственности. В этом отношении «Основы Буддизма» равноценны монгольскому изданию «Общины». 4. Книга «Основы Буддизма» с изъятиями, не меняющими ее сущности, была повторена в Америке и Прибалтике, очень далеких и абсолютно не заинтересованных в проблемах Бурятского ламаизма.

Из всего этого следует, что задача, которую решала этой книгой Елена Ивановна, была гораздо шире и охватывала она собою философию Буддизма в целом. Другое дело, если передовые буддисты в лице Агвана Доржиева, проф. Б. Барадина, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова нашли в «Основах Буддизма» нечто, что отвечало их мыслям и идеям. Но, конечно, из этого вовсе не следует, что книга написана в поддержку обновленческого движения бурятского ламаизма. Вряд ли вообще институт лам Бурятии был знаком с этой работой и вряд ли она была бы поддержана кругом бурятских лам. Если в ней было «философского интеллигентского приспособления религии к идеологии советского общества», то что правильно замечено К. Герасимовой, в «Основах Буддизма» присутствует та степень философского интеллекта, которая доступна только широко мыслящим людям, к которым большинство лам не относится. Например, теория «перерождения» или «реинкарнации» рассматривается в ней Еленой Ивановной, отнюдь, не в общепринятом на Востоке в среде лам, а на Западе в среде ортодоксальных оккультистов, аспекте. Так,

на странице 105

(страницы указываются по последнему английскому изданию 1971 г.) «Основ Буддизма» написано: «Ни один элемент из одного существования не переходит в другое, но ни один не достигает нового существования, не имея причины в предыдущем бытии. Когда старое сознание перестает существовать, это — смерть. Когда сознание возвращается к существованию, получается новое рождение. Нужно понимать, что не из старого сознания возникает настоящее сознание, но что оно своим настоящим видом обязано причинам, заложенным в предыдущем бытии». Где же в таком случае та бессмертная душа, о которой пекутся ламы и те души бесчисленных Наполеонов, присутствие которых ощущают в себе оккультисты Запада? Их нет. Души умерли, но умирая передали свое сознание новым образованиям индивидуального потока бытия. Это уже не мы, но, если бы не было их, не было бы и нас.

Так же и Нирвана толкуется Еленой Ивановной не как последнее, высшее достижение, а как достижение Космического ритма вечного становления, присущего Вселенной. Это тот же Абсолют, о котором Ленин писал, что, вечно приближаясь к нему, мы никогда его не достигнем. Поэтому Елена Ивановна считала, что сколько имеется сознаний, столько же и есть состояний Нирваны. Каждый может в настоящей жизни достичь своей Нирваны, если разбудит в себе все, имеющиеся в наличии душевные творческие силы.

В «Основах Буддизма» говорится о Нирване: «Древнее учение знало лишь одно понятие, которое не было составным, условным и было вечным, это — Нирвана», и через страницу дается пояснение: «Энергия, стремящаяся создать новое существо и направляемая кармой, называется «тришна» — стимул, жажда бытия. И этот стимул при проникновении в Учение встает перед нами, как величайший космический принцип, как величайшее и прекраснейшее космическое таинство. И Гаутама Будда, неустанно указывающий на вечно мчащийся поток наших жизней, этим самым утверждал беспредельность и, следовательно, космичность этого стимула, подавлением которого в себе заняты многие зло толкователи Учения. Но огненный дух Учителя мог лишь уничтожать малые понятия, расширяя их в беспредельность. И Нирвана есть те Врата, которые вводят нас в ритм высшего, огненно творящего и вечно расширяющегося потока бесконечного существования. Учение Будды — это один неутомимый призыв к осознанию красоты великого творчества Бытия Беспредельного».

(стр. 108).

Таким образом, вечное понятие Нирваны является отнюдь не чем-то конечным, как его трактуют некоторые, Небытием, а другим Высшим состоянием бытия, есть лишь осознание ритма беспредельного Космического творчества. Также и бессмертие не является перевоплощением одной и той же вечной души в другие состояния, а лишь памятью о прежних существованиях, причем не столько о «своих», сколько о существовавших в одном индивидуальном потоке энергий «чужих» душах. Русский поэт Гумилев довольно удачно выразил это в строках:

*Крикну я, но разве кто поможет, Чтоб душа
моя не умерла, Только змеи сбрасывают
кожи, Мы меняем души, не тела.*

Действительно, никто, кроме самого человека, не в состоянии закрепить в нем память до такой степени, чтобы вызвать к творческой деятельности накопления всех бывших существований, а до тех пор, покамест он этого сам не добьется, бессмертие для него будет пустым звуком.

Будда отрицал как существование вечной, неизменной души, так и полностью бесследное исчезновение души после смерти.

Он учил, что есть непрерывность потока феноменов, которую мы не в состоянии ощутить до того, покамест не осознаем Нирваны, то есть не добьемся положения, при котором смена форм не будет сопровождаться полной потерей памяти. Тогда, помня о прошлом, мы сознательно будем готовить свое будущее, даже не столько свое, сколько будущее другого, более совершенного человека, который своим существованием будет обязан нам и будет с благодарностью о нас помнить. Таким и только таким образом мы не исчезнем без следа. Елена Ивановна в изданных письмах повторяет: «Принято эволюцию человеческого существования сравнивать с ожерельем — каждая буса которого — одно из физических проявлений. Но ближе представить себе эволюцию эту как сложную настойку, в которую с каждым новым проявлением на земном плане прибавляется новый ингредиент, который, конечно, изменит весь состав». Далее она замечает:

«Современные научные данные поддерживают теорию кармы, изложенную в Буддизме. Современная наука учит, что каждое поколение людей является наследником отличительных особенностей предыдущих поколений и не только в массе, но и каждом индивидуальном случае».

(Е. Рерих. Письма. Том I, стр. 485).

Подобное понимание перевоплощения следует признать не грешащим против науки и против философии. Обусловленное кармой (причинно-следственной закономерностью), оно объясняет многие неразгаданные до сей поры явления наследственности. Конечно, гены остаются генами, но то что заложенный в них код не результат простого совпадения, об этом наша наука давно уже задумывается. Нирвана, как сознательно направляемый поток кармических проявлений, является той очищенной от шелухи и примитивных представлений сущностью Буддизма, которую показывает в «Основах Буддизма» Елена Ивановна. Она пишет: «Истинная индивидуальность, истинное бессмертие заключается в осознании своего истинного "Я", сложенного (добавим от себя, и слагаемого — П. Б.) бесчисленными сочетаниями проявлений. Человек в Буддизме не несчастный пигмей; каким он является в представлении западного мышления, но владыка миров. Будучи частью и отображением Космоса, он, подобно ему, безграничен в своих возможностях»

(там же, стр. 485).

Перевоплощение душ, как мы обычно трактуем это явление, является весьма упрощенным и в высшей степени антропоцентрическим вариантом той сложной картины, которая имеет место на самом деле. С научной точки зрения, перевоплощение будет ничем иным, как неуничтожаемостью отдельных энергетических потоков. Подвластные причинно-следственным закономерностям, они позволяют упрощенное толкование в виде «возмездия за грехи и воздаяния за добродетели». Именно в таком виде оно и было подхвачено всеми религиями, как самое «человечески понятное». Безусловно, что для него потребовалась «вечная и неизменная душа», странствующая в различных слоях тонкого мира и возвращающаяся на землю до тех пор, пока не изживет своих «прегрешений». Если «своя рубашка ближе к телу», то тем более, о «своей душе» человек больше печется, чем о других. Однако даже в таком упрощенном виде теория перевоплощения плохо воспринимается человечеством. Ему хочется незаслуженно скорее, за одну краткосрочную жизнь заработать себе «вечное блаженство и вечный покой», при этом считается, что «Бог милостив» и человеку простятся грехи его, ибо «несть человек жив будет и не согрешит».

Мы считаемся с тем, что против трактовки Еленой Ивановной теории перевоплощения восстанут и большинство ортодоксальных оккультистов, слишком дорожащих своей «вечной душой». В свое оправдание они приведут множество высказываний самой Елены Ивановны, где она говорит о перевоплощении душ весьма ортодоксально, то есть как об одной душе, навсегда прикрепленной к одному человеку. Однако в этом, если хорошенько вдуматься, нет никакого противоречия. Те факты, которые приводит Елена Ивановна, только подтверждают, что в силу разных причин память о бывших жизнях сохраняется, хотя и фрагментарно, эпизодически. Иногда человек, живущий в наше время, вспоминает давнее прошлое, прошлое другого человека, которому он обязан своим духовным качеством. Вот почему так важна последняя, предсмертная мысль. Она способна зажечь сильнейшие огни в индивидуальном энергетическом потоке и будет способствовать созданию более совершенной души, несущей в себе лучшие накопления прошлого. С другой стороны, Елена Ивановна писала, что в «Книге жизни», то есть в индивидуальном энергетическом потоке жизней, будут отсутствовать многие страницы к тому времени, как память научится окидывать взглядом прошлое. То есть, некоторые жизни вообще испарятся, как ничего не внесшие стоящего в поток, который носит название «Сантана». У Николая Константиновича имеется картина под таким названием. Погруженный в мысли старец сидит в пещере на берегу бурного потока без начала и конца. Его образовали отдельные капли, которые в свою очередь слились в струи, некоторые из них завихрились у берегов, другие стремительно продолжают свой бег.

Поток этот — бытие, каждая его капля — человеческая жизнь; но лишь тот, кто постигнет сам принцип бесконечного стремления вперед, приобщится Нирваны, то есть сознательно, не задерживаясь у берегов, будет вносить свою лепту в беспредельность бытия. Это и есть Вечность. Затеряться в ней легко, и наши потерянные души — ничто иное, как Смерть. Жить в вечности и считать себя бессмертным человек в состоянии только тогда, когда он будет помнить свое прошлое и сознательно готовить будущее. Ведь бессмертие — пустой звук для тех, кто не помнит и не знает ничего, утешение для слабых, надеющихся на «Царствие Божие», которое находится где-то вне нас самих. Напомним еще раз буддийское изречение: «Прошлого мы не помним, будущего не знаем, значит единственная реальность для нас — настоящее», и когда мы будем знать, что это настоящее — результат прошлого, а будущее складывается в сегодняшнем дне, — мы познаем, что такое истинное бессмертие.

Появляясь на Земле, человек привносит с собой духовные накопления прошлого, но совершенно бессознательно. Черты характера, склонности, талант — все это может в человеке развиваться, а может и не получить развития. До сих пор каждое новое тело зависит от особенностей народности, от родителей и, наконец, от влияния среды, воспитавшей человека. Приоритет этих факторов несомненен, и его надо разрушить, о чем также пишет Елена Ивановна. Конечно, закон Кармы вносит свои поправки, но вспомним, что Карма во многом зависит от мысли, а мысли у человека наиболее уязвимое место. Они не дисциплинированы и контроля над ними, как правило, нет. Поэтому линия «Дарвина» пока что гораздо лучше прослеживается, чем линия «перевоплощения». Тот «отсвет», та передача душевных качеств, которые передаются при отсутствии памяти о них и стимулов к дальнейшему развитию, гораздо больше говорят о смертности человека, чем о его бессмертии. Бессмертие надо еще завоевать человеку. «Царствие божие с боем берется». Елена Ивановна в «Основах Буддизма» отбрасывает всю накопившуюся шелуху вокруг Буддизма и дает тактику и стратегию неизбежного для человека боя:

«Данные о мироздании, о существовании бесчисленных мировых систем, в вечном эволюционном движении проявляющихся и распадающихся, утверждения об обитаемости многочисленных миров и о полном соответствии организмов, населяющих эти миры, со свойствами и строениями их планеты, совпадают с теми научными проблемами, которые сейчас тревожат умы истинных ученых. Итак, современная наука, совпадая с утверждениями основного Буддизма, подтверждает всю реальную сущность этого впервые запечатленного Учения о реальности жизнетворчества великой материи.

Воздадим должное почитание этому Великому Уму, который мощным духом проник и самые основы Бытия, разрешил проблему жизни и указал на цель эволюции, как на сознательное сотрудничество с Космосом и общение с дальними мирами».

(«Основы Буддизма», стр. 137).

Само собой разумеется, что те понятия бессмертия и Нирваны, которые даются в «Основах Буддизма» Еленой Ивановой, являются высшими понятиями для человечества на данном этапе развития. Достигнув степени Космической жизни, человек внесет в них новые элементы, более высокие и действенные, чем просто память. Какие это будут элементы, мы не можем себе представить, как не можем представить и Космической жизни в полном ее объеме.

Думается, что нет смысла останавливаться на обвинениях против Елены Ивановны в попытках «модернизации буддизма». Подобной «модернизацией» полна вся история науки, которая не отбрасывает за борт старое, а находит ему должное место при новых открытиях. Теория Эйнштейна не перечеркнула теории Ньютона, но дала ей новое понимание и отвела новое место, столь же научно обоснованное, как и прежде. Странно было бы ожидать, например, что 26 веков назад Будда предложил человечеству теорию относительности в формулах Эйнштейна, а не в образе Майи. Та «приспособляемость» старых формулировок к новым открытиям показывает лишь эволюцию человеческого сознания, которая сохраняет преемственность идей, выдерживающих серьезное испытание временем.

Появление «Основ Буддизма» одновременно с «Общиной» — не просто случайность. Если содержание «Общины» уподобляется «плователю перед бурей, когда парус и каждая веревка содержат жизнь»

(«Община», § 99),

то «Основы Буддизма» дают представление о том море житейском, которое надлежит освоить человечеству. «Община», имея в виду Космическую эволюцию, учит неотложным задачам сегодняшнего дня и заостряет внимание именно на них. «Основы Буддизма» широко трактуют мироздание, в котором любые общественные формации человечества могут играть лишь временную, вспомогательную роль.

Этим самым снимаются нелепые обвинения противников Учения в якобы приверженности к каким-либо политическим партиям. Учение, данное через Елену Ивановну, сама она и вообще все Рерихи, никогда не были политиками и не принадлежали ни к одной из политических партий. Но они всегда находились на той стороне, которая поддерживала наиболее передовые, отвечающие грядущей эволюции положения. В «Основах Буддизма» особое внимание уделяется понятию «путь», то есть направлению, которому следует человеческое развитие. В его земном, подготовительном отрезке этот путь прослеживается от «Будды Готамы до Ленина», или по другому варианту, «От Будды до наших дней». Идеи и понятия, корректировавшие его в течение многих веков, оставались ведущими при формациях рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической, и нет оснований предполагать, что они сдадут свои позиции при коммунизме. Сторонниками этих идей, ведущих человечество к Космическим достижениям и были Рерихи. Они, как и Учение, данное через Елену Ивановну, стояли неуклонно на страже эволюции.